

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1984

СОДЕРЖАНИЕ

Участникам IX Международного съезда славистов	3
Обращение участников IX Международного съезда славистов ко всем ученым мира	4
<i>Костюшко И. И.</i> IX Международный съезд славистов	5
<i>Желицки Б. Й., Копашева М. И.</i> Классовые отношения в социалистических странах Европы (социально-экономические аспекты развития)	9
<i>Бирман М. А.</i> Связи революционных социал-демократов России и Балкан в начале XX века . .	26
<i>Грачева Л. Е.</i> Вопросы революционного движения России в трудах Г. Бакалова	37
<i>Дьяков В. А., Фрейдзон В. И.</i> Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке	51
<i>Миллер А. И.</i> К вопросу о становлении политического течения «станьчиков» (Полемика Ю. Шуйского с П. Попелем в 1864—1867 гг.)	65
<i>Большакова К. В.</i> Советско-польские театральные контакты в 1946—1949 годах (По материалам ВОКС и ОПСД)	77
<i>Бернштейн С. Б.</i> Еще раз о Срезневском	87
<i>Алексеев А. А.</i> Принципы историко-филологического изучения литературного наследия Кирилла и Мефодия	94

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Касаткин Н. И.</i> Јован Р. Бојовић. Осма покрајинска конференција КПШ за Црну Гору, Боку, Санџак, Косово и Метохију	107
<i>Глобачев М. О.</i> Eleonora Syzdek. W jednym zyciu tak wiele... Opowieść o Wandzie Wasilewskiej	109
<i>Прокопова И. И.</i> В. А. Нерод. Интернациональные связи трудящихся Украинской ССР и Польши. 1929—1933	111
<i>Грацианская Н., Смирнов Л.</i> Jozef Hrozienčík. Turčianski olejkári a safraníci	111
<i>Фрейденберг М. М.</i> Р. В. Петровић. Племя Кучи 1684—1796	115

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. К.</i> Научная конференция «Университеты и студенты»	117
<i>Жакова Н. К.</i> Заседание секции Научно-методического совета	118
<i>Яворская Г. М.</i> Чтения памяти Л. А. Булаховского	119
<i>Мыльников А. С.</i> Международная конференция славистов в Котбусе (ГДР) . . .	122
<i>Наумов Е.</i> Конференция советских медиевистов в Белорусском университете	124
<i>Гуняева Е., Калужская И.</i> II Международный семинар по славянской палео- графии и дипломатике и Международная конференция «Украшение балкан- ской рукописной книги до XVIII века»	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

УЧАСТНИКАМ IX МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

Совет Министров СССР приветствует участников IX Международного съезда славистов — ученых многих стран Европы, Азии, Америки и Австралии.

Съезды славистов имеют более чем полувековую историю. Они играют важную роль в изучении и распространении научных знаний об истории и культуре, языках и литературе славянских стран и народов. На протяжении всей истории славянские народы были тесно связаны с другими народами и внесли значительный вклад в мировую цивилизацию. Ныне они борются за мир и социальный прогресс, за утверждение высокогуманной социалистической культуры, за развитие сотрудничества и дружбы между всеми народами.

Знаменательно, что ваш съезд проходит в столице Советской Украины — городе Киеве, отметившем недавно свое 1500-летие. Этот замечательный город, исторический центр древнерусской государственности, неоднократно подвергавшийся опустошительным военным нашествиям, сохранил уникальные памятники восточнославянского искусства. Киев сегодня — один из крупнейших промышленных, культурных и научных центров Союза Советских Социалистических Республик.

Работа вашего съезда служит благородному делу взаимопонимания и взаимного обогащения духовными ценностями народов всей нашей планеты во имя высокой цели сохранения мира и развития конструктивного международного сотрудничества.

Желаем участникам IX Международного съезда славистов успешной работы в интересах науки, на благо мира и прогресса.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Правда, 1983, 8 IX.

ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ IX МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ КО ВСЕМ УЧЕНЫМ МИРА

Ученые-слависты из 26 стран, собравшиеся в г. Киеве на свой очередной съезд, обращаются с этим призывом ко всем деятелям науки, людям доброй воли.

Современная международная обстановка вызывает у нас большую тревогу за судьбы мира и человечества. Угрожающе возрастает гонка вооружений. Это отравляет международный климат, наносит огромный ущерб международному сотрудничеству во всех сферах нашей жизни и деятельности, в том числе и в области науки.

Изучая историю, языки и литературу, искусство и культуру славянских народов, мы особенно ясно представляем себе, сколько великих усилий потребовалось для создания мировой культуры и современной цивилизации. Для всех представителей гуманитарных наук бесспорно, что именно в условиях мирного сосуществования создавались наиболее благоприятные возможности обмена культурными ценностями между народами и рождалась уверенность в успехах развития науки и культуры, крепла вера во всеобщий социальный прогресс.

Ныне, когда под угрозу поставлены все достижения мировой культуры и цивилизации, само существование человечества, нет более важной задачи, чем борьба за устранение опасности ядерной войны, всякой войны и насилия. На нас — ученых лежит особая ответственность за сохранение мира. Мы призваны донести до сознания всех людей, к каким катастрофическим последствиям может привести ядерная война.

Мы поддерживаем антивоенные инициативы миролюбивых государств, всех общественных сил, борющихся за упрочение международной безопасности и развитие сотрудничества между странами и народами.

Мы, ученые-слависты, обращаемся ко всем ученым, ко всем людям доброй воли с призывом умножить свои усилия в борьбе за мир, спасти нашу планету от угрозы мирового пожара. Своими активными действиями создадим непреодолимую преграду враждебным миру силам, обеспечим прочный мир на земле!

13 сентября 1983 года,
г. Киев.

Правда, 1983 14 IX.

КОСТЮШКО И. И

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

7—13 сентября 1983 г. в столице Советской Украины, городе Киеве, состоялся IX Международный съезд славистов. В нем приняли участие 1846 ученых-славистов из 26 стран Европы, Америки, Азии и Австралии.

Съезд открыл исполняющий обязанности президента Международного комитета славистов акад. АН УССР П. Т. Тронько. Он отметил важное значение славистических исследований и сотрудничества славистов в обогащении знаниями, в ознакомлении широких кругов общественности с историческим и культурным развитием славянских народов и выразил надежду, что работа съезда послужит делу дальнейшего развития славистики и научных связей между учеными.

На съезде выступил председатель Совета Министров Украинской ССР А. П. Ляшко. Оратор подчеркнул, что славянские народы в содружестве с другими народами достигли больших успехов в хозяйственном и культурном строительстве; созидавая новое общество, они являются последовательными поборниками мира, взаимовыгодного сотрудничества и дружбы между всеми народами. А. П. Ляшко огласил приветствие Совета Министров СССР, которое было встречено участниками съезда с большим вниманием и благодарностью.

Участников съезда приветствовали вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев, президент АН УССР акад. Б. Е. Патон, председатель Киевского городского Совета народных депутатов В. А. Згурский, ректор Киевского государственного университета чл.-корр. АН УССР М. У. Белый, от делегаций из славянских стран — акад. В. Хензель (ПНР), из неславянских стран — проф. Д. Ворт (США).

На пленарном заседании съезда выступили с докладами акад. Б. А. Рыбаков — «Киев и его вклад в развитие славянских народов и мировую культуру», акад. Б. Крефт (СФРЮ) — «Тургенев и Марко Вовчок», проф. И. Хамм (Австрия) — «Древность и современность о Ю. Крижаниче».

Затем работа съезда проходила в тематических секциях и подсекциях. На секции языкознания были прочитаны и обсуждены 199 докладов по темам: праславянский язык в кругу других славянских языков; языковая ситуация в Киевской Руси и взаимоотношение древнерусского письменного языка с другими языками; генетическое, типологическое и ареальное изучение славянских языков; конфронтационное изучение фонологии, грамматики и лексики современных славянских языков; развитие современных восточнославянских литературных языков.

В лингвистической тематике большое место заняли проблемы русского языка, возрос интерес к славянскому этногенезу и глоттогенезу, связям славянских языков с балтийскими и их индоевропейской предьсторией, выделению праславянских компонентов в отдельных языках. Большое внимание уделялось синхроническому описанию на всех языковых уровнях, лингвистической географии, ономастике. Доклады на съезде

подтвердили и позволили уточнить концепцию о функционально-стилистическом характере размежевания древнерусского и церковнославянского языков в письменности Киевской Руси. Предлагалась оценка так называемого второго южнославянского влияния как собственно восточнославянского явления, обусловленного стремлением к восстановлению старой письменной традиции. Дискуссионный характер имели высказанные на съезде соображения о развитии аналитизма и агглютинации в восточнославянских языках.

Внимание секции литературоведения сосредотачивалось на темах: литература Киевской Руси в славянском и мировом контексте; смена направлений в славянских литературах как проблема теоретическая и историческая; И. С. Тургенев и мировая культура (к 100-летию со дня смерти); классическое наследие и развитие социалистического реализма в славянских странах; современное состояние и перспективы сравнительного изучения славянских литератур. Было прочитано 145 докладов, в дискуссии по ним выступили 300 ученых. Литература Киевской Руси рассматривалась как важный компонент общеславянского и мирового литературного процесса; отмечалась ее большая художественная и культурная значимость. При этом была показана полная несостоятельность утверждения о якобы низком интеллектуальном уровне Киевской Руси. Литературные направления освещались в аспектах общих закономерностей литературного процесса и своеобразия развития литературы в славянских странах. Много внимания уделялось литературе барокко и проблеме реализма. Раскрывались сложная диалектическая связь традиции и новаторства в литературе социалистического реализма, многообразие его форм художественного обобщения. Указывалось на необходимость уточнения и обновления терминологического аппарата. Большой интерес вызвали доклады о Тургеневе, в которых освещались восприятие творчества писателя в славянских странах и развитие тургеневской традиции в литературах Европы и Америки. Были обсуждены методологические аспекты сравнительного изучения славянских и неславянских литератур, вопросы литературных связей и аналогий и проблематика двусторонних литературных связей.

Секция литературно-лингвистической проблематики заслушала 58 докладов по темам: вопросы семантической и формальной структуры словесного искусства у славян; теория художественного перевода, межславянский художественный перевод, переводы с неславянских на славянские и со славянских на неславянские языки; текстологические проблемы славянских языковых и литературных памятников; новые исследовательские приемы в изучении славянских литератур (семиотика, теория коммуникации, анализ текста, системный, квантитативный, алгебраический анализ и др.); социолингвистический подход к оценке литературных произведений. Стилизация художественного произведения рассматривалась как отражение различных сфер общения, художественный текст анализировался системно, причем раскрывались основные компоненты стилизации. Была поставлена проблема отправителя/адресата речи на материале художественного произведения. Отмечалось значение перевода для взаимного обогащения литератур, положительно оценивался семантический подход к изучению литературных произведений. Широко обсуждались проблемы формализма, антиэстетизма и футуризма. Была показана необоснованность попытки объяснения духовного развития восточных славян в XVII в. влиянием реформации и контрреформации в Польше и утверждения о доминирующем воздействии Запада на литературу и культуру Киева в XVI—XVII вв.

На секции фольклористики в представленных 40 докладах рассматривались темы: фольклор Киевской Руси и фольклор других народов средневековья; проблемы поэтики фольклора; фольклор славянских народов периода освободительной борьбы против фашизма; фольклор в системе современной художественной культуры; принципы сводных изданий фольклора славянских народов в XIX—XX вв. Были доложены результаты реконструкции общеславянского эпического репертуара и

фольклора Киевской Руси, сопоставления народных и летописных преданий; поэтика фольклора освещалась с учетом фольклорной традиции, раскрывались национальное и интернациональное в антифашистском фольклоре и отражение в нем национальных поэтических традиций, приводились данные об изучении современной устнопоэтической культуры, впервые обсуждались проблемы систематики, классификации и текстологии фольклорных произведений, принципы изданий фольклора славянских народов.

Предметом рассмотрения секции по исторической проблематике являлись темы: этногенез славян в свете данных археологии и истории; Киевская Русь и ее международные связи; общественная мысль славянских народов в период Просвещения и национального возрождения и проблемы истории славистики; социальное и культурное развитие славянских народов после 1945 г.; памятники истории и материальной культуры славянских народов (вопросы изучения, сохранения и др.).

На секции был прочитан 71 доклад. Излагались мнения по проблеме этногенеза славян, результаты исследований археологов и этнографов, касающиеся этого вопроса; были сделаны интересные наблюдения о связях Киевской Руси с Западом, о культурном влиянии Новгорода на Швецию, о торговом пути из «варяг в греки», о содержании ранних статей «Повести временных лет», о связи древнерусской музыкальной культуры с византийской. При анализе общественной мысли славянских народов обращалось внимание на ее взаимодействие и на необходимость правильной интерпретации понятий и терминов.

Важное место заняла проблематика развития славянских народов после 1945 г.: были показаны социально-экономические аспекты развития советского общества на современном этапе, основные черты социального развития Советской Украины и Советской Белоруссии в составе СССР, культурное взаимообогащение народов СССР в 60—70-х годах, роль Киева в духовном общении славянских народов, отражение единства восточнославянских народов в памятниках истории и культуры социалистического Киева, соотношение национального и интернационального в социалистической культуре славянских народов, некоторые аспекты развития Чехословакии и Болгарии и межславянских связей. Были доложены исследования относительно старых письменных источников и результаты работ по составлению каталогов славяно-русских рукописных книг и старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. В дискуссии по докладам выступили 144 ученых.

Кроме секционных и подсекционных заседаний состоялись два круглых стола по междисциплинарным темам: «Этногенез славян» и «Юрий Крижанич в контексте своего времени». В дискуссии по вопросу этногенеза славян преобладало мнение о целесообразности самостоятельных поисков специалистов и последующего сопоставления их результатов с данными смежных наук. Указывалось на необходимость изучения этногенеза славян на более широком фоне, в связи с историей других этносов. Отмечалось, что если восточная и западная границы прародины славян более или менее точно определяются, то южная граница остается пока неизвестной. На заседании, посвященном Ю. Крижаничу, рассматривались деятельность ученого и его представления по широкому кругу научных и общественных проблем тогдашней поры.

Во время работы съезда состоялись заседания международных комиссий при Международном комитете славистов. Были обсуждены итоги деятельности комиссий за прошедшее пятилетие. В эти годы были изданы: «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования» (М., 1978—1982), «Словарь славянской лингвистической терминологии» (Прага, 1977, 1979), «Методологические проблемы истории славистики» (М., 1978), «История славистики до середины XIX в.» (Прага, 1978), «История славистики конца XIX — начала XX в.» (София, 1981). Председателями комиссий избраны: Общеславянского лингвистического атласа — проф. В. В. Иванов (СССР), Фонетики и фонологии славянских языков — проф. Н. Хуркова-Новотна (ЧССР), Славянского фольклора —

проф. В. Е. Гусев (СССР), Изучение культур славянского средневековья — чл.-корр. АН УССР И. И. Артеменко, Балто-славянских отношений — акад. АН Лит. ССР В. П. Мажюлис.

На заседании Международного комитета славистов 11 сентября в Чернигове была одобрена новая редакция устава МКС. Членом МКС стала Ассоциация славистов Индии.

13 сентября состоялось заключительное пленарное заседание съезда. На нем были заслушаны сообщения проф. Д. Ворта о работе секции языкознания, проф. С. Вольмана (ЧССР) — секции литературоведения, проф. И. Хамма — секции литературно-лингвистической проблематики, проф. П. Динекова (НРБ) — секции фольклора, проф. В. Матулы (ЧССР) — секции исторической проблематики, в которых отмечались научная значимость докладов и полезность их обсуждения. Было оглашено приветствие генерального директора ЮНЕСКО А. М. М'Боу форуму славистов.

Всего на съезде было прочитано 457 докладов по проблемам славяноведения, в дискуссии по ним выступили 1200 ученых. Работа съезда проходила в деловой, научной атмосфере. Состоялся широкий и полезный обмен мнениями ученых по интересующей их тематике. Можно надеяться, что обстоятельная оценка научных результатов съезда будет дана специалистами на основе анализа его материалов. Но уже очевидно, что это было крупное событие в научной жизни, на съезде были в определенной мере подведены итоги исследований в области славистики после VIII съезда, обсуждены многие важные проблемы, поставлены вопросы, требующие дальнейшего изучения. Съезд способствовал укреплению научных связей между учеными.

Необходимо отметить хорошую организацию работы съезда и интересную культурную программу для его участников, в чем большая заслуга принадлежит гостеприимным киевлянам.

Съезд обратился ко всем ученым мира, ко всем людям доброй воли с призывом умножить свои усилия в борьбе за мир, за спасение человечества от угрозы ядерной войны.

Президентом МКС на 1983—1988 г. избран акад. В. Георгиев (НРБ). Принято решение очередной, X, съезд славистов провести в 1988 г. в г. Софии.

14 сентября в г. Каневе состоялось научное заседание МКС и Советского оргкомитета по подготовке и проведению съезда, посвященное творчеству Т. Г. Шевченко и его вкладу в мировую культуру. На заседании выступили акад. АН УССР О. Гончар, чл.-корр. АН СССР Г. П. Бердников, чл.-корр. АН УССР Л. Н. Новиченко, акад. Д. С. Лихачев, акад. В. Хензель (ПНР), проф. Г. Германов (НРБ). Участники заседания возложили цветы на могилу великого Кобзаря и посадили деревья в Парке дружбы.

ЖЕЛИЦКИ Б. Й., КОПАШЕВА М. И.

КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

(социально-экономические аспекты развития)

Основоположники марксизма-ленинизма, изучая взаимоотношения между двумя основными классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией, — открыли важнейшие закономерности развития общества. На основании глубокого анализа экономической и политической борьбы пролетариата они раскрыли не только историческую роль рабочего класса в преобразовании всей социальной жизни, но и предначертали перспективы формирования новых общественных отношений и пути становления и совершенствования общества, свободного от антагонистических противоречий.

В Манифесте Коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса» [1, т. 4, с. 447]. К. Маркс в известном письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., обращая внимание на одно из важнейших условий превращения рабочего класса в господствующий класс, подчеркивал, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, которая сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов, к обществу без классов [1, т. 28, с. 427]. Эти теоретические положения в условиях империализма получили дальнейшее развитие и конкретизацию в трудах В. И. Ленина и нашли подтверждение в исторической практике России и ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Их опыт показал, что для преодоления классовых антагонизмов и противоречий требуется продолжительный исторический период в общественном развитии, что важной предпосылкой, отправной точкой для их ликвидации явилось установление и успешное функционирование диктатуры пролетариата. Посредством ее рабочий класс осуществил важнейшие социально-экономические и культурные преобразования в обществе, оказал решающее воздействие на его структуру, на формирование новых классовых отношений.

В развитии классов и классовых отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в строительстве социализма четко различимы два, качественно отличающиеся друг от друга этапа:

1) этап установления социалистических производственных отношений, ликвидации эксплуататорских классов и преодоления антагонистических классовых противоречий, в целом совпадающий с периодом строительства основ социализма (для большинства социалистических стран Европы он заканчивается концом 50-х — началом 60-х годов). На этом этапе

рабочий класс, располагая командными высотами в политике, завершает начатые ранее экономические преобразования в интересах полной победы социалистических производственных отношений, переводит всю общественную экономику на рельсы планомерного развития. Завершая ликвидацию экономического господства бывших эксплуататорских классов (которая проводилась в условиях классовой борьбы) и осуществляя тем самым и их практическую ликвидацию, он вносит вклад в изменение характера социально-классовой структуры, в которой с построением основ социализма нет больше эксплуататоров, и эта структура в принципе становится социалистической. В результате исчезает экономическая и социальная основа для возникновения в дальнейшем антагонистических классовых противоречий в обществе;

2) этап упрочения социалистических производственных отношений, сближения классов и слоев общества на почве укрепляющегося социалистического единства народа (он совпадает с периодом строительства развитого социалистического общества). На этом этапе экономика и общество развиваются на собственной социалистической основе, происходит усовершенствование структуры экономики и системы ее управления, осуществляется переход к ее развитию интенсивными методами. Классовые отношения на этом этапе, в условиях отсутствия антагонистических классов, определяет союз рабочего класса, численность и удельный вес которого в обществе значительно возросли, с кооперированным крестьянством и социалистической интеллигенцией. Их связывает и сближает единство целей и основных задач строительства социализма. В этих условиях возможные возникающие противоречия решаются мирно, не доходя до социальных конфликтов между классами. При этом значительно возрастает роль и ответственность государств и марксистско-ленинских партий в руководстве и управлении экономическими и социальными процессами. В социальном организме общества все четче вырисовываются тенденции к постепенной гомогенизации. Изменившаяся социально-классовая структура общества, сближение классов и слоев позволяют расширять социалистическую демократию во всех сферах общественной жизни.

Важнейшей основой развития классовых отношений является материальное производство, производственные отношения. Именно поэтому в целях изменения характера унаследованных от капитализма антагонистических производственных отношений К. Маркс и Ф. Энгельс в качестве важнейшей задачи революции ставили «самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности» [1, т. 4, с. 446]. Эта задача в странах, ставших на путь социализма, решалась в ходе борьбы с эксплуататорскими классами, путем их вытеснения из различных сфер хозяйственной жизни, лишения экономических позиций. В большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы она была окончательно решена к рубежу 50—60-х годов.

Отстранение от политической власти буржуазии, изменение расстановки классовых и политических сил на международной арене и внутри каждой страны после второй мировой войны, мирный характер развития социалистических революций позволили коммунистическим и рабочим партиям этих стран продолжить деятельность, направленную на последовательную ликвидацию экономических позиций эксплуататорских классов (они были подорваны и существенно ослаблены еще в ходе демократических преобразований), на упрочение союза с крестьянством и другими слоями трудящихся, на создание благоприятных условий для строительства новой жизни. Следовательно, на этапе создания основ социализма в развитии классовых отношений наблюдались два направления: а) развитие и углубление всесторонних связей и классового сотрудничества рабочего класса с трудовым крестьянством (при учете необходимости его перевода на рельсы коллективного хозяйствования) и другими слоями трудящихся; б) лишение экономических позиций и окончательное вытеснение из сферы хозяйственно-экономической жизни всех эксплуататорских классов с целью уничтожения экономических и социальных основ антагонистических классовых противоречий. В целом, последова-

тельное успешное проведение политики в этих направлениях обеспечивало революционное преобразование общества, складывание его качественно новой социально-классовой структуры, и следовательно, формирование принципиально новых классовых отношений.

Рабочий класс Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии, овладев государственной властью, использовал ее для достижения победы социалистических производственных отношений с учетом исторического опыта СССР. Он исходил из известного ленинского положения о том, что установление диктатуры пролетариата не означает автоматического прекращения классовой борьбы, а лишь ее продолжение в новых условиях, новыми средствами, что для полной победы новых отношений необходимо завершить ликвидацию экономических устоев существования буржуазии как класса, что требовало обобществления ее собственности. Многоукладность в экономике, сохранение на начальном этапе социалистического строительства еще значительных хозяйственных позиций в руках эксплуататорских классов сами по себе свидетельствовали о неизбежности продолжения начатых ранее коренных преобразований в этой сфере. Реализация намеченных коммунистическими и рабочими партиями мероприятий по окончательной ликвидации экономических позиций эксплуататорских классов требовала от рабочего класса последовательной политики и, так же как в СССР, вызвала более или менее активное сопротивление со стороны их представителей. Именно поэтому и считал В. И. Ленин диктатуру пролетариата важнейшим орудием борьбы рабочего класса против буржуазии, необходимым для подавления «меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых» [2, т. 33, с. 90], подчеркивая, что «диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной... буржуазии» [2, т. 38, с. 377].

Продолжая классовую борьбу в новых исторических условиях, рабочий класс стран Центральной и Юго-Восточной Европы стремился создать наиболее благоприятную обстановку для социалистического строительства; он не был заинтересован в ее обострении, старался избежать гражданской войны. В интересах смягчения сопротивления буржуазии он использовал самые различные формы и методы ее подавления, среди которых важнейшими являлись мероприятия в области экономики (в том числе экспроприация средств производства, выкуп, постепенное ограничение и вытеснение капиталистических элементов и др.). В подавлении сопротивления городской буржуазии в европейских странах, ставших на путь социализма, коммунистические и рабочие партии, опираясь на теоретическое наследие Великого Октября, решающее значение придавали национализации средств производства. Вся крупная собственность, находившаяся в руках монополистического капитала, была национализирована вслед за установлением народной власти. Ликвидация всей остальной капиталистической собственности проводилась постепенно, с учетом особенностей каждой отдельной страны [3]. Лишь в Албании национализация всех промышленных предприятий независимо от их размеров была осуществлена сразу, в один прием [4].

Ликвидация экономических позиций средней и мелкой городской буржуазии, весьма важная с точки зрения победы социалистических производственных отношений, была осуществлена постепенно в ходе народно-демократических и социалистических революций и получила завершение в результате кооперирования частного мелкотоварного производства. Характерно, что уже к рубежу 40—50-х годов были достигнуты существенные успехи в вытеснении из сферы экономики эксплуататорских классов, в промышленности стран рассматриваемого региона социалистические производственные отношения стали господствующими. Так, доля социалистического сектора в производстве валовой промышленной продукции в 1950 г. в Болгарии составляла уже 97,5%, в Венгрии — 91,9, в ГДР — 68,3, в Польше — 96,8, в Румынии — 92,4, в Чехословакии — 100 [5, 1970, с. 56—57], в Албании — 97,2% [6, f. 125].

К концу 50-х — началу 60-х годов обобществление собственности средней городской буржуазии в этих странах (кроме ГДР) было завершено; однако, в темпах, формах и методах его осуществления между ними имелись отличия. В ГДР, например, ввиду существования двух государств на немецкой земле, в целях смягчения остроты классовых противоречий для постепенного мирного преобразования экономики и перевоспитания национальной средней буржуазии долгое время использовался государственный капитализм, наряду с социалистической и частной собственностью в народном хозяйстве возникла форма полугосударственной собственности. Эта форма, как отмечается в Программе СЕПГ, принятой на VI съезде партии в 1963 г., облегчила «мелкой городской буржуазии, а также мелким и средним капиталистическим предпринимателям добровольно и сознательно идти по пути социалистических преобразований» [7]. На полугосударственных предприятиях (в 1956 г. их насчитывалось 144, в 1962 г. — 5277) [8, 1966, S. 113], где совладельцем выступало государство, капиталисты были ограничены в возможности эксплуатировать рабочих. Как подчеркивалось в положении о полугосударственных предприятиях ГДР, «участие рабоче-крестьянского государства в частной промышленности является одной из переходных форм к социалистическому предприятию» [9]. При этом следует отметить, что большинство мелких и средних предпринимателей в ГДР, поняв тенденцию экономической политики и осознав неизбежность изменения производственных отношений, добровольно согласилось на постепенное социалистическое преобразование своей собственности. Если в 1958 г. 57,5% всех промышленных предприятий страны были еще частными (на них работало 12% всех рабочих и служащих отрасли), а полугосударственные составляли всего 9% предприятий (4,7% рабочих и служащих), то в 1962 г. удельный вес частных предприятий сократился до 33,3%, а полугосударственных возрос до 34,7% (на частных было занято 4,6, на полугосударственных — 12% всех рабочих и служащих промышленности) [10, с. 43].

Создание полугосударственных предприятий явилось, таким образом, средством привлечения части буржуазии к социалистическому строительству, методом использования её опыта и знаний по организации производства, а следовательно и такой формой классовой борьбы пролетариата, которая направлена на ослабление сопротивления и на перевоспитание представителей эксплуататорских классов.

Руководящие партии рабочего класса социалистических стран Европы в большинстве случаев не ставили задачу немедленного преобразования в социалистическое всего мелкотоварного хозяйства. Они исходили из целесообразности его постепенной ликвидации, учитывая, что по мере укрепления социалистического сектора откроются возможности замены частного хозяйства. В большинстве рассматриваемых стран сохранившаяся сфера деятельности незначительного по своим масштабам частного сектора распространялась лишь на отдельные участки легкой промышленности, торговли и ремесла. Национализация собственности крупных торговцев была проведена так же радикально, как и промышленной буржуазии.

В преобразовании мелкой частной торговли, где процесс вытеснения капиталистических элементов шел несколько медленнее чем в промышленности, в 50-х годах тоже были достигнуты важные успехи. Так, за 1950—1960 годы доля частного сектора в розничном товарообороте (включая общественное питание) значительно сократилась в Болгарии — с 5,7 до 0,1%, в Венгрии — с 38,5 до 1,2, в ГДР — с 82,5 до 22,7, в Польше — с 17,0 до 2,6, в Румынии — с 11,5 до 0,1, в Чехословакии — с 8,8 до 0, в Албании — с 23,3 до 10,5, в Югославии (без общественного питания) — с 1,3 до 0,44% [5, 1970, с. 288—291; 6, f. 299; 11].

Частный сектор в промышленности социалистических стран Европы к началу 60-х годов еще больше сократился и сохранил лишь незначительные позиции (за исключением ГДР, где частному и полугосударственному, т. е. несоциалистическому сектору принадлежало еще 16,9% валовой промышленной продукции, в нем трудилось около 17% всех занятых

в промышленности [5, 1970, с. 56; 10, с. 27]. В мелкой торговле наиболее значительные позиции частного сектора сохранились в ГДР и Польше, хотя и там он не представлял уже такой силы, которая могла бы повлиять на результаты социалистического строительства.

Таковы были важнейшие результаты борьбы общественно-экономических укладов, вытеснения капиталистических элементов из таких решающих сфер народного хозяйства как промышленное производство и торговля.

Потеряв политическую власть и основные средства производства, буржуазия уже в начале социалистического строительства перестала быть одним из основных классов общества.

Вытеснение, а вслед за ним и ликвидация экономических позиций эксплуататорских классов в промышленности, торговле и на транспорте обусловили необходимость завершения этого процесса и в остальных сферах народного хозяйства. Перед коммунистическими и рабочими партиями в ходе кооперирования встала задача осуществления такой экономической политики, которая способствовала бы ликвидации класса эксплуататоров на селе.

Собственность класса крупных сельских эксплуататоров, прежде всего земельных магнатов и помещиков, в основном была ликвидирована еще в ходе демократических аграрных преобразований. Земля в результате земельной реформы в основном была передана в собственность крестьян. Аграрные преобразования изменили социальную структуру села: не стало категории безземельного крестьянства, ослабили позиции капиталистических элементов. Однако проведение даже самой радикальной земельной реформы само по себе еще оказалось недостаточным для ликвидации всех эксплуататорских классов на селе. Осталась еще значительная масса средней и мелкой сельской буржуазии, которая, используя наемный труд (хотя и в ограниченной форме), владея орудиями сельскохозяйственного производства, тягловой силой и значительными земельными угодьями, продолжала эксплуатацию мелких крестьян. Ее ограничение, вытеснение и ликвидация стали важной задачей рабоче-крестьянской власти. Этот процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы протекал в различных формах и в разные сроки.

В борьбе против сельской буржуазии успешно использовалась политика ограничения и постепенного экономического вытеснения. В этом отношении большую роль сыграли налоговая политика, система обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов (прежде всего зерна) и другие меры. Последовательная политика рабочих партий в этом направлении осуществлялась в условиях обострившейся классовой борьбы. Оказывая сопротивление мероприятиям народной власти, сельская буржуазия прибегала к саботажу, вредительству и т. д. Подобные формы сопротивления применяла буржуазия в Болгарии, где она оказывала активное сопротивление с 1949 г. [12], в Албании — в 1946—1947 гг. [13], в Венгрии и в ГДР — на начальном этапе социалистического строительства [14, 9], в 1948—1950 гг. в Чехословакии [15] и др.

Коммунистические и рабочие партии этих стран, учитывая опыт СССР, исходили из того, что в целях окончательной ликвидации причин для существования антагонистических классовых противоречий на селе необходимо решить задачу перевода всего крестьянства на рельсы коллективного хозяйства, т. е. осуществить социалистическое переустройство всего сельского хозяйства. Эта задача могла быть решена только под руководством рабочего класса. Кооперирование явилось также исходной предпосылкой превращения сельского хозяйства в индустриальную отрасль экономики. Крестьянство не сразу поняло необходимость перехода к коллективному ведению хозяйства, оно избегало этого до тех пор, пока не убедилось в его преимуществах. «Организаторская роль, инициатива и многогранная помощь рабочего класса и его революционной партии были необходимым условием объединения крестьян в кооперативы, их перехода на путь социализма, — отмечал Я. Кадар, подводя итоги социалистического преобразования сельского хозяйства в Венгрии. — Предо-

ставленное самому себе, крестьянство долгие годы оставалось бы в состоянии нерешительности» [16, с. 98].

Помощь рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, в деле вовлечения крестьянства в кооперативы в конечном итоге способствовала упрочению классового союза между ними. Учитывая конкретные условия своих стран, коммунистические и рабочие партии творчески подходили к проведению этого важного мероприятия. В большинстве их с самого начала социалистического строительства были созданы госхозы и сельскохозяйственные кооперативы, призванные показать преимущества социалистического хозяйствования. Все это вело к укреплению материально-технической базы создаваемых кооперативов.

Кооперирование крестьянства — это сложный процесс, требующий тщательной подготовки и умелого проведения. Оно нигде не проходило гладко, без трудностей и борьбы. На пути его осуществления стояли вековые традиции, связанные с патриархальной привязанностью крестьянства к земле, с исторически сложившимися привычками и навыками. «Коллективизация имеет свои трудности. Но эти трудности носят преходящий характер, а трудности, вытекающие из ограниченного характера мелкотоварного производства, постоянны и сохраняются до тех пор, пока не завершится социалистическое преобразование сельского хозяйства».— писал Я. Кадар, обобщая опыт кооперирования в венгерском селе [16, с. 102].

У крестьянства европейских социалистических стран были очень прочные традиции частной собственности на землю, поэтому производственное кооперирование пришлось здесь вести постепенно, поэтапно, прибегая одновременно к использованию различных форм кооперации.

В отличие от СССР кооперирование крестьянства в социалистических странах Европы было проведено в условиях частной собственности на землю, без ее национализации, что подтверждает универсальный характер ленинского кооперативного плана, как верного пути крестьянства к социализму.

Исторический опыт показывает, что кооперирование крестьянства — это одна из важнейших закономерностей социалистического строительства. Социалистическое переустройство сельского хозяйства, массовое проведение которого приходилось в основном на 50-е годы, было осуществлено в условиях острой классовой борьбы против капиталистических элементов на селе. В ходе кооперирования крестьянства в странах, где оно доведено до конца, был ликвидирован последний и самый многочисленный эксплуататорский класс — кулачество.

Опыт европейских социалистических стран показывает, что ликвидация кулачества как класса может быть решена лишь на основе социалистического преобразования мелкотоварного производства в сельском хозяйстве. В качественно новых исторических условиях в этих странах не было необходимости переходить к прямой гражданской войне с кулаком, ибо кулаки там не оказывали вооруженного сопротивления социалистическим преобразованиям. Однако, несмотря на небольшой удельный вес среди крестьянства, кулачество в начале социалистического строительства имело довольно сильные экономические позиции. Так, например, в Румынии оно составляло около 5,5% крестьянства, но владело 20% земельных угодий, располагало сильной материальной базой сельскохозяйственного производства [17]. Кулацкие хозяйства в Венгрии составляли более 8% от общего числа хозяйств [18]. Кулаки там, да и в ряде других стран, еще продолжали использовать наемную рабочую силу, эксплуатировать мелкое крестьянство, а по возможности даже приобретали его земли [19]. Оградить и защитить крестьянина от кулака было призвано рабоче-крестьянское государство. В рассматриваемых странах в процессе строительства основ социализма широко использовалась политика изоляции, ограничения и постепенного вытеснения кулачества.

Кооперирование сельского хозяйства вызвало сопротивление сельской буржуазии, которая не без основания увидела в нем опасность своему существованию. Убедившись в том, что пропагандой среди крестья-

яинства не удастся остановить кооперирование на селе, отдельные представители кулачества стремились проникнуть в создаваемые кооперативы с целью развалить движение изнутри [15, с. 113]. Чтобы помешать проведению коллективизации, они пробирались в государственные органы и массовые общественные организации [12, с. 25; 15, с. 613].

В борьбе против кулака коммунистические и рабочие партии социалистических стран Европы проводили политику опоры на мелкое крестьянство и союза с середняком. Кулака пришлось сначала изолировать, не пускать в кооперативы [20, с. 21] и лишь спустя некоторое время, после проведения целого ряда финансово-экономических мероприятий, направленных на изменение его экономического положения, предоставить ему такую возможность [21]. В Болгарии и Венгрии кулак даже после вступления в кооператив был еще на определенный срок лишен права быть избранным на руководящие должности [22].

Политика ограничения кулачества, проводимая в 50-х годах в большинстве социалистических стран Европы, явилась фактически политикой его постепенной ликвидации. В процессе ее осуществления важной мерой борьбы в сфере экономики была ликвидация кулацкой собственности. При этом использовались различные приемы и методы. Так, если в ГДР кулацкая собственность подлежала передаче в сельскохозяйственный кооператив лишь после вступления в него кулака [23], то в Болгарии и Чехословакии в обязательном порядке изымались за выкуп сельскохозяйственные машины, находившиеся у кулака [24]. В Албании 25% имущества кулака в процессе раскулачивания распределялось между беднейшими крестьянами [25].

Борьба с кулаком была сложной и рассчитанной на длительный период. Предполагалось проведение соответствующей экономической политики, необходимой разъяснительной и воспитательной работы среди широких слоев крестьянства.

В процессе коллективизации и в ходе борьбы с кулаком в первой половине 50-х годов были допущены просчеты, имели место известные перегибы и поспешность. В практическом осуществлении кооперирования нарушался ленинский принцип последовательности и добровольности. В большинстве стран кооперирование велось без достаточной материальной базы. Отдельные экономические санкции, рассчитанные первоначально на борьбу с кулаком, без достаточной социальной дифференциации и учета особенностей стран, нередко распространялись на зажиточных середняков. Большинство советских и зарубежных (из социалистических стран) исследователей проблемы считает тяжелой политической ошибкой тех времен распространение этих административных мер на середняка, как нарушающих основу взаимоотношений, союза рабочего класса с крестьянством. В частности, ошибками, совершенными в эти годы, объясняется и распад в 1953 г. в Чехословакии 177 [26], в 1956—1957 гг. в Венгрии 1331 [27], а в Польше 8707 [28] сельскохозяйственных кооперативов.

Ошибки в экономической политике и в кооперировании во второй половине 50-х годов были исправлены [29], что способствовало дальнейшему продолжению, а в большинстве из стран и успешному завершению коллективизации сельского хозяйства.

Сила классового сопротивления кулачества в ходе коллективизации была сломлена и оно в большинстве европейских социалистических государств перестало вести самостоятельное хозяйство, было ликвидировано как класс. Часть этого класса бывших мелких эксплуататоров еще в начале 50-х годов покинула сельское хозяйство и перешла на работу в другие отрасли экономики, где в больших производственных коллективах началось ее перевоспитание. Другой части, оставшейся на селе, со временем, когда для этого созрели условия, было разрешено вступить в сельскохозяйственные кооперативы. В ВНР, например, спустя два года после вступления кулака в кооператив, в случае его добросовестной работы, он становился полноправным членом, мог быть избран и на руководя-

щие посты [16, с. 105]. Примерно такое же отношение к бывшим кулакам (хотя и с некоторыми особенностями) было и в других странах.

К концу 50-х — началу 60-х годов в большинстве социалистических стран Европы (в 1957 г., в Болгарии, в 1960 г. в Албании, Чехословакии и ГДР, в 1961 г. в Венгрии, в 1962 г. в Румынии) коллективизация сельского хозяйства была завершена, что явилось совместным завоеванием рабочего класса и крестьянства, открывшим путь для дальнейшего сближения двух основных социальных сил социалистического общества. Это означало окончательную ликвидацию капиталистического уклада во всей экономике указанных стран, ликвидацию кулачества, последнего эксплуататорского класса, т. е. окончательную победу социалистических производственных отношений, а вместе с тем и построение основ социализма. Лишь в Югославии и Польше не было завершено социалистическое преобразование сельского хозяйства. Правда, социалистический сектор польского села в первой половине 50-х годов быстро расширялся, но условия второй половины 50-х годов не благоприятствовали его развитию. Здесь дали о себе знать, помимо привязанности крестьянства к земле, и недостаточность капиталовложений в сельское хозяйство и его необеспеченность необходимой техникой, и сохранившаяся способность мелких производителей к расширенному воспроизводству, и не в последнюю очередь — сила и сопротивление кулацких хозяйств и середняка, усугублявшиеся допущенными в ходе коллективизации ошибками и просчетами, а также деятельность антисоциалистических сил в 1956—1957 гг. В середине 50-х годов в производственном кооперировании имел место значительный спад. Из 10 510 сельскохозяйственных кооперативов в 1956 г., по данным польской статистики, к 1957 г. сохранилось всего 1803 хозяйства [28].

Кулацкие хозяйства в Польше в 50-е годы сохраняли еще определенную экономическую силу и эксплуатировали наемный труд. В 1950 г. около 4% всех частных хозяйств на селе постоянно использовали наемный труд, но благодаря аграрной политике ПОРП доля таких хозяйств к 1960 г. сократилась до 1%, что составляло около 30 тыс. хозяйств [30].

В Югославии коллективизация сельского хозяйства путем создания сельскохозяйственных задруг (низшая форма кооперации) получила распространение в 1949 г. В начале 50-х годов в стране насчитывалось уже более 6 тыс. таких кооперативов. Затем это движение ввиду ослабления поддержки со стороны государства приостановилось и в конце десятилетия продолжало преобладать мелкотоварное, в значительной степени кулацкое и середняцкое производство. По данным статистики, в это время 84% всех обрабатываемых земель находились в частной собственности [31, 1959, с. 8].

Разумеется, незавершенность социалистических преобразований в сельском хозяйстве этих двух стран не могла не отразиться на социальном составе их населения, на характере социально-классовой структуры и продолжала оставаться источником возможных социальных противоречий.

Принимая во внимание особенности борьбы с остатками эксплуататорских классов на селе в этих двух странах, можно сказать, что важнейшим результатом наступления на капиталистические элементы в странах рассматриваемого региона явился быстрый рост удельного веса социалистического сектора в народном хозяйстве. В 1960 г. в Албании в нем производилось 88,5% национального дохода [6, f. 345], в Болгарии 99,5, в Венгрии — 90,6, в ГДР — 84,9, в Польше — 72,4, в Румынии — 83,3, в Чехословакии — 98,5 [5, 1970, с. 37—38], в Югославии — 77% [32].

Социалистический сектор к началу 60-х годов одержал не только решающую, но в большинстве стран полную и окончательную победу как в сфере производства, так и в реализации материальных благ. Он давал от 84,2 (ГДР) до 100% (ЧССР) валовой промышленной продукции, от 77,4 (ГДР) до 99,9% (НРБ, СРР, ЧССР) розничного товарооборота, от 10,8 (ПНР) до 99,1% (СРР) валовой сельскохозяйственной продукции [5, 1970, с. 37—38]. Эти факты показывают, что за исключением сельско-

го хозяйства социалистический сектор в рассматриваемых странах завоевал примерно одинаковые позиции и наблюдались тенденции к исчезновению сохранившихся различий. Вместе с тем это свидетельствовало и о значительном вытеснении, ликвидации частного предпринимательства, об успехах процесса ликвидации эксплуататорских классов, о стремительном преобразовании социального состава населения, о сужении экономической и социальной почвы для возникновения конфликтов между классами.

К началу 60-х годов подавляющее большинство населения социалистических стран Европы (за исключением ПНР и СФРЮ) уже составляли трудящиеся, связанные с обобщественным сектором, с социалистическими производственными отношениями. К категории крестьян-единоличников и некооперированных кустарей и ремесленников, а также всех прочих групп и лиц, занятых вне социалистического сектора, в Албании относилось всего 18,6% (1960), в Болгарии — 1,5 (1965), в Венгрии — 4,2 (1965), в ГДР — 8,3 (1964), в Польше — 43,8 (1960), в Румынии — 6,9 (1966), в Чехословакии — 3,9% (1961) населения [5, 1970, с. 20]. Победа социалистических производственных отношений оказала положительное влияние и на социально-классовую структуру стран, которая практически стала однотипной [33].

Рабочий класс, как основная и ведущая социальная сила, значительно вырос в каждой из стран. Его численность на протяжении 50-х годов вместе со служащими выросла в Албании с 0,08 до 0,2 млн, в Болгарии с 0,8 до 1,77, в Венгрии с 1,83 до 2,86, в ГДР с 5,27 до 6,41, в Польше с 5,06 до 7,34, в Румынии с 2,12 до 3,24, в Чехословакии с 3,46 до 4,88 млн, в СФРЮ с 1,7 до 3,1 млн человек [5, 1970, с. 392; 34]. С завершением кооперирования изменилась социальная сущность крестьянства как класса, в его рядах прекратилась былая имущественная дифференциация, оно стало более однородным. Тем самым были созданы важнейшие предпосылки для дальнейшего сближения этих двух классов на социалистической основе.

С построением основ социализма качественно изменился характер общественных отношений, в том числе отношений социально-классовых. Основное содержание нового этапа общественного развития в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы — строительства развитого социалистического общества — в данном аспекте составляет углубляющийся процесс сближения классов и социальных слоев в направлении к социальной однородности, постепенное преодоление существенных различий между ними.

Упрочился классовый союз между рабочим классом и крестьянством, всеми непролетарскими группами и слоями при руководящей роли рабочего класса.

В 60—70-е годы продолжала совершенствоваться социально-классовая структура этих стран: усиливались и развивались социалистические черты классов и социальных слоев, были сделаны заметные шаги в деле преодоления социально-классовой дифференциации общества. Социально-классовая структура изменялась в основном в результате социальных перемещений, под влиянием целенаправленной экономической и социальной политики государства, научно-технического прогресса. В документах последних съездов коммунистических и рабочих партий европейских стран социалистического содружества зафиксированы достигнутые результаты и намечены пути дальнейшего роста социальной однородности общества, усиления социалистических черт социальной структуры. Одним из основных направлений в становлении социальной однородности, как показывает опыт 60—70-х годов, является возрастание численности и удельного веса рабочего класса в социальной структуре, произошедшие в нем качественные изменения, а также перемены внутри остальных социальных групп. В 1980 г. рабочий класс составил вместе со служащими в Болгарии 9,93 млн, в Венгрии 4,05, ГДР 7,75, ПНР 12,60, Румынии 7,34, ЧССР 6,79 млн [5, 1982, с. 322]. Под влиянием структурных и социально-экономических сдвигов в народном хозяйстве удельный вес рабочего класса в экономичес-

ки активном населении возрос, например, в ВНР с 50,8% в 1960 г. до 58 в 1980 г., в ЧССР с 56,3 до 62,1%. В среднем рабочий класс представляет ныне более половины активного населения стран социализма [35]. Качественно изменились образовательный и квалификационно-технический состав ведущей силы социалистического общества, усложнилась внутри-классовая профессиональная и отраслевая дифференциация рабочего класса. Укрепили его социальные связи с кооперированным крестьянством и интеллигенцией.

Свидетельством роста социальной однородности явилось дальнейшее сокращение числа и удельного веса кооперированного крестьянства в обществе, его переход в ряды рабочего класса. Снижение доли кооперированного крестьянства в составе занятого населения на протяжении 60—70-х годов (например, в ВНР с 23 до 12%, в ЧССР с 10,7 до 7,4%), его сближение с рабочим классом обусловлены прежде всего индустриализацией, качественными изменениями материально-технической базы сельскохозяйственного производства, ростом производительности и совершенствованием организации труда в сельском хозяйстве [36].

В ходе строительства развитого социалистического общества закономерно возросли доля, роль и значение интеллигенции. За прошедшие два десятилетия численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в странах социалистического содружества в среднем увеличилась в 3 раза, составив около 20% от численности всех занятых в народном хозяйстве [5, 1982, с. 390]. При этом более половины ее состава являются выходцами из рабочих и крестьян. Научно-технический прогресс в возрастающей степени ведет к интеллектуализации все новых видов труда, к интенсивному росту образовательного и культурно-технического уровня трудящихся масс, создавая широкие возможности для внутри-классовых перемещений, а также предпосылки для сближения умственного и физического труда.

Происшедшие в ходе строительства социализма изменения внутри классов и в отношениях между ними не привели, однако, к ликвидации классового характера современного общества. Рабочий класс и крестьянство еще не потеряли свои классовые черты, свое классовое содержание. Между ними сохранились еще социально-классовые различия. Эти различия в социалистическом обществе, развивающемся на основе присущих ему законов и принципов, по-прежнему связаны с неодинаковым отношением классов и социальных групп к средствам производства (хотя это различие уже не коренное), с их ролью в общественной организации труда, с их местом в сфере распределения. В. И. Ленин предвидел, что процесс их преодоления при социализме будет очень длительным. Опыт социалистических стран Европы 60—70-х годов подтверждает, что и современное общество наследует определенные социально-классовые различия (между государственной и кооперативной формами собственности, между городом и деревней, между физическим и умственным трудом и др.), которые в значительной мере являются классовыми различиями и преодоление которых еще требует времени. Разумеется, удельный вес и глубина их в европейских странах, приступивших к строительству развитого социализма, были неодинаковыми. Они обусловлены особенностями в уровне развития производительных сил, в отраслевой структуре экономики и занятости населения, исторической и национальной спецификой каждой страны [37].

Преодоление сохранившихся различий между рабочим классом и крестьянством, сближение этих дружественных классов в 60—70-е годы происходило на основе интеграции двух форм социалистической собственности, детерминирующих в экономической сфере общественных отношений. Дальнейшее развитие классовых отношений в странах социализма связано, следовательно, с процессами совершенствования разделения труда на базе обобществленного производства и научно-технического прогресса.

В большинстве рассматриваемых стран этот процесс идет путем параллельного развития и взаимообогащения государственной и кооперативной собственности, постепенного исчезновения существенных различий между

ними. Особое значение при этом имеет совершенствование кооперативной собственности, углубление ее социалистического характера, которая все более сближается с государственной, играющей ведущую роль в европейских странах социалистического содружества. Такая роль государственной собственности, связанной прежде всего с рабочим классом, выражается в том, что она охватывает все ключевые отрасли экономики и подавляющее большинство национального богатства каждой страны. За исключением Болгарии, где сближение государственной и кооперативной собственности проходило при неуклонном сокращении удельного веса последней [5, 1978, с. 61, 178, 285], развитие обеих форм социалистической собственности происходит при усилении общенародных черт государственной собственности [38].

О развитии кооперативной собственности и ее укреплении свидетельствуют государственные меры, принятые в тех странах, где часть земельных угодий, обрабатываемых кооперативами, юридически продолжала оставаться собственностью крестьян после их вступления в кооператив. Так, в ВНР в 1967 г. был принят новый закон о дальнейшем упорядочении землевладения и землепользования, предусматривавший расширение кооперативной собственности на землю. Закон предписывал постепенный выкуп земли, оставшейся юридически в собственности крестьян, а также выкуп кооперативами тех государственных земель, которые фактически находятся в их пользовании (22 % всех земель кооперативов) [39]. В Чехословакии принятый в 1975 г. закон о ЕСХК провозгласил право кооператива на бессрочное и бесплатное пользование землей, внесенной крестьянами-кооператорами, хотя формально сохраняется их собственность на нее. Названные меры были призваны упрочить кооперативную собственность.

По мере упорядочения земельных отношений прекращалась выплата земельной ренты пайщикам за коллективно используемые земли, которая к началу 80-х годов составляла уже незначительную часть личных доходов членов кооператива.

Содержание процесса сближения двух форм социалистической собственности определяет индустриализация сельского хозяйства, концентрация (в 1960 г. в ВНР, например, было 4 724 СХПК, в ГДР — 19 648, ЧССР — 10 816, в 1980 г. их стало соответственно 1 457, 4 897, 1 722 [5, 1982, с. 177]) и специализация производства на основе создания межкооперативных объединений, межхозяйственных связей кооперативов и госхозов, а также кооперирования сельскохозяйственных предприятий обеих форм собственности с промышленными, что ведет к формированию аграрно-промышленных объединений, комплексов и других производственных союзов подобного типа, на основе которых преодолеваются различия между крестьянством и рабочим классом в решающих аспектах жизни и трудовой деятельности, городского и сельского населения в целом, что способствует устранению возможных социальных противоречий, упрочению союза рабочего класса с крестьянством и остальными категориями трудящихся.

О произошедших в 70-х годах в сельском хозяйстве качественных переменах в Чехословакии, например, свидетельствует факт, что около 60 % затрат на основную сельскохозяйственную продукцию приходится уже на услуги, оказываемые промышленностью [36, с. 135—136]. В ВНР большинство кооперативов и госхозов являются членами по крайней мере одной из индустриально-производственных систем, в которых развивается сельскохозяйственное производство промышленного типа. В кооперативах возрастает удельный вес труда несельскохозяйственного характера. В ГДР на аграрно-промышленные объединения приходится 23 % основных производственных фондов и 26 % всей рабочей силы, занятой в производственной сфере [36, с. 119]. Аналогичные процессы развертываются в румынском сельском хозяйстве.

В Болгарии с середины 70-х годов осуществляется курс на постепенное упразднение государственных и кооперативных хозяйств и создание новой социально-экономической единицы — аграрно-промышленных комп-

лексов (АПК), в которых происходит процесс слияния двух форм собственности [40]. В 1980 г. в стране насчитывалось 341 АПК, объединенных в Национальный аграрно-промышленный комплекс. В остальных странах устойчивые связи между сельскохозяйственными кооперативными и государственными промышленными предприятиями не привели к возникновению какой-либо единой формы собственности.

Результаты агропромышленного сотрудничества в странах социализма оказывают влияние на расширение производственных и социальных связей рабочего класса и крестьянства, на изменение характера и содержания крестьянского труда и социального облика крестьянина-кооператора в целом, что способствует сближению двух классов современного социалистического общества.

Изменился также и характер оплаты труда крестьян. Так, вместо натуральной оплаты крестьяне получают гарантированный денежный доход. Принятые к тому же в последнее десятилетие государственные меры в области социальной политики распространяются на крестьян-кооператоров в том же объеме, что и на остальных трудящихся. Члены СХПК стран социалистического содружества пользуются социальным страхованием.

Целенаправленно совершенствовалась и структура потребления основных классов и социальных групп, что также служит целям социальной консолидации общества. Самые существенные различия в структуре потребления рабочего класса и кооперированного крестьянства в европейских странах социалистического содружества в основном преодолены, что в значительной мере обусловлено выравниванием уровней их доходов. Разрыв, существовавший в 60-е годы в оплате труда работников промышленности и сельского хозяйства к середине 70-х годов был в основном преодолен [5, 1978, с. 404—406]. В Чехословакии, например, соотношение общих доходов семей рабочих и крестьян в конце 70-х годов составляло 100 : 95 [41].

Коммунистические и рабочие партии стран СЭВ в интересах регулирования доходов социальных групп и обеспечения соответствующих отношений между ними в 70-е годы обращали внимание на последовательный рост доходов основных категорий рабочего класса, на ограничение чрезмерных доходов лиц, занятых в частном секторе (там, где он сохранился, и прежде всего в ВНР и ГДР), что имело важное значение для предупреждения возможной социальной напряженности. В последние годы все больше внимания уделялось совершенствованию распределения фонда потребления между отдельными категориями трудящихся. Основным направлением политики регулирования доходов стало преодоление отставания в оплате труда работников непродуцированной сферы, прежде всего здравоохранения, народного образования, всей сферы обслуживания.

Целям сближения социальных групп в странах, строящих развитой социализм, служило также совершенствование распределения через общественные фонды потребления. В 60-е и особенно в 70-е годы различия в потреблении отдельных групп населения были вызваны уже не столько социальной принадлежностью, сколько отличиями в структуре семей, обусловленными числом их экономически активных членов и детей. В силу этого общественные фонды потребления, играющие большую роль в формировании уровня жизни населения социалистических стран, приобрели важное значение как фактор преодоления социальной дифференциации в области распределения.

Намеченные последними съездами коммунистических и рабочих партий европейских стран социалистического содружества широкие социальные программы на первую половину 80-х годов служат интересам всех основных социальных групп населения. Выполнение их будет способствовать дальнейшему укреплению социального единства народа.

Разумеется, достигнутый уровень сближения крестьянства и других социальных категорий с рабочим классом не означает исключения всяких противоречий в социалистическом обществе. Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, мир социализма как растущий социальный организм еще несет на себе отпечаток прошлых ис-

торических эпох, его развитие и совершенствование не лишены внутренних противоречий, а идут через их разрешение [42]. В социалистическом обществе, развивающемся на собственной основе, имеют место три основных группы противоречий, обусловленных источником их возникновения и развития. Это — а) унаследованные от антагонистического общества (существенные различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, некоторые остатки классовых противобольностей, в разной мере сохранившиеся в отдельных странах); б) объективно возникающие в ходе поступательного движения общества, связанные в основном с развитием производительных сил и конкретными формами социалистических производственных отношений; в) субъективного происхождения, являющиеся результатом тех или иных просчетов и ошибок, а иногда и отхода от принципов, нарушения законов социализма [43—45]. На обострении этих противоречий могут сказаться и условия международной классовой борьбы. Как отмечалось в этой связи на XXVI съезде КПСС, в результате подрывной деятельности империализма, наличия ошибок и просчетов во внутренней политике «возникает почва для активизации враждебных социализму элементов. Так произошло в братской Польше, где противники социализма при поддержке внешних сил, создавая анархию, стремятся повернуть развитие событий в контрреволюционное русло» [46].

Таким образом, социалистическое общество не свободно от противоречий, но они по своей природе и характеру уже не являются ни межклассовыми, ни антагонистическими. Это, однако, не означает, что эти неантагонистические противоречия при определенных условиях, например, «вследствие крупных и долгое время накапливающихся недостатков в организации хозяйственного и культурного строительства, в управлении общественными делами и т. д.» [47] не могут приобрести острый характер, а возможно даже перерасти в антагонистические в условиях кризисной ситуации в стране. Жизнь учит, подчеркивал Ю. В. Андропов в статье, посвященной юбилею К. Маркса, что не следует «пренебрегать неантагонистическими противоречиями, игнорировать их в политике. ...при подобном невнимании и противоречия, не являющиеся по своей природе антагонистическими, могут порождать серьезные коллизии. Другая — и важнейшая — сторона дела состоит в том, чтобы правильно использовать противоречия социализма в качестве источника и стимула его поступательного развития» [48].

Своевременное выявление и правильное разрешение противоречий социализма обеспечивается научнообоснованной социально-экономической политикой коммунистических и рабочих партий, направленной на гармоничное развитие общества, упрочение союза рабочего класса со всеми общественными группами при его ведущей роли.

Укрепление морально-политического единства социалистического общества происходит в результате сплочения всех классов, социальных групп и слоев вокруг партий рабочего класса, путем разрешения неантагонистических противоречий, борьбы против враждебных социализму и антиобщественных элементов, путем преодоления различных отрицательных явлений в экономике, политической, социальной и идеологической жизни.

В 60—70-е годы руководящие партии рабочего класса большинства европейских стран социализма в целях устранения возникших в экономике противоречий осуществили реформы экономического механизма, которые способствовали более полному осознанию трудящимися своей роли социалистических собственников. В отличие от предшествующих перестроек системы управления народным хозяйством, на новом этапе общественного развития, в условиях интенсивного экономического роста, возрастания степени концентрации производства больше внимания уделялось расширению оперативной хозяйственной самостоятельности предприятий, повышению активности и влияния трудящихся на дела предприятия, проблемам взаимоотношений между ними и трудовыми коллективами [49]. Рост эффективности планирования и управления обществен-

ным производством создал благоприятные возможности для сближения и более полного учета общественных, групповых и индивидуальных интересов. Процесс совершенствования систем хозяйственного управления развивается, следовательно, в условиях расширения социалистической демократии, соответствующей новому этапу социально-политического развития, достигнутому уровню социальной зрелости современного общества.

Одним из аспектов социально-классовых отношений для стран, где еще сохранились остатки частного сектора, является вопрос об их месте и роли в обществе. В 60—70-е годы доля мелкотоварных производителей в составе населения европейских стран социализма, за исключением Польши и Югославии (в 60-е годы и ГДР), была невелика [5, 1982, с. 13—14]. Коммунистические и рабочие партии большинства стран социализма успешно осуществляли линию на постепенное сужение позиций частного сектора. В результате этой политики в 1975 г. в несоциалистическом укладе стран СЭВ создавалось лишь 0,2—2,9% валовой промышленной продукции (в ЧССР ее уже в 1950 г. полностью создавал обобщественный сектор) и 0,1—5% валовой продукции сельского хозяйства (не считая ПНР, где на долю социалистического сектора приходилось всего 19,8% [6, 1982, с. 37—38] и СФРЮ—23,1% [31, 1978, s. 10]). В Болгарии, Румынии и ЧССР вся розничная торговля, включая общественное питание, уже в начале 70-х годов осуществлялась через социалистический сектор. В 1980 г. удельный вес частного (мелкотоварного сектора) в создании национального дохода составлял в Болгарии около 0,1%, Чехословакии — 0,5, Венгрии — 3, ГДР — 3,5, Румынии — 4,5, Польше — 15,6% [5, 1982, с. 37], в СФРЮ — около 15% [31, 1981, s. 9].

В ПНР и СФРЮ, где в сельском хозяйстве основной производственной единицей до сих пор остается частное крестьянское хозяйство, в 60—70-е годы не были приняты кардинальные меры по завершению кооперирования крестьянства. Попытки использовать низшие формы кооперирования не дали эффективных результатов. В конце 70-х годов некооперированные крестьяне и ремесленники составляли около 20% всего населения ПНР [5, 1982, с. 14]. В целом в ПНР кооперировано около 17%, а в СФРЮ около 15% всех крестьянских хозяйств [37].

Сохранение частного сектора в польской и югославской деревне служит социально-экономической почвой для имущественной дифференциации среди крестьянства, дает возможность использования наемного труда в сельском хозяйстве. Как подтверждает проведенное в 1972 г. выборочное анкетное обследование польского крестьянства, 0,5% крестьянских хозяйств постоянно прибегали к найму рабочей силы [50]. Значительным явлением было сезонное или временное использование наемного труда, которое имело тенденцию к возрастанию. Согласно тем же данным, в начале 70-х годов 31,4% всех хозяйств сезонно или временно прибегали к найму рабочей силы, а в отдельных районах страны их доля превышала 40%. В Югославии эксплуатация малоземельных крестьян крупными индивидуальными хозяйствами в условиях сохранившейся возможности пользоваться наемным трудом также остается еще реальностью [51].

В этих странах в 60—70-х годах государство путем контрактации и системы договоров через социалистическую систему производства и сбыта сельскохозяйственной продукции приобщало частные крестьянские хозяйства к социалистической экономике. Вместе с тем сохранение возможностей для средних и крупных индивидуальных хозяйств к расширенному товарному производству продолжало еще влиять на социальную дифференциацию среди сельских жителей.

Незавершенность социалистических преобразований в сельском хозяйстве, а следовательно и в классовой структуре общества, может служить питательной средой, а в определенных условиях и источником для возникновения конфликтных и даже кризисных ситуаций в обществе.

Остатки частного сектора в условиях города в ГДР, ПНР, СФРЮ и ВНР все еще являются составным элементом социальной структуры и социальных отношений, поэтому с этим также необходимо считаться.

Проблема эта специфическая, обусловленная целым рядом объективных причин. В этом плане особой спецификой отличались в 60—70-е годы классовые взаимоотношения в ГДР, вступившей в новый этап социалистического строительства с наибольшим объемом частного сектора в промышленности и торговле. До начала 70-х годов там оставались частные и полугосударственные предприятия, поскольку СЕПГ продолжала использовать для преобразования остатков мелкой и средней капиталистической собственности определенную форму государственного капитализма, который в отдельных странах, в том числе и в СССР, существовал лишь в начальный период коренных социально-экономических преобразований [52]. Помимо политических причин, обусловивших длительное сохранение в этой стране довольно многочисленных средних слоев (в 1962 г. численность мелкой городской буржуазии и предпринимателей составляла в ГДР более 300 тыс. человек) [8, 1963, S. 24], одним из факторов постепенного обобществления де юре их собственности являлась относительно высокая доля и большая численность мелких и средних предприятий.

Несмотря на то, что производственная деятельность полугосударственных предприятий (на которых в 1965 г. еще было занято 1,2 млн человек [8, 1966, S. 59]) и использование капиталистических элементов осуществлялись под контролем государства, на них, исходя из характера собственности, в отличие от государственных, еще сохранилось специфическое социально-экономическое положение отдельных групп рабочего класса и служащих. В 1972 г. государство завершило преобразование капиталистической собственности в промышленности в социалистическую путем выкупа подавляющей части предприятий (более 11 тыс.), оставшихся частично или полностью в частном владении. В результате этой меры, осуществлявшейся при соблюдении полной добровольности, удельный вес полугосударственных предприятий в создании национального дохода сократился до 1,1% (в 1971 г. он составлял 8,9%), государственные предприятия стали охватывать 99,4% всех рабочих и служащих против 83,3% в 1962 г. [8, 1973, S. 33, 39].

Партии рабочего класса ГДР, ВНР, СФРЮ и ПНР допустили деятельность мелких частных в сфере торговли и услуг в целях улучшения удовлетворения растущих потребностей населения, полагая, что в процессе социалистического строительства постепенно преодолевается двойственность природы мелкотоварного производителя. В 70-е годы в Венгрии и ГДР были определены рамки развития несоциалистического уклада в городе. Так, XI съезд ВСРП (1975) указал, что частная собственность мелких ремесленников и торговцев, сохранившаяся прежде всего в сфере обслуживания населения, может базироваться главным образом на их личном труде и труде членов семей [53]. До настоящего времени представители частного сектора в городе устойчиво составляют до 2% экономически активного населения Венгрии, вместе с некооперированными крестьянами и ремесленниками в деревне они насчитывают около 3% [54].

В ГДР в частном ремесленном и кустарном производстве в конце 70-х годов было занято около 250 тыс. человек [8, 1979, S. 152]. Определенные позиции продолжал занимать мелкий частный сектор и в торговле (11,6% розничного товарооборота в 1980 г.). В ПНР в 70-е годы имел место довольно значительный рост частного ремесла, как в городе, так и в деревне. В 1975 г. в 187 337 частных ремесленных мастерских было занято почти 313,5 тыс. человек, из них более 97 тыс. наемных работников. В 1979 г. эти цифры соответственно возросли до 219 975, 384 и 133 тыс. [55]. В СФРЮ в 1978 г. доля мелкого частного сектора в общем объеме ремесленного производства составляла 50,8%, в розничном товарообороте — 11,1% [31, 1981, s. 9, 39].

Мелкотоварный уклад в основном лишь дополняет функции государственной сферы торговли и услуг. В то же время его существование в условиях недостаточного контроля со стороны государства может привести к росту имущественной дифференциации, к ухудшению социального и морального климата.

Итак, на всех пройденных этапах социалистического строительства руководящие партии рабочего класса стран Центральной и Юго-Восточной Европы уделяли большое внимание проблемам развития классовых отношений, заботились о создании необходимых условий для целенаправленного регулирования социальных процессов.

Практика строительства социализма в этих странах подтвердила, что ликвидация общественных антагонизмов на этапе создания основ нового общества происходит посредством классовой борьбы, при этом государство диктатуры пролетариата устраняет социально-экономическую почву, на которой они могут возникнуть. После завершения переходного периода от капитализма к социализму в новом обществе, где социально-классовые отношения развиваются на собственной основе как отношения крепнущего союза между классами и всеми социальными слоями, возрастающее значение приобретает сознательное, научное руководство социальными процессами, социальная политика социалистического государства обеспечивает постепенное преодоление социально-классовых различий, рост социальной однородности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. М., 1979.
4. Швец В. В. Экономика Народной Республики Албании. М., 1956, с. 25.
5. Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М.
6. Vjetari statistikor i Republikës Popullore të Shqipërisë. Tiranë, 1965.
7. Das Programm des SED. Berlin, 1963, S. 304.
8. Statistische Jahrbuch der DDR. Berlin.
9. Werner A. Klassen und Klassenkampf. Berlin, 1965, S. 38—39.
10. Карманный статистический справочник. Германская Демократическая Республика, 1963. Берлин, 1963.
11. Jugoslavija 1945—1964. Statistički prehled. Beograd, 1965, s. 212.
12. Минков Т. Класовата борба на село в перехода от капитализма към социализма. София, 1951, с. 24—25.
13. Фрашери К. История Албании. Тирана, 1964, с. 314—315.
14. История Венгрии. Т. 3. М., 1972, с. 612.
15. Марьина В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму. М., 1972, с. 69—71, 113—118.
16. Кадар Я. Избранные статьи и речи. М., 1964.
17. Поживайлова Т. А. Некоторые вопросы классовой борьбы в селах Румынии в период социалистического преобразования сельского хозяйства. — В кн.: Из истории социалистического строительства. М., 1976, с. 187—188.
18. Пушкаш А. И. Борьба за аграрные преобразования в Венгрии (1944—1948). М., 1959, с. 224.
19. Немжинский Л. Н. Очерк истории Народной Венгрии. М., 1969, с. 50—52.
20. Примерен устав на трудовокооперативно земеделско стопанство. София, 1950, с. 21.
21. Поживайлова Т. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. М., 1974, с. 111—114, 194—197.
22. Минков Т. Съдбата на експлоататорские класи. София, 1968, с. 155.
23. Заксе Д. Социалистические преобразования аграрных отношений в ГДР. М., 1960, с. 132.
24. Карлик И. Единые сельскохозяйственные кооперативы Чехословакии. М., 1959, с. 45; История Болгарии. Т. II. М., 1955, с. 448.
25. Dokumenta kryesore të partisë së punes së Shqipërisë., v. II. (1949—1956). Tiranë, 1961, f. 95.
26. Slovak J. A csehszlovák mezőgazdaság fejlődése a mezőgazdaság szocialista átépítésének időszakában. — A népi Magyarország negyedszázada. Budapest, 1972. 397 old.
27. Orbán S. Két agrárforradalom Magyarországon. Budapest, 1972, 62 old.
28. Rolniczy rocznik statystyczny 1945—1965. Warszawa, 1966, s. 156—157.
29. Частный сектор в условиях социалистического строительства. М., 1981, с. 102.
30. Polski ruch robotniczy. Warszawa, 1972, s. 469.
31. Statistički biletten. Beograd.
32. Vasić V. Ekonomska politika Jugoslavije. Beograd, 1970, s. 169.
33. Недорезов А. И. Преобразование социально-классовой структуры в социалистических странах Европы. — Вопросы истории. 1980, № 4, с. 59.
34. Statistički godisnjak Jugoslavije. 1972. Beograd, 1972, s. 89.
35. Социальная политика коммунистических и рабочих партий в социалистическом обществе. М., 1979.

36. Экономика социалистических стран в 70-е годы: итоги и проблемы. Прага, 1981.
37. Миккульский К. И. Классовая структура общества в странах социализма. М., 1976.
38. Развитый социализм: общее и специфическое в его строительстве. М., 1980, с. 110—111.
39. Törvények és rendeletek hivatalos gyűjteménye, 1967. Budapest, 1968.
40. Дванадесети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол. Част първа. София, 1981, с. 36.
41. Charvát F. Sociální struktura naší společnosti na přelomu 70—80 let. Stav a perspektivu.— Nová mysl, 1981, č. 3, s. 38.
42. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 13—14.
43. Материалы дискуссии о противоречиях при социализме в журнале «Проблемы мира и социализма», 1972, № 3; 1973, № 4; 1983, № 5.
44. Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978.
45. Семенов В. С. Проблема противоречий в условиях социализма.— Вопросы философии, 1982, № 9.
46. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.
47. Федосеев П. Диалектика общественной жизни.— Проблемы мира и социализма, 1981, № 9, с. 28—29.
48. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.— Коммунист, 1983, № 3, с. 21.
49. Опыт совершенствования управления экономикой в зарубежных странах СЭВ. М., 1980.
50. Dziennik Ludowy, 1974, 10 VI.
51. Тягуненко Л. В. Развитие сельского хозяйства СФРЮ. М., 1981, с. 121.
52. Миккульский К. И. Классовая структура общества в ГДР.— В кн.: ГДР в период развернутого строительства социализма. М., 1965.
53. XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М., 1975, с. 81.
54. XII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М., 1981, с. 19, 89.
55. Rocznik statystyczny. 1980. Warszawa, 1980, с. 340.

БИРМАН М. А.

СВЯЗИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ РОССИИ И БАЛКАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Связи и сотрудничество революционных организаций и общественных деятелей России и балканских стран имеют давние и глубокие корни. Достаточно вспомнить только освещенные в советской и отчасти в балканской историографии контакты декабристов, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, народовольцев, П. Л. Лаврова с балканскими революционерами [1 — 3]. Менее изученными (по крайней мере, в общевалканском масштабе) остаются пока сотрудничество и контакты революционных деятелей России и Балкан пролетарского периода освободительной борьбы. Из посвященных этой теме немногих трудов, охватывающих балканский регион в целом, следует назвать прежде всего работу В. Н. Виноградова и Ю. А. Писарева «1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах» [4].

Целый комплекс существенных факторов обуславливал глубину и прочность традиций российско-балканских революционных связей. Это — прежде всего языковая, культурная и географическая близость народов России и Балкан. По мере освобождения балканских народов от чужеземного феодального ига Османской империи и вступления их на капиталистический путь развития, особенно с конца XIX в., к названным факторам прибавлялось также сходство социально-экономических условий и политических структур.

В. И. Ленин неоднократно отмечал в качестве отличительной (характерной и для России, и для Балкан) черты социально-экономической обстановки значительный объем незавершенных задач буржуазно-демократической революции. «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия — до сих пор, — подчеркивал В. И. Ленин, — не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегия крепостников-помещиков) и подавление национальностей» [5, т. 22, с. 155].

И в России и на Балканах в конце XIX в. складывалась (правда, с разной степенью интенсивности) новая социальная сила — пролетариат. В России уже в 80-е годы XIX в. он выдвигался в авангард революционно-освободительной борьбы трудящихся. На Балканах рабочий класс в конце XIX в. еще только формировался, но тем не менее все более предопределял содержание и характер общественных отношений, задачи и перспективы освободительной борьбы. Это способствовало развитию традиционной дружбы народов России и Балкан, обогащало ее новыми социальными идеями.

Зарождавшиеся взаимоотношения рабочего и социалистического движения России и Балкан связаны с именами двух выдающихся деятелей — Г. В. Плеханова и Д. Благоева. Г. В. Плеханов и другие члены возглавленной им (возникшей в 1883 г.) группы «Освобождение труда», находившиеся в конце XIX в. в эмиграции, в Швейцарии, имели тесные контакты

со студентами из балканских стран, учившимися в швейцарских университетах. Большое значение в распространении идей марксизма на Балканах имела теоретическая и переводческо-пропагандистская деятельность Плеханова и всей группы «Освобождение труда» [6 — 8]. С произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса и их соратников и последователей из западноевропейских стран молодые социалисты Балкан знакомились, в первую очередь, по переводам их трудов на русский язык. Последний был доступен почти любому образованному интеллигенту Болгарии, Сербии и, в меньшей степени, Румынии и Греции. Между тем в деле подготовки переводов на русский язык марксистских трудов, их издания, распространения и популяризации Г. В. Плеханов имел огромные заслуги. Большое внимание на умы прогрессивной интеллигенции и передовых рабочих Балкан (в первую очередь в Болгарии, а также в Сербии и Румынии, позже — в Греции) оказали оригинальные труды Г. В. Плеханова по теории научного социализма — они были широко известны в балканских странах¹.

Большую роль в установлении связей между рабочим движением России и Болгарии сыграл Димитр Благоев. Приехав учиться в Россию и став в 1881 г. студентом Петербургского университета, он вскоре целиком отдался революционной работе. «Я думал остаться в России, — вспоминал впоследствии Д. Благоев, — и предполагал, что окончу свою жизнь в Сибири» [11]. В конце 1883 г. по инициативе Д. Благоева и его единомышленников — революционно настроенных студентов Петербурга — была создана группа российских социал-демократов («Благоевская группа»). По поручению группы Д. Благоев вступил в переписку с Г. В. Плехановым, которая продолжалась и после ареста и высылки в 1885 г. Благоева из России. По возвращении в Болгарию Д. Благоев (вместе с женой и соратницей В. Живковой, также обучавшейся в России) начал распространять марксистские идеи в Болгарии. Горячую привязанность к рабочему движению России Д. Благоев сохранил в течение всей своей жизни. Так же он впоследствии воспитывал болгарских марксистов.

На рубеже XIX и XX вв. капитализм вступил в империалистическую стадию своего развития. Все социально-экономические противоречия, присущие капитализму, обострились до крайней степени. «С исключительной силой эти противоречия проявились в России, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС „О 80-летию Второго съезда РСДРП“, — где они усугубились политическим, духовным и национальным гнетом царизма. Сюда переместился центр мирового революционного движения» [12].

Важнейшим событием в развитии российского и международного рабочего движения явился II съезд РСДРП, ознаменовавший собою возникновение большевизма как течения политической мысли и политической партии. Возникновение большевизма, писал секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, — «...знаменует собой коренной поворот от сложившихся ранее социал-демократических партий к пролетарской партии нового типа» [13]. Решения II съезда РСДРП, ленинская теория и практика строительства революционной пролетарской партии были ответом на объективную потребность, возникшую в эпоху империализма в международном рабочем движении. Образование ленинской партии, партии революционного действия, решавшей прежде всего задачу соединения рабочего движения с марксизмом, стало поворотным пунктом в освободительной борьбе российского и международного рабочего движения [14; 15].

Нараставшее в России в конце XIX — начале XX в. мощное революционное движение привлекло внимание прогрессивных деятелей всего мира. Революционеры Болгарии и других балканских стран с горячим интересом следили за событиями в России. «Я живу сейчас, — писал 30 мая 1901 г. Д. Благоев Г. Бакалову, — ожиданием революции в России, которая может начаться каждый день» [16, т. 20, с. 240]. Два месяца спустя,

¹ Подробнее см.: [6—8; 9, с. 230; 10, с. 121—122]. Один из первых греческих социалистов Г. Склирос называл себя учеником Г. В. Плеханова [10, с. 121—122]. Ознакомиться с книгой Я. Кордатоса нам помог Г. Л. Арш, за что мы выражаем ему свою признательность.

26 июля 1901 г., VIII съезд Болгарской рабочей социал-демократической партии направил свой социалистический привет русским революционерам и трудовому народу, желая им «...успешного завершения их борьбы против русской монархии» [17, с. 270].

Перемещение центра мирового революционного движения в Россию означало, что история возложила на российский пролетариат и марксистов России большую ответственность за судьбы и перспективы международного рабочего и социалистического движения. В то же время, такой поворот событий накладывал на пролетарских революционеров других стран интернациональную обязанность оказывать всяческое содействие пролетариату России, выдвигавшемуся в качестве передового отряда мирового пролетариата [18]. В связи с этим взаимоотношения марксистов России и стран Юго-Восточной Европы начали приобретать новое качество.

Как известно, большевистская партия возникла на базе революционных организаций, созданных вокруг ленинской «Искры». При создании и распространении «Искры» В. И. Ленин, Н. К. Крупская и их соратники — «искровцы» — опирались на содействие зарубежных социал-демократических партий. Немалую роль при этом сыграла помощь болгарских и румынских социал-демократов.

Через балканские страны пролегли две важнейшие линии нелегальной доставки в Россию «Искры» из Лейпцига (где она печаталась). Один путь проходил через Румынию (Бухарест — Яссы и далее через румынорусскую границу на Кишинев). Другой — через Болгарию (из Варны морем в Одессу). Транспортировка газеты и другой нелегальной литературы осуществлялась агентами «Искры» (К. И. Захаровой, М. М. Литвиновым и др.) в тесном сотрудничестве с балканскими социал-демократами, в частности, с болгарскими и румынскими революционерами. Активное участие в этой конспиративной деятельности принимали руководители болгарских социал-демократов Г. Кирков, Г. Бакалов и один из создателей румынской социал-демократической партии Ион К. Фриму [19; 20].

Молодой болгарский социал-демократ Иван Загубанский занимался конспиративной переброской (в чемоданах с двойным дном) газеты из Варны в Одессу. В конце 1901 г. он был арестован царскими жандармами и посажен в тюрьму, где заболел туберкулезом и вскоре умер.

Поскольку в большинстве балканских стран, как отмечалось выше, литература на русском языке была доступна образованным людям, часть экземпляров газеты распространялась в этом регионе. «Искровцы», — как явствует из письма М. М. Литвинова (ставшего с осени 1902 г. руководителем экспедиции редакции «Искры» и заведывавшим ее типографией) от 5 июня 1903 г. к Г. Бакалову — проявляли интерес к распространению своих изданий во всех балканских странах — в Болгарии, Румынии, Сербии и др. Из этого же письма видно, что генеральным представителем по продаже на Балканах «Искры» и других революционных изданий, печатавшихся в ее типографии, стал книжный магазин социал-демократа С. Георгиева в Варне [21]. В распространении «Искры» в Сербии принимал участие Ф. Филиппович, тогда студент Петербургского университета, приезжавший на родину на каникулы [22].

Революционная последовательность и принципиальность ленинской «Искры» производила огромное впечатление на деятелей рабочего и социалистического движения стран Юго-Восточной Европы. «Борьба „Искры“ против оппортунизма, — подчеркивал в рабочей газете Г. Бакалов, — является достоинством, заслугой, величием „Искры“ — этого в истинном и полном смысле слова боевого органа, редкой, чудесной, неподражаемой газеты» [23]. В той же статье Г. Бакалов назвал «Искру» «светильником революционного марксизма» и отметил, что она «...пробила себе путь всюду, где читают по-русски» [23].

Болгарские революционные социал-демократы (тесные социалисты) в полемике с оппортунистами (широкими социалистами), защищая основы марксизма в своей газете «Работнически вестник», неоднократно публиковали в переводах материалы «Искры». По словам одного из видных деятелей тесных социалистов того времени Г. Бакалова, «... „Искра“ помогла

теснякам рассеять немало туманов широких» [23]. В этот же период газета тесняков напечатала некоторые извлечения из изданной в марте 1902 г. работы В. И. Ленина «Что делать?» [24]. Материалы эти были направлены против международного оппортунизма. Влияние ленинского труда «Что делать?» сказалось в аргументации, с помощью которой Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев, Т. Петров и другие публицисты-тесняки разоблачали несостоятельность оппортунистических взглядов широких (о важнейших задачах пролетарской партии, ее теоретических и организационных основах и т. д.) [16, т. 8, с. 88, 91—92; 25; 26]. В частности, Д. Благоев в статье «Оппортунизм или социализм» использовал ленинскую критику оппортунистического лозунга «свободы критики» [16, т. 8, с. 511]. По воспоминаниям Г. Бакалова, работа В. И. Ленина «Что делать?» «...разила оппортунистов прямо и в сердце. Удары ее были смелые, уверенные, сокрушительные...» [27]. Бакалов констатировал, что идеи Ленина «несомненно оказали влияние на болгарских рабочих» [28].

Как установили советские и румынские историки, идеи публикаций ленинской «Искры» и труда «Что делать?» оказали влияние и на деятелей левого крыла рабочего и социалистического движения Румынии. В январе 1902 г. в Бухаресте начала выходить газета «Ромыния мунчитоаре» («Рабочая Румыния»); членом ее редакции был видный социалист И. Фриму. В газете румынских рабочих были опубликованы материалы с осуждением оппортунизма, в которых можно заметить отзвуки идей ленинской «Искры». В частности, в номере от 28 апреля 1902 г. в статье о вхождении французского социалиста-рenegата Мильерана в буржуазное правительство газета, осуждая поступок Мильерана, приводила мнение «Искры» и заключала: «Международный социализм отрещивается от солидарности с Мильераном» [29]. Переложения некоторых материалов «Искры» встречались и в других номерах «Ромыния мунчитоаре» [30]. В номере от 26 мая 1902 г. газета призывала румынских рабочих к изучению русского революционного опыта [19, с. 59]. Ленинская «Искра», — как отметили румынские историки, — оказала влияние на формирование левого крыла румынской социал-демократии² [30; 31].

Редакция «Искры» уделяла внимание проблемам рабочего движения в Болгарии и других стран Юго-Восточной Европы. На страницах газеты публиковались материалы о балканской социал-демократии и о реакционной империалистической политике великих держав на Балканах (в частности, этой теме были посвящены две статьи Д. Благоева). «Искра» поместила также большую статью о X съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии, на котором вне рядов партии были поставлены все организации, разделявшие оппортунистическую платформу широких социалистов. «Искра» отметила решительность и принципиальность тесных социалистов («благоевцев») в их борьбе с оппортунизмом широких [33]. «Искровцев» и балканских революционных социал-демократов объединяла глубокая идейная основа — борьба против оппортунизма в международном рабочем движении и его национальных разновидностей.

В конце июля — начале августа 1903 г. решения II съезда РСДРП возвестили об оформлении большевизма — нового течения политической мысли и пролетарской партии нового типа. Большевизм был порожден всем ходом развития российского и международного рабочего движения. Внимание балканских социал-демократов (как и представителей социал-демократии других стран) привлекло обсуждение важнейших теоретических вопросов в связи с публикацией в «Искре» проекта программы РСДРП.

Руководитель болгарских тесняков Д. Благоев выступил с одобрением проекта программы РСДРП: он разделял позицию В. И. Ленина и Г. В. Плеханова в их борьбе с «экономистами», отрицавшими первостепенную значимость политической борьбы [16, т. 8, с. 308]. Информирова о

² По поводу создания в 1931 г. центрального органа румынских коммунистов газеты «Скынтейя» (в переводе с румынского — «Искра»), член ЦК Румынской компартии Г. Стойка вспоминал: «Я помню, что долго обсуждался вопрос, как назвать газету. Название „Скынтейя“ пришло по прямой ассоциации с названием ленинской „Искры“». Цит. по: [32].

II съезде РСДРП, печать тесняков выразила солидарность с революционной социал-демократией России. «Этим съездом,— писал Р. Аврамов, один из активных деятелей болгарских тесняков, проживавший долгие годы вне Болгарии и являвшийся соратником В. И. Ленина,— открывается новая славная страница в истории русского революционного движения» [34, № 1, с. 49]. Несколько месяцев спустя в другой статье Р. Аврамов, подчеркивая идейную близость тесняков с революционными марксистами «Искры» и «Зари» (т. е. с большевизмом), писал: «...С этим течением мы действительно сходимся. И от этого родства мы не имеем никакого желания отказываться» [34, № 8, с. 490].

Как отметил болгарский историк проф. Ангел Веков [18, с. 144], есть что-то символическое в том, что в июле 1903 г. (почти одновременно со II съездом РСДРП) на X съезде БРСДП революционные социал-демократы Болгарии, осознав опасность оппортунизма, порвали с ним и закрепили пролетарский характер партии.

Идейное влияние В. И. Ленина прослеживается и на позиции социал-демократов других балканских стран. В тот же переломный 1903 г. возникла Сербская социал-демократическая партия. Ее орган газета «Радничке новине» («Рабочие новости») опубликовала в декабре 1904 г. две статьи, фактически являвшиеся переводом двух самостоятельных разделов первой главы работы В. И. Ленина «Что делать?». Статьи были напечатаны под заголовками «Что значит свобода критики?» (т. е. сохранился авторский заголовок первого параграфа главы труда В. И. Ленина) и «Энгельс о единстве борьбы» (несколько измененный заголовок параграфа главы дан был к сокращенному варианту ленинского текста параграфа, составившего статью в сербской газете) [35; 36]. Ленинская оценка «свободы критики» была актуальна для сербской социал-демократии: в ее рядах тогда развернулась борьба против оппортунистической группы Милорада Поповича — Йована Скерлича, выступавшей за «нейтралитет» профсоюзов в политической борьбе и за анархическую «свободу критики». В этой связи сербские марксисты стремились познакомить рабочих с аргументами из работы «Что делать?» об опасности оппортунизма и анархизма, с опытом российского рабочего движения. В конце 1904 г. группа реформистов М. Поповича была исключена из рядов Сербской социал-демократической партии [37].

Идеи ленинской работы «Что делать?» получили отклики и в рабочем движении Румынии. В номере от 5 марта 1905 г. газеты «Румыния мунчитoare» в передовой статье излагались задачи пролетарской печати, сформулированные В. И. Лениным первоначально в известной статье «С чего начать?» (опубликована в «Искре» в мае 1901 г.). Позднее В. И. Ленин развернул эти мысли в пятой главе работы «Что делать?». Глава эта (как и статья) содержала известное положение о том, что пролетарская газета должна быть не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором. Перефразировав мысль В. И. Ленина, передовая в «Румыния мунчитoare» подчеркивала: «Задача нашей газеты, защищающей интересы рабочего класса, является — пробуждать пролетариат, просвещать его и организовывать» [32]. Несколько позже в этой газете в номере от 15 июля 1905 г. была опубликована статья, которая информировала о III съезде РСДРП, прошедшем под руководством В. И. Ленина [38].

Большое влияние на рабочее и социалистическое движение в балканских странах оказали события в России в 1905—1907 гг., революционная борьба российского пролетариата во главе с большевиками [4]. Широкие отклики русская революция получила в Румынии. Уже 24 января 1905 г. в Бухаресте состоялся рабочий митинг протеста против Кровавого воскресенья 9(22) января в Петербурге. Три дня спустя румынские социалисты выпустили специальную газету под названием «Долой деспотизм!» Одна из статей в ней являлась перепечаткой листовки, выпущенной Одесским комитетом РСДРП [39]. Выражая солидарность с революционным пролетариатом России, И. Фриму подчеркивал: «Наш долг сделать соответствующие выводы из событий в России и организовать рабочих» [30,

с. 60]. Позже, в 1907 г. был создан социалистический союз Румынии, на базе которого через три года (в 1910 г.) была восстановлена распущенная в 1899 г. ренегатами социал-демократическая партия Румынии.

Один из левых румынских социалистов О. Кэлин писал о влиянии революции 1905—1907 гг. на развитие событий в рабочем и социалистическом движении Румынии: «Наше молодое движение является детищем русской революции» [40, с. 174]. С выражением солидарности с революционным пролетариатом России и с призывом следовать его примеру выступили и другие левые социалисты Румынии: М. Бужор и Ш. Георгиу, З. К. Арборе-Ралли и Д. Маринеску. Характерно, однако, что известный идеолог румынских реформистов К. Доброджану-Геря пытался отрицать влияние революции в России на рабочее движение в Румынии [41]. Прямым откликом на революционные события в России явилось мощное крестьянское восстание 1907 г. в Румынии [42; 43].

В годы первой русской революции в рабочей печати балканских стран — газетах «Рабочнически вестник», «Радничке новине», «Ромыния мунчитоаре» и других — публиковалось большое число статей, сообщений и заметок, информировавших о революционных событиях в России. Материалы пролетарской печати Балкан рассказывали о революционной борьбе рабочих и крестьян России. Социал-демократы Болгарии, Сербии и других балканских стран организовали сбор средств в помощь революционной России и переслали их в адрес руководства РСДРП [44—46; 49, с. 78—85].

Героическое вооруженное восстание пролетариата Москвы и других городов в декабре 1905 г., революционная борьба трудящихся России оказали большое влияние на рабочих Болгарии и Сербии. В конце декабря 1905 г. произошла массовая стачка пролетариев Софии, в январе 1906 г. — забастовка рабочих железнодорожных депо в Болгарии и другие выступления болгарского пролетариата [45; 47]. В революционных событиях в России, — вспоминал один из ветеранов болгарского рабочего движения, — «...черпали мы энтузиазм и веру в правое дело пролетариата и марксизма» [49]. В эти же годы наблюдался и рост стачечной борьбы рабочих Сербии [46; 48].

Немалую роль в пробуждении активности трудящихся Балкан (в первую очередь Румынии, отчасти Болгарии и Сербии) сыграли матросы восставшего броненосца «Потемкин». Высадившиеся в румынском порту Констанца 700 моряков-«потемкинцев» были тепло встречены трудовым народом Румынии. Многие из «потемкинцев» позднее приняли участие в революционном движении Румынии и других балканских странах³ [50; 51].

Грандиозные события первой народной революции эпохи империализма, непосредственные контакты с участниками революционных боев в России, а также широко проникавшая в Юго-Восточную Европу и доступная многим марксистская литература из России (в том числе и большевистские издания) — все это оказало большое влияние на формирование классового сознания пролетариата балканских стран. «Самые лучшие кадры рабочей интеллигенции, — отмечал Г. Димитров, — воспитывались под влиянием русской марксистской литературы, с одной стороны, и героической борьбы русских революционеров против царизма, буржуазии и оппортунизма — с другой» [52, с. 341].

Наступивший под влиянием российской революции подъем рабочего и социалистического движения на Балканах проявился в определенной мере также в Греции и в Турции. В 1908 г. в крупнейшем промышленном центре Фессалии городе Волосе (месте сосредоточения значительного числа табачников и других категорий пролетариата) возникла организация под названием Рабочий центр Волоса. Центр стал издавать газету «Эргатис» («Рабочий»). На ее страницах в 1909 г. был опубликован поэтом-социалистом Хадзопулосом перевод «Манифеста Коммунистической пар-

³ В шестую годовщину восстания на броненосце «Потемкин» редакция газеты «Ромыния мунчитоаре» в передовой статье «Первая русская революция» отметила, что «потемкинцы» были приняты трудящимися Румынии, как герои и констатировала: «Они научили нас быть храбрыми перед лицом вооруженного врага» [41, с. 178].

тии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Вскоре греческий перевод «Коммунистического манифеста» был издан отдельной брошюрой. Переводы других трудов К. Маркса и Ф. Энгельса («Развитие социализма от утопии к науке», отрывки из «Капитала» и др.) были напечатаны на страницах издававшихся в 1908—1910 гг. социалистических и других газет. Возникавшие в эти годы в Греции социалистические группы и кружки действовали пока еще изолированно от рабочих организаций. Все же не без влияния социалистической пропаганды наблюдается активизация рабочих, в частности, в 1909—1911 гг. происходят крупные стачки табачников Волоса. Значительную роль в развитии рабочего и социалистического движения в Турции, а позднее (в результате изменения границ на исходе Балканских войн 1912—1913 гг.) в Греции сыграла возникшая в 1909 г. в Салониках (когда город находился еще в пределах Турции) интернациональная организация рабочих разных наций под названием «Федерация» [10, с. 106—147; 236—238].

Большое влияние первой российской революции на народы Центральной и Юго-Восточной Европы отмечали балканские социал-демократы и в последующие годы. Так, например, румынский социал-демократический журнал «Конворбирь сочиале» в статье в феврале 1916 г. подчеркивал, что революция 1905 г. в России «...потрясла до основания соседние народы, встряхнула социалистическое сознание, особенно на Балканах и в Австрии» [41, с. 80].

С опытом большевистской партии и ленинскими идеями познакомились, прежде всего, те социал-демократы балканских стран, которые приняли активное участие в российском революционном движении. Соратниками В. И. Ленина еще в искровский период были болгарские социал-демократы Р. Аврамов, П. Нончев и др. Брат Г. Димитрова Никола Димитров и Стоян Джоров участвовали в деятельности большевистской организации в Одессе. За это они были в 1910 г. арестованы и сосланы в Сибирь; в ссылке Н. Димитров заболел и умер [7; 53]. Сербский социал-демократ Ф. Филиппович, оставшийся после окончания в 1904 г. Петербургского университета на работе в России, поддерживал тесные контакты с большевиками (в частности, с депутатами III Государственной думы); позднее, по возвращении на родину, он сотрудничал в большевистской газете «Правда» [36, с. 356—360].

Сближению идейных позиций революционной социал-демократии России и Балкан содействовали также контакты В. И. Ленина и большевиков с балканскими социал-демократами на форумах II Интернационала. В ходе Штутгартского конгресса II Интернационала (1907) представители тесняков и румынских социалистов поддерживали поправки, внесенные большевиками в резолюцию о борьбе с военной опасностью.

Принятое в Штутгарте специальное решение официально зафиксировало значение русской революции и ее уроков для международного пролетариата. По предложению румынских социалистов была принята также отдельная резолюция, осуждавшая белый террор в Румынии (в связи с подавлением крестьянского восстания). В редактировании этой резолюции принял участие В. И. Ленин [54; 55]. Близкую к большевикам позицию занимали делегаты тесняков и других балканских революционных социал-демократов на конгрессах II Интернационала в Копенгагене (1910) и Базеле (1912) [56; 57].

Укрепление идей революционного социализма и пролетарского интернационализма среди балканских социал-демократов, чему в немалой степени содействовало идейное влияние революционного движения в России, привело к объединению социал-демократии стран Юго-Восточной Европы. Этот процесс нашел свое выражение в I Межбалканской социалистической конференции в Белграде в начале января 1910 г. (по новому стилю). На конференции была выдвинута идея Балканской федерации демократических республик как лозунг борьбы против национализма и шовинизма на Балканах. Лозунг был поддержан В. И. Лениным и левыми социал-демократами II Интернационала [5, т. 22, с. 155].

Революционные социал-демократы Балкан в свою очередь неоднократно

но выражали в эти годы свою солидарность с революционной Россией. В октябре 1910 г. газета «Румыния мунчитоаре» объявила сбор средств в помощь русским революционерам и опубликовала специальную статью «Для русских революционеров». В ней подчеркивалось, что русское революционное движение выявило много героев и принесло много жертв, и содержался призыв к оказанию помощи жертвам русской революции [30, с. 61]. IV съезд социал-демократической партии Румынии летом 1912 г. принял резолюцию приветия пролетариату России. В ней выражалось пожелание скорейшей победы революции в России «...в интересах мирового пролетариата, в особенности, пролетариата Восточной Европы» [30, с. 62]. В передовой статье газеты «Рабочнически вестник» в апреле 1912 г. подчеркивалось, что «...революционное движение русского пролетариата имеет громадное значение и для освободительного движения болгарского пролетариата» [58].

Осенью 1912 г. вспыхнула Балканская война, и в центре внимания В. И. Ленина и большевиков оказались события на Балканах. В. И. Ленин посвятил им несколько статей, в которых дал глубокий анализ социальных корней и путей общественного развития балканских народов, соотношения классовых и международных сил и политики империалистических держав в этом регионе. Кроме статей В. И. Ленина, в «Правде» и в иных большевистских и прогрессивных изданиях России конца 1912 — первой половины 1913 г. были опубликованы статьи С. М. Кирова, С. Шаумяна и других большевиков-публицистов.

Внимание В. И. Ленина и большевиков к событиям на Балканах определялось, прежде всего, растущим значением балканских проблем в мировой политике. В. И. Ленин и большевики выразили сочувствие угнетенным балканским народам, находившимся до войны под феодальным игом султанской Турции, и вновь солидаризовались с лозунгом Балканской федерации, неустанно пропагандировавшимися балканскими социал-демократами. В. И. Ленин подчеркнул, что лишь на путях демократической революции на Балканах (а не на путях войны) мог бы быть осуществлен лозунг Балканской федерации, и балканские народы добились бы более прочных и более глубоких демократических результатов [5, т. 22, с. 187, 214; т. 23, с. 38].

Изучение В. И. Лениным и большевиками балканских проблем, опыта социал-демократов юго-востока Европы имело немалое значение для выработки революционной мыслью России последовательно демократической платформы решения национального вопроса. В условиях роста во всем мире (в том числе и на Балканах) накануне мировой войны национализма и шовинизма разработанная В. И. Лениным и большевиками развернутая интернационалистская программа по национальному вопросу имела огромное значение для судеб международного рабочего движения, для перспектив мирового революционного движения. Особое значение она имела для многонациональных государств (таких, как Россия и Австро-Венгрия) и для всей Восточной и Юго-Восточной Европы.

В начале империалистической войны В. И. Ленин и большевики (в отличие от большинства лидеров ведущих партий II Интернационала, изменивших делу социализма) заняли мужественную, последовательно революционную интернационалистскую позицию. Их тактика активной революционной борьбы против империалистической войны, за превращение ее в гражданскую снискала им симпатии и уважение сознательных рабочих-интернационалистов всего мира, в том числе и на Балканах, содействовала их еще большему сближению. Как отмечал позднее Г. Димитров, «...в начале империалистической войны В. И. Ленин овладел сердцем борющихся балканских рабочих» [52, с. 341]. В переписке В. И. Ленина с Д. Благоевым обсуждались актуальные политические вопросы, тактика рабочих партий и т. п. Происходил также обмен литературой: тесняки посылали В. И. Ленину свой журнал «Ново време» и получали издававшуюся большевиками в Швейцарии газету «Социал-демократ» [59]. Большевистская литература, в первую очередь, газета «Социал-демократ», в которой печатались статьи В. И. Ленина, и другие издания проникали

в Болгарию и другие балканские страны (до вступления их в войну) и оказывали большое воздействие на рабочих. „Социал-демократ“ не читают, а глотают тут в Софии», — писал В. И. Ленину из Болгарии 2 июля 1915 г. его соратник, известный большевик С. Г. Буачидзе («Ной») и замечал, что «...„Социал-демократ“ является для болгарских товарищей путеводной звездой» [60]. Публиковавшиеся в большевистских изданиях работы В. И. Ленина и его соратников с изложением тактики и лозунгов большевизма помогали укреплению интернационалистской позиции левых социал-демократов Румынии. Ознакомлению балканских социал-демократов с платформой и взглядами большевиков содействовали русские революционеры-эмигранты, проживавшие в начале войны в Болгарии, Сербии и Румынии — С. Г. Буачидзе, И. П. Хонявко, Н. А. Семашко, А. А. Вербов и др. [59].

С начала мировой войны стали более интенсивными также встречи и контакты левых социал-демократов балканских стран. К примеру, во второй половине мая 1915 г. делегация руководителей партии тесняков во главе с Д. Благоевым приехала в Бухарест. Выступая на рабочем собрании 22(9) мая 1915 г., посвященном сорокалетию начала социалистической пропаганды в Румынии, Д. Благоев выразил глубокое удовлетворение в связи с ростом сотрудничества болгарских и румынских революционеров. В своей речи Д. Благоев также отметил: «Все балканские страны очень многим обязаны русскому социализму и русской революции» [16, т. 17, с. 78].

Результатом укрепления интернационалистских позиций левых социал-демократов Балкан и их сотрудничества между собой явилась II Межбалканская социалистическая конференция в Бухаресте (19—21 июля 1915 г.), на которой, кроме многочисленных делегаций румынской социал-демократии и Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов, присутствовал также представитель греческих социалистов. Сербским делегатам из-за запрета властей приехать не удалось, но руководство Сербской социал-демократической партии выразило солидарность с решениями совещания. Конференция осудила социал-шовинизм и политику классового мира и постановила объединить социал-демократов и профсоюзы Болгарии, Румынии, Сербии и Греции в рамках Балканской рабочей социал-демократической федерации [59]. Решения конференции были одобрены большевиками во главе с В. И. Лениным [5, т. 49, с. 121; 60, с. 81].

С осени 1915 г. начинается сотрудничество большевиков и балканских социал-демократов (вместе с интернационалистами других стран) в борьбе против империалистической войны и социал-шовинизма в международном рабочем движении. Делегаты тесняков и румынских социал-демократов (представляющие Балканскую рабочую социал-демократическую федерацию в целом) приняли участие в первой международной конференции социалистов-интернационалистов в Циммервальде, состоявшейся 5—8 сентября 1915 г. Позже, в 1916 г., представитель сербских социал-демократов участвовал во второй конференции циммервальдского движения в Кинтале.

Партия тесняков и революционные социал-демократы других балканских стран восторженно приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию, выразив свою солидарность с победой пролетариата, руководимого большевиками. При этом революционные балканские социал-демократы призывали рабочих своих стран использовать опыт большевиков и действовать «русскими методами». Примечательно, что один из руководителей сербских социал-демократов Ф. Филиппович выступил в 1918 г. с циклом статей с пропагандой значения опыта Октябрьской революции; в них Филиппович, обосновывая свою солидарность с лозунгом о праве наций на самоопределение, ссылался на исторические решения II съезда РСДРП и на труды В. И. Ленина [61]. Позднее, в 1919 г. представитель Балканской рабочей социал-демократической федерации (вместе с интернационалистами других стран) поддержал В. И. Ленина и большевиков при учреждении III Коммунистического Интернационала

[62]. Так в новых исторических условиях укреплялись и углублялись традиции сотрудничества революционных сил России и балканских стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874). Кишинев, 1973.
2. *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980.
3. *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980.
4. Вопросы истории, 1976, № 6.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
6. *Бакалов Г.* Плеханов в Болгарии. М., 1928.
7. *Веков А.* Българо-руски революционни връзки. София, 1965.
8. *Веков А. Г. В.* Плеханов и социалистическото движение в България. София, 1978.
9. *Курбатова И. Н.* Начало распространения марксизма в России. М., 1983, с. 230.
10. *Кордатос Я.* История греческого рабочего движения. Афины, 1956, с. 121—122.
11. *Благоев Д.* Мои воспоминания. М.—Л., 1928, с. 53.
12. Вопросы истории КПСС, 1983, № 5, с. 3.
13. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. I. М., 1976, с. 13.
14. *Суворов К. И.* Перемещение центра мирового революционного движения в Россию.— Вопросы истории КПСС, 1975, № 1, с. 60—65.
15. *Костин А. Ф.* Создание партии большевиков — поворотный пункт в истории русского и международного рабочего движения. М., 1967.
16. *Благоев Д.* Съчинения. Т. 1—20. София, 1957—1964.
17. Българска комунистическа партия. Документи на централните ръководни органи. Т. II. София, 1974.
18. *Веков А.* Вторият конгрес на РСДРП и революционни марксисти в България.— Известия на военно-историческо научно дружество. Т. 25. София, 1978.
19. *Сторожук В. П.* Рабочее движение в Румынии и румыно-русские революционные связи. Кишинев, 1977, с. 58.
20. *Шнитман А. М.* Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии. Мурманск, 1967.
21. *Писарев Ю. А., Бочкарева С. И.* Распространение ленинской «Искры» на Балканах.— Ресети Socijalističke Stampe na Balkanu. Beograd, 1974.
22. *Сумарокова М. М.* Новые данные о начале революционной деятельности Филипа Фидлиповича.— Советское славяноведение, 1967, № 1, с. 56—59.
23. Работнически вестник, 3 VII 1903.
24. Работнически вестник, 26 VI 1903.
25. *Георгиев Г.* Избрани произведения. София, 1971, с. 129.
26. *Петров Т.* Избрани произведения. София, 1953, с. 180—181.
27. *Бакалов Г.* Избрани произведения. София, 1950, с. 33.
28. *Бакалов Г.* Старая «Искра» среди болгар.— Пролетарская революция, 1929, кн. 10, с. 112.
29. *Баскин Ю. Я., Сливаковский Е. И.* Ленинская «Искра» в Румынии.— По ленинскому пути. Уч. зап. Ленинградской высшей партийной школы, вып. 2. Л., 1970, с. 103—104.
30. *Карпещенко Е. Д., Сливаковский Е. И.* Из истории интернациональных связей румынского пролетариата.— Новая и новейшая история, 1982, № 4, с. 59.
31. *Apale de istorie*, 1964, № 1, p. 55.
32. *Александров А. И.* Ленинская «Искра» в Румынии.— Вестник МГУ. Серия VII. Филология, журналистика. М., 1960.
33. Искра, 22 X 1903, с. 7.
34. Работнишко дело, 1904.
35. *Димитријевић С.* Српска социјалистичка преводна литература. Београд, 1958, с. 20—21.
36. *Славин Г. М., Сумарокова М. М.* Ленин и рабочее движение в Югославии.— В кн.: В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, с. 351—352.
37. *Нюркаева А. Э.* Влияние ленинских идей на размежевание сил в Сербской социал-демократии.— Уч. зап. Пермского ун-та. Т. 253, вып. 9. Пермь, 1971, с. 4—10.
38. *Роман В.* Распространение трудов В. И. Ленина в Румынии.— В кн.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960, с. 311.
39. *Новак А. Э.* Революционные связи трудящихся России и Румынии в 1907 г.— Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 334.
40. *Мошану А. К.* Рабочее и социалистическое движение в Румынии (1907—1914). Кишинев, 1974, с. 174.
41. *Мошану А. К.* Первая русская революция и революционные традиции рабочего класса Румынии (1907—1916).— Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977, с. 70—76.
42. *Вилоградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1958.
43. *Сливаковский Е. И.* Подъем революционного движения в Румынии в начале XX в. М., 1958.
44. Работнически вестник, 15 I; 9, 12 II; 2 IV; 14 V; 12, 18 XI 1905.

45. *Хаджиниколов В.* Отражение на Първата руска революция в България. София, 1956.
46. *Павичевич Б.* Оджек прве руске револуције у Србији.— Историски гласник, 1955, № 2.
47. *Панџуктилова О. В.* Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М., 1956.
48. *Нюркаева А. Э.* Рабочее движение в 1905—1907 гг. в Сербии.— Уч. зап. Пермского ун-та. Т. 113. Пермь, 1963.
49. Ново време, 1969, № 9, с. 43.
50. *Новак А. Э.* Потемкинцы в Румынии в 1905—1907 гг.— Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. 48. Кишинев, 1962.
51. *Шляхов А. Б.* Революционная деятельность участников восстания на броненосце «Потемкин» в эмиграции и в России в 1905—1920. Днепропетровск, 1982.
52. *Димитров Г.* Съчинения. Т. 7. София, 1953, с. 341.
53. *Самуилов М.* С болшевиките против самодържавието. София, 1963.
54. История Второго Интернационала. Т. 2. М., 1966, с. 206—220.
55. *Спиваковский Е. И.* Вопросы истории Румынии конца XIX — начала XX в. в трудах В. И. Ленина.— История и историки. Историческая концепция В. И. Ленина. Историкографический ежегодник. 1970. М., 1972, с. 510.
56. В. И. Ленин и международное рабочее движение. М., 1969, с. 146—147, 155.
57. *Кънева-Дамянова Ж.* Вторият Интернационал. София, 1978, с. 180—199.
58. Работнически вестник, 28 IV 1912.
59. *Бирман М. А.* В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг.— Советское славяноведение, 1965, № 2, с. 12—15.
60. Исторический архив, 1959, № 3, с. 76.
61. *Сумарокова М. М.* Филип Филиппович и революционное движение в России (1905—1917).— Советское славяноведение, 1978, № 4, с. 8.
62. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919. М., 1933, с. 118—119.

ГРАЧЕВА Л. Е.

ВОПРОСЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ В ТРУДАХ ГЕОРГИЯ БАКАЛОВА

Видный общественный деятель и ученый Георгий Бакалов (1873—1939) известен как один из основателей болгарской марксистской исторической науки, внесший вклад в изучение истории Болгарии, прежде всего национального возрождения, рабочего движения и русско-болгарских революционных связей. Исследование этих проблем невозможно было без знания революционного движения в России, которое оказало огромное влияние на Болгарию. В 1929 г. Г. Бакалов писал, что «одна из самых интересных глав в истории русского революционного движения — глава о влиянии его на другие народы — еще не написана» [1, с. 3]. Недостаточная разработанность этого вопроса в исторической литературе побудила Г. Бакалова заняться его изучением.

Будучи последователем русской революционной мысли, Г. Бакалов большое внимание уделял изучению русского революционного движения, популяризатором и пропагандистом которого он был всю свою жизнь. Особенно плодотворным оказался для Г. Бакалова советский период его творческой биографии (1925—1932). Этому способствовали как его работа в научных учреждениях СССР, укрепление связей с советскими учеными, возможность использовать материалы советских архивов, так и усвоение болгарским ученым ленинского метода в изучении истории.

До появления работ Г. Бакалова вопрос о влиянии русской передовой мысли на болгарское общественное движение и контакты революционеров двух стран получили частичное освещение в работах З. Стоянова, С. Заимова, И. Шишманова, В. Я. Богучарского Е. З. Волкова и ряда других исследователей, задачей которых не являлась специальная разработка этих тем. Для большинства этих авторов характерным был некритический подход к источникам, слабая документальная база, сводившаяся, в основном, к мемуарной литературе. Такие же вопросы, как изучение влияния идей Г. В. Плеханова и В. И. Ленина на развитие социалистического движения в Болгарии, роль старой «Искры» в укреплении позиций марксизма в Болгарии, выяснение значения первой русской революции для развития болгарского рабочего движения рассматривались Г. Бакаловым впервые в исторической литературе.

Вклад Г. Бакалова в развитие марксистской историографии Болгарии и в освещении русско-болгарских революционных связей получил оценку в работах Ж. Натана, В. И. Злыднева, А. С. Бейлиса, С. П. Бобровой и других болгарских и советских историков. Ими была определена новизна и ценность введенных Г. Бакаловым в научный оборот источников, подчеркнута трактовка им фактического материала на основе марксистско-ленинской методологии.

Задача данной статьи — выяснить, что нового своими исследованиями русско-болгарских революционных связей внес Г. Бакалов в изучение

истории революционного движения в России, какие неизвестные моменты в деятельности русских революционеров на Балканах получили освещение в его работах, рассмотреть, как по мере дальнейшего овладения марксистско-ленинским методом происходила эволюция взглядов болгарского ученого.

К вопросу о русском революционном движении и его влиянии на развитие национально-освободительной борьбы в Болгарии Г. Бакалов обратился в связи с изучением деятельности лидеров болгарской буржуазно-национальной революции и прежде всего Х. Ботева, которого он считал «связующим звеном между болгарским революционным движением и русским» [2, с. 43].

Работая над темой об интернациональном содружестве болгарских и русских революционеров во второй половине XIX в., Г. Бакалов обращался к мемуарной литературе, к болгарской и русской (в том числе и эмигрантской) периодике. Особую ценность в исследованиях Г. Бакалова представляют архивные материалы, со значительной частью которых он познакомился в советских архивах во время пребывания в СССР. Им широко использованы документы III отделения и канцелярии его величества, среди фондов которых он впервые обнаружил и частично опубликовал материалы «нечаевского дела» и дела Н. Меледина. Выявленные Г. Бакаловым новые архивные материалы не только дополнили его исследования о русско-болгарских революционных связях, но и дали ему возможность написать специальную работу о деятельности русских эмигрантов-народников в Болгарии с середины 60-х до 90-х годов XIX в. [3].

Г. Бакалов установил, что русское революционное движение стало оказывать свое влияние на Болгарию с 60-х годов XIX в. Влияние это, так же как и на «другие страны, где был более или менее известен русский язык, шло путем распространения русской передовой и русской революционной литературы» [2, с. 59]. Большую роль сыграл и тот факт, что многие болгары обучались в учебных заведениях России, имели возможность непосредственно участвовать в революционной борьбе, лично знали русских революционеров. Это привело к тому, что большое число болгар — выпускников русских гимназий и университетов стали видными общественными деятелями, участниками революционного освободительного движения в Болгарии.

В. И. Ленин считал, что «начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран» [4, т. 6, с. 24]. В России 60-е годы XIX в. ознаменовали собой новый этап освободительного движения — разночинский, буржуазно-демократический, народнический, как определил его В. И. Ленин [4, т. 25, с. 93—94]. В этот же период в Болгарии назревала буржуазно-национальная революция. Антифеодалная направленность революционного движения в обеих странах послужила основой идейных связей русских и болгарских революционеров.

Г. Бакалов отмечал, что мировоззрение болгарских революционеров формировалось под влиянием произведений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена. Идеология русских революционеров-демократов, отражавшая интересы крестьянства, боровшегося «за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» [4, т. 21, с. 258], оказалась во многом близкой болгарам; среди них не могли не найти отклик народнические идеи, выражавшие «передовой, революционный мелкобуржуазный *демократизм*» [4, т. 16, с. 213].

В результате своих исследований Г. Бакалов пришел к выводу, что наибольшее влияние на мировоззрение болгарских революционеров периода возрождения оказали произведения Н. Г. Чернышевского. Поэтому к Н. Г. Чернышевскому Г. Бакалов не раз обращался на различных этапах своего творчества. В 1921 г. он опубликовал небольшую статью «Русское идейное влияние на Болгарию» [5, т. 3], где назвал имена трех революционеров, оказавших воздействие на болгарское революционное движение — Н. Г. Чернышевского, Г. В. Плеханова и В. И. Ленина.

В 1925 г. в книге «Великаны мысли и дела» Г. Бакалов высоко оценил идейное наследие Чернышевского. Однако в этой работе он повторил плехановскую оценку взглядов и учения Н. Г. Чернышевского, что предопределило ряд методологических ошибок. Вслед за Г. В. Плехановым, Г. Бакалов абсолютизировал тезис о том, что развитие общественной мысли обуславливается экономическим развитием общества, и только мыслители передовых в социально-экономическом отношении стран могут обогащать философскую мысль. Недостаточно внимания было уделено классовому содержанию деятельности Н. Г. Чернышевского (за что Г. В. Плеханова остро критиковал В. И. Ленин) [4, т. 29, с. 560]. В заключение Г. Бакалов указал все издания, переводчиков и издателей произведений Н. Г. Чернышевского в Болгарии.

В другой работе о Н. Г. Чернышевском, написанной в 1934 г., Г. Бакаловым уже была дана ленинская трактовка мировоззрения русского революционера-демократа. Он раскрыл классовую сущность борьбы Н. Г. Чернышевского с либералами; сравнив позиции Н. Г. Чернышевского с точкой зрения А. И. Герцена, отметил, что «крайность» Чернышевского заключалась в его последовательной защите крестьянского освобождения» [6, с. 451]. Мечты русского революционера о переходе к социализму через крестьянскую общину объяснялись тем, считал Г. Бакалов, что «Чернышевский, как реалист, опирался на тот человеческий материал, который ему предлагала история» [6, с. 451]. В 60-е годы XIX в. в России он не мог видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для победы социализма. Далее, развивая мысль В. И. Ленина, Г. Бакалов подчеркнул, что Чернышевский был не только социалистом-утопистом, но прежде всего — революционером-демократом, отстаивавшим идею крестьянской революции. Революционный демократизм Н. Г. Чернышевского он связывал с его беззаветной верой в силы народа, с его беспредельной ненавистью к тиранам и всем эксплуататорам. Г. Бакалов дал высокую оценку Н. Г. Чернышевскому как ученому «с энциклопедическими знаниями» [6, с. 446]. Говоря об идейном формировании мировоззрения Н. Г. Чернышевского, он подчеркнул, что ему, как и другим русским революционерам-демократам, была присуща самостоятельная творческая работа и тесная связь теории с революционной практической деятельностью. В социалистическом же учении «Чернышевский ближе других домарксистских социалистов подошел к научному социализму» [6, с. 457]. Г. Бакалов отметил огромное воспитательное значение книги Н. Г. Чернышевского «Что делать?», на примерах героев которой воспитывалось не одно поколение революционеров, беззаветно преданных своему делу, способных на любые жертвы и подвиги во имя революции. В третьей главе книги о Н. Г. Чернышевском автор показал положительное воздействие идейного наследия Чернышевского на передовых представителей балканских стран — Св. Марковича, Л. Каравелова, Х. Ботева, подчеркнул, что русский мыслитель помог болгарским революционерам осознать социальные задачи национального движения: «Под влиянием Чернышевского кругозор узкого движения национальной независимости болгар расширился: лучшие элементы революционной интеллигенции, вбирая в себя идеи „нового учения“, шли в народные массы с проповедью борьбы не только против иноземного ига, но также и против „необрезанных турок“ — своих же болгарских богатеев» [7, с. 31].

Книга о Н. Г. Чернышевском свидетельствовала о новом этапе в деятельности Г. Бакалова как историка — усвоении им ленинского метода в освещении вопросов истории. Исходя из ленинской оценки революционной демократии, примененной в этой книге, Г. Бакалов смог дать более точное определение позиций Х. Ботева, которого считал идейным учеником Н. Г. Чернышевского. Выявленное сходство программных установок русского и болгарского революционеров позволило Г. Бакалову впервые в исторической литературе распространить ленинское определение революционера-демократа на Х. Ботева [8, с. 89].

Значительное место в работах Г. Бакалова уделяется освещению деятельности русской революционной эмиграции в Болгарии. Ему удалось выявить неизвестные до тех пор факты, обогащающие историю русского освободительного движения второй половины XIX в. В. И. Ленин, характеризуя этот период, писал: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [4, т. 41, с. 8].

В сотрудничестве русской политэмиграции с болгарскими революционерами Г. Бакалов выделил два периода: первый — контакты русских и болгарских революционеров-эмигрантов в Румынии (до освобождения Болгарии), и второй — участие эмигрантов-народников в политической жизни Болгарии после ее освобождения. В конце 60-х — начале 70-х годов русская эмиграция в Румынии в основном была представлена революционными народниками. Г. Бакалов привел данные о деятельности русских политэмигрантов по изданию и транспортировке народнической литературы в Россию, о практической помощи болгар русским эмигрантам в распространении нелегальной литературы и в обеспечении их нелегальными документами, предоставлении им явочных квартир. Упомянул Г. Бакалов о денежной помощи, которую оказали в начале 70-х годов М. Бакунину деятели болгарского освободительного движения [3, № 2, с. 117—119]. Он отмечал, что русские эмигранты, занятые решением своих задач, не оставались в стороне от забот болгарских революционеров. Об этом свидетельствовали решение Н. К. Русселя-Судзиловского принять участие в Апрельском восстании [9, с. 192], совместная работа организации Х. Ботева и русских эмигрантов-народников по экспроприации ценностей у богатей. Г. Бакалов считал, что непосредственно принимал участие или оказывал содействие в этом Х. Ботеву Н. Меледин, у которого при обыске был обнаружен сундучок с инструментами для взлома¹.

Г. Бакалов установил имена русских революционеров-народников, поддерживавших связь с болгарской революционной эмиграцией в Румынии, восстановил основные вехи их участия в революционном движении Болгарии. Среди русских революционеров он назвал Н. Лучицкого, А. Пашченко, Петровского (В. Серебренникова), К. А. Каца (Доброджану-Геря), З. К. Арборе-Ралли, Н. К. Зубку-Кодряну², высказал предположение о знакомстве болгарских революционеров с Н. Жебуневым, Н. Г. Кулябко-Корецким, братьями Аркадакскими³.

Большую исследовательскую работу провел Г. Бакалов по выяснению псевдонимов, под которыми скрывались русские революционеры. Ему удалось установить, что под именем таинственного Ивана Ивановича и фамилией Флореску, упоминания о которых имелись у З. Стоянова, Д. Паничкова и С. Заимова, скрывалось сразу несколько революционеров: Б. Флореску, Н. Ф. Меледин, С. Г. Нечаев и «какой-то поляк по имени Гримарди» [4, с. 23—31]. Проведенные исследования не только подтвердили предположения Е. З. Волкова о пребывании в Румынии русского народника С. Нечаева и его связях с болгарскими революционерами, но и позволили Г. Бакалову получить представление о длительных контак-

¹ По этому вопросу у историков до сих пор нет единого мнения. Так, К. А. Поглубко ставит под сомнение активную экспроприаторскую деятельность русских и болгарских эмигрантов в Румынии [10, с. 179], а В. Я. Гросул, подтверждая факт участия Н. Меледина в экспроприациях, пишет, что они не только были составной частью общей работы Ботева и его русских друзей, но и имели «шод собой идейную основу. Руководствуясь теориями Прудона и, в частности, его популярной в то время формулой „собственность это кража“, некоторые революционные элементы считали вполне допустимым и даже необходимым изъятие богатств у имущих и употребление их на революционные цели» [11, с. 490].

² Если деятельность и псевдонимы А. Шапченко и В. Серебренникова (Петровского) уже были выяснены предшественниками Г. Бакалова [12, с. 124, 133; 13, с. 99], то биография Зубку-Кодряну до него никем специально не изучалась.

³ Факт знакомства с братьями Аркадакскими не подтвердился новыми исследованиями [14].

тах С. Нечаева и Х. Ботева⁴, установить имя еще одного участника тех событий — Н. Ф. Меледина. Г. Бакалов, ознакомившись с материалами дела Меледина, пришел к выводу, что тот был одним из сторонников С. Нечаева. Документы показали также, что Н. Меледин поддерживал самую тесную связь с представителями революционного направления болгарской эмиграции.

В работах Г. Бакалова приводятся данные о том, что через С. Нечаева болгарские революционеры получали сведения о деятельности революционного подполья в России, о жизни женевской эмиграции, об Интернационале и Парижской коммуне. Г. Бакалов отмечал, что наиболее тесные контакты и дружеские связи установились у С. Нечаева с левым крылом болгарской эмиграции в Румынии, возглавляемым Х. Ботевым, влияние С. Нечаева на которого, по мнению автора, было «многосторонним и благотворным» [1, с. 32], «оно способствовало освобождению в Ботева революционной энергии» и «содействовало конкретизации общественных взглядов Ботева» [1, с. 34]. Советские историки К. А. Поглубко и В. Я. Гросул в своих работах подтвердили правильность основных выводов Г. Бакалова по данному вопросу [10, с. 163, 184; 11, с. 418—419, 496]. Нам кажутся верными их возражения по поводу утверждения болгарского исследователя об определяющем влиянии С. Нечаева на формирование мировоззрения Х. Ботева, поскольку последний еще задолго до знакомства с русским народником поставил целью своей жизни борьбу за освобождение болгарского народа.

Специальную статью посвятил Г. Бакалов связям с болгарскими русско-революционера-народниками Н. К. Русселя-Судзиловского [9]. Касаясь отношений Н. К. Судзиловского с З. Стояновым, он отметил, что их могло связывать лишь отрицательное отношение к царскому правительству, так как «социализмом З. Стоянов не интересовался» и социалистических взглядов русских народников не разделял [9, с. 186]. А вот, характеризуя взаимоотношения Н. К. Судзиловского с Х. Ботевым, Г. Бакалов пришел к выводу, что оба они ко времени их встречи были революционерами со сложившимся мировоззрением и «влияние было обоюдное», «они помогали друг другу в выяснении непосредственных задач деятельности» [9, с. 192].

В статье «Русские друзья Христо Ботева» [2] Г. Бакалов опубликовал письмо, которое он получил от Н. К. Судзиловского еще в 1911 г., когда собирал материал для своих будущих исследований о деятельности Х. Ботева. Это письмо, как и комментарий к нему, не только проливают свет на неизвестные ранее факты в биографии Х. Ботева и восстанавливают подробности его связей с русскими революционерами, но и дают представление об интересах и мировоззрении русской революционной молодежи. Г. Бакалов подчеркнул важность свидетельства Н. К. Судзиловского о влиянии русской передовой литературы 60—70-х годов на формирование мировоззрения русских и болгарских революционеров и об их знакомстве с произведениями К. Маркса. Развивая мысль русского народника об этом, Г. Бакалов писал, что ввиду отсталости в экономическом развитии России и Балкан по сравнению со странами Запада русским и болгарским революционерам (в частности Х. Ботеву) «невозможно было увлечься идеями классовой борьбы пролетариата», но марксизм не остался для них «совершенно чуждым» [2, с. 56]. Он выразил решительное несогласие с заявлением Н. К. Судзиловского о негативном отношении болгар к А. И. Герцену и П. Л. Лаврову, указал, что Х. Ботев знал Герцена, ценил его учение и что болгарские эмигранты в Румынии знакомы с западноевропейским рабочим движением по журналу П. Лаврова «Вперед» [2, с. 55—56].

Основываясь на данных источников, свидетельствовавших о совместной деятельности русской и болгарской эмиграции в Румынии, Г. Бакалов пришел к выводу, что в 70-е годы среди болгарских революционеров была

⁴ Г. Бакалов считал, что Х. Ботев и С. Нечаев встречались в течение двух недель летом 1869 г. и проживали вместе с мая или июня 1871 г. до весны 1872 г.

широко распространена народническая идеология, особенно бакунизм. С этим выводом Г. Бакалова можно согласиться. Как отмечал К. Маркс, бакунинский анархизм получил широкое распространение в тех странах, где реальные предпосылки рабочего движения были еще мало развиты [15, т. 33, с. 279]. Болгар привлекла легендарная личность М. Бакунина, у них находил горячий отклик его призыв к немедленной борьбе, к действию, не могла оставить их равнодушным его позиция по славянскому вопросу⁵. Но Г. Бакалов, неоднократно сам подчеркивавший, что использование русского опыта не означало слепого копирования и подражания, что «болгары все переживали по-своему», с учетом конкретных задач революционного движения в своей стране [5, т. 4, с. 233], не заметил того, что в болгарском революционном движении идеи Бакунина не были приняты в чистом виде. Он утверждал, что Х. Ботев теснее других болгарских революционеров связанный с русским революционным движением, был народником и бакунистом [1, с. 7; 16, с. 45]. Такое определение свидетельствовало как о слабой разработанности истории революционного народничества в литературе того времени, так и о недостаточном понимании болгарским ученым ленинской оценки революционной демократии. Более глубокое изучение Г. Бакаловым произведений В. И. Ленина помогло ему пересмотреть свою оценку и, как уже было сказано выше, определить мировоззрение Х. Ботева как революционно-демократическое.

При изучении вопроса о деятельности русской политэмиграции в Болгарии Г. Бакалов использовал материалы архива внешней политики России: донесения консулов, переписку министра внутренних дел со статс-секретарем Гирсом и др. На основании этих документов ему удалось установить имена русских эмигрантов, проживавших в Болгарии, узнать об их деятельности и связях. Он выяснил, что значительная часть эмигрантов состояла на болгарской государственной службе⁶.

Русское правительство с беспокойством следило за деятельностью эмиграции в Болгарии. Наибольшее опасение вызывали В. Бурцев, В. Луцкий, Н. Волянский и В. Ивановский [3, № 4, с. 134, 138]. Г. Бакалов отметил, что после освобождения Болгарии русские эмигранты активно включились в политическую жизнь страны. Они сотрудничали с партией либералов (в Восточной Румелии близкая к ней партия называлась «казенной»). Он считал, что эту партию, представлявшую интересы нарождающейся национальной буржуазии, сближало с русскими эмигрантами отрицательное отношение к политике царской России. Любые действия России на Балканах рассматривались ими как агрессивные, захватнические. Кроме того, «сотрудничество это установилось тем легче, чем русская эмиграция в то время, в середине 80-х годов, не шла далеко в своей социальной программе» [3, № 4, с. 116]. Г. Бакалов рассказал о помощи русских политэмигрантов партии «казенных» в подготовке объединения Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Он назвал имена революционеров (В. Луцкого, Н. Руссея и др.), принявших участие в «румелийском перевороте» [3, № 4, с. 113—114]. Исследователь привел данные о распространении русскими эмигрантами нелегальной народнической литературы в Болгарии [3, № 3, с. 117], о сотрудничестве

⁵ Основные положения своей позиции по славянскому вопросу М. Бакунин изложил в работе «Основы славянской политики» и в обращении к славянскому съезду в Праге «Воззвание к славянам» [17].

М. Бакунин противопоставлял славян другим народам, подчеркивая «историческую обособленность пути славян», возводил ее в степень национальной исключительности. Возможность освобождения славян он видел в их объединении в единый все-славянский союз на основе революционного разрушения Австрийской и Российской империй. Союз должен представлять собой федерацию, основанную на принципах равенства и независимости славянских народов.

⁶ Г. Бакалов назвал имена В. Луцкого и Э. Серебрякова (Бланка), командовавших дунайской флотилией, инженера-механика по морской части Булыгина, М. Драгоманова — профессора Софийского университета, учителей гимназии Г. Бадамева и Н. Волянского (Белова), В. Дебогория-Мокриевича, служившего начальником станции в Пазарджике, врачей А. Дылевой и Э. Бржезинского, служащих арсенала в Русуке И. Лазаревича и П. Дашкевича и др.

русских революционеров в болгарской периодической печати (буржуазно-либерального и народнического толка). Большой интерес к Болгарии проявляла и русская эмигрантская печать в Европе. Журнал русской эмиграции «Общее дело», издававшийся в Женеве, публиковал специальные материалы, посвященные болгарским событиям — передовицы, хронику, статьи и корреспонденции как русских, так и болгарских политических деятелей [3, № 4, с. 130].

Изученные документы этого периода дали Г. Бакалову возможность не только установить имена и раскрыть деятельность русской эмиграции в Болгарии и Румынии, но и выяснить, что русские эмигранты в Болгарии «вошли в сношение и с сербскими эмигрантами, проживавшими в Болгарии» [3, № 4, с. 112]. Болгарский историк привел данные и об участии русских революционеров-народников (С. Степняка-Крачинского, Д. Клеменца, Ерошенко, М. Сажина) в восстании в Боснии и Герцеговине в июне 1875 г. [16, с. 37].

Оценивая этот период, Г. Бакалов сделал вывод, что деятельность русских эмигрантов оказала положительное влияние на болгарское демократическое движение, их опыт политической борьбы был полезен в борьбе за «кристаллизацию демократических форм государственности» при воссоединении Болгарии, «они бросали первые семена социализма в среду болгар». Однако постепенная эволюция революционного народничества к мелкобуржуазному либерализму привела в начале 90-х годов к тому, что эмигранты-народники повели упорную борьбу против образования самостоятельной болгарской рабочей партии и в начале XX в. перешли в стан буржуазии [3, № 5, с. 142—143].

В работах Г. Бакалова о деятельности русской эмиграции в Болгарии и влияния идеологии народничества на развитие болгарской общественной мысли в эпоху национального возрождения и первое десятилетие после освобождения страны раскрыта одна из неизученных ранее важных страниц истории русского и болгарского освободительного движения.

С выходом пролетариата на политическую арену влияние русского революционного движения на Болгарию усилилось. В работе «Первые шаги марксизма в Болгарии» Г. Бакалов писал: «Мы привыкли считать русских учителями болгар по вопросам революции. Так было до появления марксизма. И в отношении марксизма учителями болгар были русские — группа „Освобождение труда“» [5, т. 4, с. 215]. Подъем революционного движения в Болгарии совпал с расцветом политической и научной деятельности Г. В. Плеханова, когда «за 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» [4, т. 25, с. 222]. Десятки молодых болгар в конце 80-х — начале 90-х годов стремились в Швейцарию на учебу, чтобы там познакомиться с Г. В. Плехановым. Осенью 1891 г. поступил на естественнонаучный факультет Женевского университета и Г. Бакалов. Вспоминая об этом времени, он писал, что «избрал естественные науки, чтобы выработать материалистическое мировоззрение, а Женеву — чтобы быть ближе к группе „Освобождение труда“» [5, т. 3, с. 365].

Постоянное общение Г. Бакалова с русскими революционерами позволяло ему в ранний период его общественно-научной деятельности четко ориентироваться в вопросах русского революционного движения. Он внимательно следил за развитием нового направления в социал-демократическом движении России, заявившем о себе в середине 90-х годов XIX в.

В июне 1896 г. Г. Бакалов был делегатом Лондонского конгресса II Интернационала от БРСДП, для которого Г. В. Плехановым и А. Н. Потресовым был подготовлен доклад, ознакомивший участников конгресса с развитием рабочего движения в России, с деятельностью созданного в 1895 г. в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Возвращаясь с конгресса, Г. Бакалов в августе 1896 г. заезжал в Москву, где встречался и беседовал с представителями социал-демократических организаций [18]. В 1897 г. Г. Бакалов перевел упомянутый доклад на болгарский язык и издал его под названием «Рабочее движение в России».

Среди материалов личного архива Г. Бакалова, находящегося в Москве, сохранилось большое количество писем, адресованных ему сотрудниками редакции «Искра». Из этой переписки ясно, что уже в 1901 г. Г. Бакалов установил личную связь с агентами «Искры», занимавшимися транспортировкой искровской литературы в Россию, между ним и редакцией велась регулярная переписка относительно распространения газеты в Болгарии. Г. Бакалов важным для себя считал не только распространение газеты, но и публикацию материалов из «Искры» в болгарской рабочей печати.

В январе 1903 г. В. Д. Бонч-Бруевич в письме из Лондона обратился к Г. Бакалову с просьбой познакомить болгарских товарищей с проектом программы БРСДП и отметил, что искровцы были бы очень рады, если бы проект был переведен и издан на болгарском языке [19]. В ответ на эту просьбу Г. Бакалов перевел и издал отдельной книгой опубликованную в журнале «Заря» (1903, № 4) статью Г. Плеханова, в которой содержались его комментарии и замечания на проект программы РСДРП [20].

Наиболее полно отношение Г. Бакалова к «Искре» отразила его статья в газете «Рабочнически вестник» [21]. Он отметил, как факт примечательный в истории рабочего движения, что партия объединилась вокруг газеты, а агенты «Искры» стали связующими звеньями между всеми социал-демократическими организациями России. Г. Бакалов подчеркнул, что газета с самого начала выступала с позиций научного социализма, была, по его словам, «светильником революционного марксизма», боролась против всевозможных оппортунистических течений, отстаивала чистоту партийных рядов. «Для нее нет „шатаний“ и „игры на канате“. Еще в первом номере она заявила, что прежде, чем приступить к объединению, надо совершить размежевание», — писал Г. Бакалов. А вот как он оценивал значение газеты для русского и международного рабочего движения: «Нет такой литературы, которая так поднимала бы дух и веру в революцию». Знакомя с важнейшими событиями революционного движения в России в начале 900-х годов, «Искра» оказывала большое революционизирующее влияние на трудящихся других стран. И в заключение, подводя итог сказанному, Г. Бакалов отмечал, что своей актуальностью, непримиримостью к идейным колебаниям, «Искра» завоевала огромную популярность, она не только проникла «во все уголки самой обширной России», но и «пробила себе путь всюду, где читают по-русски» [21].

Большое внимание Г. Бакалова к «Искре» свидетельствовало о его огромном интересе к русскому революционному движению. На страницах газеты он увидел отражение могучего подъема борьбы рабочего класса в России, уловил основные идеи ленинского плана создания партии и роль «Искры» в осуществлении этого плана. В 1929 г., находясь в СССР, Г. Бакалов вновь обратился к вопросу о роли «Искры» в развитии революционного движения в Болгарии. В статье «Старая „Искра“ среди болгар» он отметил, что острая идейная борьба между «широкими» и «тесными» социалистами Болгарии в период 1901—1903 гг. велась под знаком «Искры» [22, с. 71], привел данные о помощи болгарских социал-демократов в транспортировке и распространении «Искры» и другой революционной литературы. Эти сведения представляют большой интерес для исследователей рабочего движения в России, так как сообщались они непосредственным и активным участником тех событий.

Глубокое знание Г. Бакаловым русской революционной литературы и революционного движения России наглядно проявилось и при освещении им первой русской революции и ее влияния на развитие рабочего движения в Болгарии. Уже в статье «Русская революция», написанной в 1905 г., он верно определил характер и движущие силы революции в России, отметил ее особенности, существенные отличия от буржуазных революций в Западной Европе. «Массовое, сознательное и самостоятельное участие пролетариата в революции — вот отличие русской буржуазной революции от западноевропейских» [5, т. 4, с. 243]. Г. Бакалов клеймил реакционность русской буржуазии. Имея экономическое господство, она желала бы получить и политическую власть, но страх перед

пролетариатом привел к тому, что «русская либеральная буржуазия готова всякую минуту изменить свободе. Вместо народной революции она предпочитает уступки сверху», — писал он [5, т. 4, с. 243]. Только рабочий класс был заинтересован в полной и окончательной победе буржуазной революции, продолжал далее Г. Бакалов, так как революция давала возможность пролетариату «развить свое классовое сознание», в ходе ее он мог завоевать как можно больше политических прав и свобод [5, т. 4, с. 244]. Говоря о союзниках пролетариата в этой революции, Г. Бакалов отметил, что в условиях, когда недовольство самодержавием проявлялось во всех слоях населения, в полной победе революции, кроме пролетариата, было заинтересовано только крестьянство. Причем крестьяне могли оказать рабочим существенную поддержку — правительству было бы невозможно справиться с крестьянскими выступлениями, если бы они приняли массовый, организованный характер. Г. Бакалов указал и на необходимость привлечения армии на сторону революции. Хотя «общая атмосфера недовольства царизмом и сочувствие революции пробивают себе путь и в войсках», — писал он, — в армии еще предстоит большая разъяснительная работа [5, т. 4, с. 249]. Закончил свою статью Г. Бакалов словами: «Несомненно, мы присутствуем при рождении новой эпохи в истории человечества, эпохи, которая предшествует и расчищает путь социалистической революции» [5, т. 4, с. 250].

Данная статья показывает отличное знание Г. Бакаловым внутривнутриполитической обстановки в России, расстановки классовых сил, развития революционного движения. Учитывая тесные контакты Г. Бакалова с русскими революционерами, можно предположить, что он был знаком с решениями III съезда РСДРП, и они были ему по духу ближе, чем решения конференции меньшевиков в Женеве, так как его оценка в корне отличается от точки зрения меньшевиков по вопросу о революции в России.

К теме русской революции Г. Бакалов обращался и позже. В статье «1905 год и Болгария» он рассказал, с каким восторгом была встречена первая русская революция болгарскими рабочими. Он отметил, что рабочая партия в Болгарии, возникшая под непосредственным воздействием русского революционного движения, окончательно утвердилась на позициях революционного марксизма под влиянием революции 1905 г. [23, с. 12]. Г. Бакалов показал огромное влияние первой русской революции на развитие рабочего движения в Болгарии. Он отметил, что «1905 год не мог сыграть в болгарском рабочем движении той роли, которую сыграл 1917-й», так как в то время «еще шел процесс отделения болгарских рабочих от мелкой буржуазии», т. е. оформления болгарского пролетариата как класса [20, с. 13]. Первая русская революция ускорила этот процесс, она «отразилась не только на верхушке рабочего класса»⁷, а «распространилась на самые широкие слои рабочих» [23, с. 14]. Под ее влиянием болгарский рабочий класс становился классом «не только в себе, но и для себя». Это проявилось в массовом подъеме стачечного движения, в выдвижении рабочими политических лозунгов и требований: в поддержку русской революции, за рабочее законодательство. Публикации Г. Бакалова о первой русской революции и откликов на нее в Болгарии до сих пор не потеряли своей ценности для изучения истории болгарского рабочего движения и влияния на него русского революционного движения⁸.

Как уже отмечалось выше, большую роль в утверждении марксизма в болгарском рабочем движении сыграли произведения Г. В. Плеханова. По мнению Г. Бакалова, Г. Плеханов для болгар был учителем марксизма, самым авторитетным толкователем учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Он «расчищал головы болгарских социалистов от мелкобуржуазных наслоений, указал им правильный путь развития классового сознания про-

⁷ Г. Бакалов имел в виду его наиболее сознательную часть, которая уже шла за социал-демократами.

⁸ К аналогичным выводам о влиянии русской революции на развитие рабочего движения в Болгарии пришли позднее и советские историки О. В. Панцуктилова [24, с. 130—131] и М. А. Бирман [25, с. 177—178].

летариата, помог им разобраться в сложных отношениях, создаваемых капиталистическим развитием»⁹. Г. Бакалов первым в историографии обратился к вопросу о влиянии Г. Плеханова на болгарское социалистическое движение. Сам он был одним из наиболее ревностных последователей русского марксиста. Из 61 работы Г. Плеханова, переведенной и опубликованной в Болгарии, 39 перевел на болгарский язык Г. Бакалов¹⁰. Г. Плеханова и Г. Бакалова связывала личная дружба. После смерти Георгия Валентиновича болгарский ученый поддерживал переписку с его женой, помогал ей и сотрудникам Дома Плеханова в подборке и публикации его литературного наследия.

Признавая огромные заслуги и роль Г. Плеханова в русском и болгарском социалистическом движении, Г. Бакалов не был его слепым поклонником. К идейному наследию русского революционера он подходил объективно, критикуя слабые стороны в его деятельности, теоретические и политические ошибки. Но даже видя и сознавая ошибочность ряда теоретических положений Г. Плеханова, его заблуждения, Г. Бакалов до конца своей жизни сохранил чувство глубокого уважения к нему как к человеку, ученому, политическому деятелю, оставался пропагандистом его работ, использовал их в борьбе против реакции. В 1925 г. в книге «Великаны мысли и дела» он опубликовал статью о Г. Плеханове. В ней Г. Бакалов остановился на заслугах Г. Плеханова в русском и международном рабочем движении. Он указал, что «Плеханов, в буквальном смысле этого слова, открыл пролетариат в России, у самой его колыбели предсказал ему роль главной силы революции», «все свои силы посвятил развитию классового самосознания русского пролетариата» [28, с. 29—30]. Доказывать эти положения Плеханову пришлось в острой полемике с народниками, отрицавшими вступление России на путь капитализма. Он отстаивал их перед членами II Интернационала, так как большинство из них считали утопией наличие рабочего движения в России. Говоря о роли Г. Плеханова в международном рабочем движении, Г. Бакалов отметил, что «Плеханов был не только популяризатором марксизма», его научные труды, «вооруженные марксистским методом исследования», сумели «сделать марксизм орудием классовой борьбы» пролетариата [28, с. 30—31]. Он считал, что после К. Маркса и Ф. Энгельса «Плеханов был лучшим теоретиком научного социализма, наиболее крупным социалистом эпохи II Интернационала» [28, с. 31]. Г. Бакалов дал и критический анализ меньшевистских позиций Г. Плеханова по отношению к первой мировой войне и по вопросу о характере Октябрьской революции.

В специальном разделе статьи Г. Бакалов раскрыл роль Г. Плеханова в болгарском рабочем движении¹¹. «Никакой иностранец не имел такого глубокого и сильного влияния в истории болгарских народных движений, как Г. В. Плеханов», — писал он. Далее Г. Бакалов отмечал: «Мы найдем его влияние везде в болгарском социалистическом движении. Все основные идеи болгарского движения — программные, тактические, организационные — восходят к Плеханову» [29, с. 47]. Болгарские социалисты внимательно относились к его советам, держали его в курсе своих партийных дел, посылали ему болгарскую марксистскую литературу. Неоднократно статьи Г. Плеханова публиковались в болгарской периодической печати. Г. Бакалов привел тексты ряда статей и писем русского марксиста, свидетельствующие о хорошем знании Г. Плехановым болгарских дел. Г. Бакалов считал, что огромное влияние Г. В. Плеханова предопределило ошибку тесняков — после раскола РСДРП они «не смогли легко и скоро разобраться в русских делах и предпочитали придерживаться признанного ими авторитета», «продолжали считать Плеха-

⁹ Эти слова цитируются по рукописи Г. Бакалова «Революционная книга Болгарии» [26, л. 5], впервые обнаруженной и подробно разобранной А. Н. Горяиновым [27].

¹⁰ См. картотеку к рукописи «Революционная книга Болгарии» [26].

¹¹ В 1928 г. этот раздел с незначительными дополнениями был опубликован в виде отдельной статьи [29].

нова ортодоксальным революционным марксистом и после перехода его к меньшевикам» [30, с. 112]. Разрыв тесняков с Г. Плехановым произошел только после того, как тот занял социал-оборонческую позицию в первой мировой войне. По мнению Г. Бакалова, «традиции оказались крепче связей с самим Плехановым» и переход болгарской коммунистической партии к большевизму, наряду с преодолением других ошибок, шел в борьбе за освобождение ее от влияния идей Плеханова [26, л. 13].

Зная о большом авторитете и популярности Г. Плеханова у болгарских трудящихся, Г. Бакалов в трудное для партии время вновь обратился к плехановской теме. Усиление политической реакции в Болгарии после разгрома Сентябрьского восстания 1923 г. привело к тому, что в рядах БКП начались идейные колебания. В этих условиях в 1927 г. Г. Бакалов выступил в журнале «Наковальня» с серией статей о Г. В. Плеханове. Серию открыли заметки «Девятая годовщина со дня смерти Георгия Плеханова» [31, № 79], в которой отмечались заслуги Г. Плеханова в русском и международном рабочем движении, и «Беглые воспоминания о Плеханове» [31, № 80], где автор поделился своими впечатлениями от встреч и бесед с выдающимся русским революционером. В статье «Г. В. Плеханов партиец» Г. Бакалов раскрыл позицию Г. Плеханова после поражения первой русской революции, когда у ряда членов РСДРП появились ликвидаторские настроения. Несмотря на то, что в этот период Г. Плеханов уже принадлежал к меньшевистской фракции, «его понимание значения роли партии, его партийное чувство восстали против язвы ликвидаторства» [31, № 79, с. 7]. Г. Бакалов назвал работы Г. Плеханова, направленные против ликвидаторов, привел выдержки, в которых раскрывалось отношение русского марксиста к ликвидаторству и понимание им роли партии. Он отметил, что Г. Плеханов, имея большой опыт подпольной работы, умело пропагандировал его. Таким образом, Г. Плеханов «прямо или косвенно своей борьбой против ликвидаторов поддерживал большевиков» — развивал свою мысль дальше Г. Бакалов уже в статье «Плеханов и общедельцы». Он подчеркнул, что в это время Г. Плеханов не только воздерживался от полемики с большевиками, «но и сблизился с ними, сотрудничая в их органах» [31, № 83, с. 6]. В одной из своих статей Г. Бакалов охарактеризовал отношение Г. Плеханова к индивидуальному террору, напомнил, что еще в 1879 г. Г. Плеханов вышел из Народной воли в знак несогласия с ее установкой на террор. Выступал Г. Плеханов против террора и в последующие годы. Г. Бакалов указал, что русский революционер всегда подчеркивал вредность террористической деятельности для рабочего движения, говорил, что царизм можно свергнуть только массовым движением трудящихся [31, № 79, с. 4—5].

В период пребывания в СССР более глубокое изучение болгарским ученым произведений В. И. Ленина и знакомство с работами советских историков сыграли большую роль в изменении оценки Г. Бакаловым теоретического наследия Г. Плеханова. Как отмечает В. И. Злыднев, в конце 20-х — начале 30-х годов завершилась «идейная эволюция Г. Бакалова как марксиста нового типа» [32, с. 99].

После возвращения в Болгарию Г. Бакалов продолжал внимательно следить за идеологической дискуссией по вопросам культурного строительства, разнергнувшегося в СССР в то время. Под ее влиянием он опубликовал в газете «Работнически литературен фронт» и журнале «Звезда» ряд статей, в которых дал критический анализ ошибочных концепций Г. Плеханова в области эстетики. В 1934 г. эти статьи были объединены в брошюру под названием «Против меньшевизма в литературоведении». Вопросы, рассматриваемые в этой работе, касались в основном проблем литературы и искусства, но в той или иной степени затрагивали историю. Г. Бакалов критиковал Г. Плеханова за его объективизм, который тот считал равным научности, когда все явления рассматривались «как научные факты, не терпящие субъективного произвола, но и не нуждающиеся в объяснении» [5, т. 2, с. 339—340]. Г. Бакалов отметил, что объективизм нашел отражение и в работах болгарских марксистов. Некоторые авторы, не зная сущности партийности, «воистину уподоблялись пушкинскому монаху

с его бесстрастным созерцанием добра и зла, вместо того чтобы бичевать зло и поощрять добро», — писал он [5, т. 2, с. 241].

Хотя в брошюре Г. Бакалова, наряду с другими слабостями, наблюдается преувеличение критики Г. Плеханова и своих собственных ошибок, что являлось своеобразной данью линии левосектантского руководства БКП в то время, эта работа безусловно сыграла важную роль в переустройстве идеологической работы БКП, способствовала более углубленному изучению болгарскими коммунистами ленинского наследия.

Большую работу проделал Г. Бакалов по распространению идей и произведений В. И. Ленина в Болгарии. В своих статьях¹² он отмечал, что имя Ленина стало известно в Болгарии после появления его книги «Что делать?», которая произвела огромное впечатление на болгарских социалистов. Она была очень актуальна, метко и точно громила ошпортунизм. Говоря о значении книги для социал-демократов Болгарии, Г. Бакалов подчеркивал, что она помогла теснякам оформиться в «теоретически выдержанную партию коммунистов» [30, с. 111]. Но все же, утверждал Г. Бакалов, пока в Болгарии преобладало влияние Г. Плеханова, трудов В. И. Ленина на болгарский язык не переводили. Они начали появляться в 1919 г., к 1929 г. было переведено всего 20 ленинских работ¹³ [26, л. 17].

В статье о В. И. Ленине, написанной в 1925 г., Г. Бакалов рассмотрел один из основных вопросов марксистской теории в исторической науке — о роли личности в истории. Говоря о В. И. Ленине, он писал: «Ленин, бесспорно, был самой колоссальной фигурой современности», он «был олицетворением сознательного и борющегося за свое освобождение пролетариата» [28, с. 60]. В этом его сила, в этом гарантия того, что и после смерти великого вождя дело его не умрет. Г. Бакалов дал высокую оценку экономическим исследованиям В. И. Ленина о капитализме в России, его философским сочинениям. Но он еще не смог в полной мере оценить теоретическое наследие В. И. Ленина, поставив его как практика выше теоретика. Видимо, сказалось недопонимание Г. Бакаловым ленинского этапа в развитии марксизма.

Уже в другой статье, написанной в период эмиграции в СССР и опубликованной в журнале «Наковальня», Г. Бакалов смог по достоинству оценить теоретическое наследие В. И. Ленина. Ленинизм не только обогатил марксизм, он «слился с ним в одно органическое целое», — писал ученый [31, № 77, с. 2]. Отметив вклад В. И. Ленина в развитие марксистской теории, Г. Бакалов указал, что «ленинизм — это не просто приложение марксизма к русским условиям», он имеет мировое значение. В. И. Ленину принадлежит заслуга в том, что он показал монополистический характер империализма и доказал, что империализм есть загнивающий и умирающий капитализм; он развил учение о диктатуре пролетариата, углубил идеи К. Маркса о роли крестьянства как союзника пролетариата, обогатил марксизм опытом современного рабочего и национально-освободительного движения [31, № 77, с. 3]. В заключение Г. Бакалов рассказал о том, как В. И. Ленин на практике осуществил свою теорию социалистической революции, о первых мероприятиях Советского государства после революции.

Изучение истории революционного движения и русско-болгарских революционных связей привело Г. Бакалова к решению создать обобщающий труд по этой проблеме. Последние годы жизни он работал над рукописью книги «К истории влияния русских революционных движений на

¹² Впервые статья «Как бы посрещнат Ленин в България» была опубликована Г. Бакаловым в 1924 г. во втором номере журнала «Нов път» и в книге «Великани на мисълта и делото». В 1929 г. с небольшими изменениями он напечатал ее в журнале «Пролетарская революция» под названием «Когда и как болгарские рабочие впервые познакомились с Лениным».

¹³ Здесь Г. Бакалов допустил фактическую ошибку. Как показали советские историки В. И. Владимирская и А. М. Шнитман, работы В. И. Ленина переводились и распространялись в Болгарии и до Октябрьской революции [33, 34].

болгар», закончить которую, по-видимому, не успел. Судьба рукописи нам не известна.

Итак, на примере рассмотренных в данной статье работ Г. Бакалова видно, что вопросы истории революционного движения в России, интересовавшие болгарского ученого на протяжении всего его творческого пути, получили достаточно широкое освещение в его исторических исследованиях. Уже в публикациях конца 90-х — начала 900-х годов Г. Бакалов проявил глубокое знание русского революционного движения, чему в значительной степени способствовали непосредственные связи его с русскими социал-демократами. Чрезвычайно плодотворными для Г. Бакалова в отношении изучения проблем революционного движения России и Болгарии и всестороннего овладения марксистско-ленинским методом оказались годы пребывания в СССР. Работы, написанные им в этот период и позже, после возвращения на родину, отличаются глубиной постановки вопросов, творческим, марксистско-ленинским подходом к объяснению исторических фактов и явлений.

В работах Г. Бакалова показано определяющее влияние идеологии русских революционеров-демократов на формирование мировоззрения болгарских революционеров 60—70-х годов XIX в., раскрыты неизвестные факты из деятельности русской народнической эмиграции в балканских странах. Первым в историографии он обратился к вопросу о влиянии идей Г. В. Плеханова на развитие марксистской мысли и социалистического движения в Болгарии. Будучи одним из наиболее ревностных последователей русского марксиста, Г. Бакалов при более глубоком знакомстве с произведениями В. И. Ленина смог критически подойти к творческому наследию Г. Плеханова и дать более правильную оценку его деятельности и идейным воззрениям.

Г. Бакалова глубоко интересовали вопросы о влиянии «Искры» и первой русской революции на развитие рабочего движения в Болгарии. Он показал их огромное значение для роста политического самосознания болгарского пролетариата. Много сделал Г. Бакалов и по пропаганде идей и произведений В. И. Ленина в Болгарии.

Труды Г. Бакалова отличаются научной обоснованностью, подробной аргументацией, широким использованием архивных материалов. Хотя Г. Бакалов не смог избежать ошибок в ряде своих положений и оценок, исследования современных советских и болгарских историков подтверждают правильность главных его выводов. Поэтому труды Г. Бакалова по вопросам истории русского революционного движения и русско-болгарских революционных связей сохраняют свое значение до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакалов Г. Христо Ботев и Сергей Нечаев.— *Летописи марксизма*, 1929, № 9—10.
2. Бакалов Г. Русские друзья Христо Ботева.— *Летописи марксизма*, 1929, № 2.
3. Каторга и ссылка, 1930.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
5. Бакалов Г. Избрани произведения в 4-и тома. София, 1963—1964.
6. Бакалов Г. Избрани исторически произведения. София, 1960.
7. Бакалов Г. Чернишевски Николай. София, 1934.
8. Бакалов Г. Христо Ботев. Киев — Харьков, 1936.
9. Бакалов Г. О связи Русселя-Судзиловского с болгарамии.— *Каторга и ссылка*, 1930, № 10.
10. Поглубко К. А. Очерки истории болгарско-российских революционных связей. Кишинев, 1972.
11. Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. 1859—1874. Кишинев, 1973.
12. Стоянов З. Христов Ботйов. София, 1966.
13. Волков Е. З. Христо Ботев. М., 1923.
14. Ескенази Ж. Двама руски емигранти в Румъния и България през 70—80-те години на XIX в.— В кн.: В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974.
15. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е.
16. Бакалов Г. Вступительная статья в кн.: Христо Ботев. Избранные произведения. М.— Л., 1930.
17. Бакунии М. А. Речи и воззвания. СПб., 1906.
18. ОРГБЛ, ф. 369, карт. 236, ед. хр. 27, л. 3—4.

19. ЦГАЛИ, ф. 1033, оп. 1, ед. хр. 43, л. 2.
20. *Плеханов Г.* Социализмът наука ли е? Варна, 1903.
21. Работнически вестник, 1903, 3 VII.
22. Пролетарская революция, 1929, № 8—9.
23. Первая русская революция и международное рабочее движение. Л., 1925.
24. *Панцуктилова О. В.* Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М., 1956.
25. *Бирман М. А.* Формирование и развитие болгарского пролетариата. 1878—1923. М., 1980.
26. ОРГБЛ, ф. 218, карт. 1269, ед. хр. 10.
27. *Горяинов А. Н.* Неопубликованный библиографический труд Георгия Бакалова «Революционная книга Болгарии». — Записки отдела рукописей (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), вып. 29, 1967.
28. *Бакалов Г.* Великани на мисълта и делото. София, 1925.
29. *Бакалов Г.* Плеханов в Болгарии. — Летониси марксизма, 1928, № 5.
30. *Бакалов Г.* Когда и как болгарские рабочие впервые познакомились с Лениным. — Пролетарская революция, 1929, № 10.
31. Наковалня, 1927.
32. *Злыднев В. И.* Русско-болгарские литературные связи XX в. М., 1964.
33. *Владимирская В. И.* Распространение работ В. И. Ленина в Болгарии (1902—1924). — В кн.: Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства. М., 1960.
34. *Шнитман А. М.* Из истории интернациональных связей с революционным рабочим движением в Болгарии. Мурманск, 1967.

ДЬЯКОВ В. А., ФРЕЙДЗОН В. И.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ТИПОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В XIX ВЕКЕ

Истории южных и западных славян в XIX в. посвящено большое количество книг, статей и документальных публикаций. Весьма отраднo отметить, что за последнее время у нас все чаще появляются базирующиеся на накопленных фактах обобщающие труды проблемного, проблемно-регионального или проблемно-страноведческого характера [1—7]. Что касается истории общественной мысли славянских народов, то в Советском Союзе соответствующим кругом вопросов успешно занимались В. Г. Карасев, А. С. Мыльников, И. И. Удальцов, И. С. Миллер, С. А. Никитин и другие исследователи. Однако специальных работ по этой теме, а тем более попыток обобщения, пока недостаточно, хотя потребность в них очевидна. Думается, что такая ситуация обусловлена как наличием существенных пробелов в изучении конкретного материала, так и методологическими трудностями, связанными с особенно сложным переплетением национальных и социальных факторов, которые оказывали определяющее воздействие на развитие общественной мысли славян в период перехода от феодализма к капитализму.

В Центральной и Юго-Восточной Европе, в частности в славянских странах, указанный период можно назвать эпохой национального возрождения. Хотя этот термин условен и не в одинаковой мере подходит ко всем странам и народам, он отражает основную специфическую черту исторического развития восточноевропейского региона в период перехода от феодализма к капитализму. Поэтому представляется уместным его употребление как в страноведческих, так и в обобщающих характеристиках.

Для более глубокого понимания соответствующего круга вопросов весьма полезно соотнести содержание термина «национальное возрождение» в применении к странам Восточной Европы с тем, что мы имеем в виду, когда говорим о Возрождении и Просвещении в западноевропейском регионе. В искусствоведческих и литературоведческих исследованиях этими последними понятиями охватывается обычно лишь историко-культурная часть того гораздо более широкого смысла, который вкладывается в них исторической наукой. Между тем, К. Маркс и Ф. Энгельс относили их не только к сфере культуры и художественного творчества, но и ко всему тому, что в конечном счете обуславливало функционирование этой сферы, т. е. сложный комплекс тесно связанных между собой социально-экономических и идейно-политических процессов, которыми характеризуется период перехода от феодализма к капитализму. Такой подход позволяет использовать богатейший и хорошо изученный материал западноевропейского Возрождения и Просвещения для стадиальных сопоставлений при анализе данного исторического этапа в развитии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Разумеется, при сопоставлении необходимо тщатель-

но учитывать как несомненные черты сходства в основном содержании и направленности социально-политических процессов в восточной и западной частях Европы, так и существенные различия, обусловленные спецификой исторических условий, в которых осуществлялся переход к капитализму в странах, расположенных к востоку от Эльбы ¹.

Особенности развития славянских народов в эпоху национального возрождения во многом обусловлены типичными для Восточной Европы несовпадениями социальной структуры общества с этнонациональным составом населения. В восточноевропейском регионе формирование наций и национальных культур осуществлялось в рамках многоэтнических государств. Соответственно и классы буржуазного общества складывались во многих случаях из разнородного этнонационального материала, что породило трудно преодолимые национально-политические коллизии (как внутри одного и того же государства, так и между некоторыми соседними государствами).

Западноевропейское Возрождение, датируемое XIV—XVI столетиями, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как эпоху широких идейных движений, связанных с нарастающей борьбой буржуазии против феодализма [9, т. 20, с. 345—346, 508; т. 22, с. 382; т. 23, с. 728]. Характеризуя относящуюся к XVIII в. эпоху Просвещения в Западной Европе, они подчеркивали, что в это время окрепшая буржуазия перестала довольствоваться чисто идейной сферой (философия, литература, искусство), а стала вторгаться непосредственно в область социально-политических взаимоотношений, ибо началась стадия непосредственной подготовки буржуазных революций [9, т. 20, с. 16—17; т. 39, с. 352]. В восточноевропейском регионе основное содержание исторического процесса было аналогичным, но переход от феодализма к капитализму занял не 300—400 лет, а примерно одно столетие — от середины XVIII в. до 70-х годов XIX в. В этот период явления возрожденческого характера переплелись здесь с важнейшими чертами Просвещения, создавая специфическую для данного региона идейно-политическую систему эпохи национального возрождения ².

Развитие общественной мысли славянских народов в конечном счете определялось, с одной стороны, социальной структурой и политическим строем соответствующих государственных образований, с другой, рядом конкретных факторов — таких, например, как исторические и культурные традиции, наличие или отсутствие элементов национальной государственности и т. д. Неполная социальная структура феодального общества обусловила особое значение и особые трудности для ряда народов в их борьбе за возможность развития национальной культуры на родном языке, который до этого рассматривался как непригодный для этого язык «плебейской» массы. Объективное демократическое содержание связанных с этим идей вполне очевидно.

В своей основе общественная мысль у славян имела те же объективные детерминанты, что и у соседних народов; следовательно ее история не должна отрываться ни от регионального, ни от общеевропейского контекстов. Именно поэтому в дальнейшем изложении, основываясь главным образом на материале южных и западных славян, мы не будем упускать из вида также историю общественной мысли восточных славян и неславянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

¹ Из сказанного следует, что авторы настоящей статьи вовсе не являются сторонниками «отождествления национального возрождения с классическим ренессансом», в чем одного из них упрекают в печати [8, с. 175]. Суть нашей позиции совершенно иная. Следуя за общеметодологическими указаниями основоположников марксизма и их конкретными высказываниями о Возрождении и Просвещении на Западе, мы стараемся использовать метод стадийального сопоставления двух регионов для более глубокого понимания тех социально-экономических и идейно-политических процессов, которые происходили в славянских странах в конце XVIII и в XIX вв.

² Подробнее см. [10, с. 31—44]; с некоторыми дополнениями и уточнениями эта статья перепечатана [1, с. 19—37].

В идеологическом процессе рассматриваемого периода могут быть выделены три основные составные части. Во-первых, это консервативные течения, отражающие всю гамму идеологии господствующих классов. Во-вторых, различные формы либерализма, как выражение идейных позиций развивающейся буржуазии и обуржуазившегося дворянства. В-третьих, революционно-демократическая идеология, отражавшая интересы эксплуатируемых масс и включавшая те или иные элементы утопического социализма. При этом до определенного времени перечисленные течения неодинаково проявляли себя в различных сферах общественной жизни, например, деятели, занимавшие консервативные позиции в социальных вопросах, оказывались подчас на революционных позициях при решении национальных вопросов. С победой капиталистической формации этот разрыв постепенно уменьшался или даже исчезал, в результате чего идеология имущих классов правела, а социальные интересы трудящихся масс все более выражала прогрессивная идеология рабочего класса.

В истории общественной мысли региона представляется целесообразным выделить следующие главные этапы. Во-первых, это период обострения кризиса феодализма (в Центральной Европе — 30—40-е годы XIX в., в России — 40—50-е годы, в османских владениях на Балканах — со второй половины 50-х годов), как правило, завершавшийся революционными ситуациями, которые сильно активизировали деятельность различных течений демократической мысли. Во-вторых, период смены формаций (в Центральной Европе — 1848—1849 гг., в Российской империи — 1861—1864 гг., на Балканах — 1875—1878 гг.); в эти годы общественная мысль славянских народов прошла через этап значительного подъема, создания более или менее четких политических программ даже в тех странах, где ранее движение ограничивалось проблемами языка и культуры. В-третьих, период утверждения и дальнейшего развития капитализма; в рамках этого периода, как особый этап, может быть выделена его первая часть, когда преобладали идеи общедемократического характера, рабочее движение еще не имело самостоятельного значения, а пропаганда идей научного социализма лишь начиналась.

В начале рассматриваемой эпохи господствующее положение в общественной мысли стран восточноевропейского региона занимали идейно-политические теории феодального характера. Их основными чертами являлись провиденциализм в философской сфере и вера в неизбежность династического принципа в сфере этнонациональной и политической. Не только в абсолютистских государствах, но и в феодально-аристократической Речи Посполитой принцип легитимизма признавался, если не единственным, то важнейшим аргументом при рассмотрении разного рода пограничных конфликтов, при объявлении войн и заключении мира. Этим принципом в одинаковой мере, хотя и по-разному руководствовались в те времена как сторонники государственного унитаризма, добивавшиеся усиления центральной власти, так и федералисты, доказывавшие, что необходимо учитывать также права местных феодальных владетелей. Сепаратистские тенденции тоже принимали, как правило, феодальную или феодально-династическую, а не этнонациональную окраску. Однако по мере исторического развития идейно-политические системы такого рода слабели и постепенно сдавали позиции концепциям буржуазно-просветительского характера.

Мировоззрение просветителей в странах восточноевропейского региона нельзя полностью отождествлять с идеологией западноевропейского Просвещения. Однако нет сомнения в том, что объединяющей их чертой являлась антифеодальная направленность, борьба против различных проявлений феодального гнета, стремление добиться для всего общества так называемых буржуазных свобод. Анализируя позицию западноевропейских просветителей, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» отмечал: «...Наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно

это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества» [9, т. 20, с. 17]. В работе «От какого наследства мы отказываемся», написанной в 1897 г., В. И. Ленин, сравнивая западноевропейских просветителей XVIII столетия с русскими просветителями XIX в., писал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» [11, т. 2, с. 520—521].

Известная польская конституция 3 мая 1791 г. в идейно-политическом смысле была детищем Просвещения. Такие видные польские просветители как С. Сташиц, Г. Коллонтай, Ф. Езерский являлись идеологами прогрессивного шляхетско-буржуазного блока конца 80-х — начала 90-х годов XVIII в. и принимали непосредственное участие в работе Четырехлетнего сейма. Сопоставляя структуру общества, которая представлялась им идеальной, с окружающей их действительностью, они отмечали, что понятие «нация» фактически идентифицируется в Польше с шляхетским сословием, и выражали свое несогласие с этим. Так, Ф. Езерский писал: «Если нация не имеет общих законов для всех жителей своей страны, если в нации имеется только одно сословие, обладающее исключительными привилегиями, которые возвышают его над другими людьми, в таком случае нация не может быть устойчивой, ибо люди, лишенные привилегий, ... будут относиться равнодушно к участи нации и чести ее имени. Выражаясь яснее, ... горожанин и крестьянин в Польше не в состоянии понять, что вредно и губительно для нации, ибо существование этой нации не делает их действительными гражданами польской страны» [12, с. 489].

Развитие общественной мысли в каждой из славянских стран отражало местную специфику, но имело и черты, общие с процессами, которые происходили в других странах. Деятели Просвещения из австрийских славян, лояльно относившиеся к габсбургской монархии, многое восприняли из германского, австронемецкого и венгерского Просвещения XVII в. Они мечтали о свободном развитии национальной культуры и языка, рассчитывали на содействие в этом со стороны «просвещенного монарха». На таких позициях стояли, в частности, Й. Добровский у чехов в конце XVIII в., Е. Копитар у словенцев (в начале XIX в.)³, Д. Обрадович у сербов до сербских восстаний в начале XIX в. По мнению Е. Копитара, Австрия ввиду наличия многочисленного славянского населения должна была бы изменить свой облик как немецкой державы и превратиться в центр притяжения славянства. По сравнению с поляками австрийские славяне гораздо сдержаннее формулировали политические задачи, но сходным было стремление у тех и других обосновывать свои позиции ссылкой на национальные интересы, на необходимость повышения культурного уровня народа. В целом ранние идейно-политические концепции славянских просветителей не отличались четкостью сословно-классовых позиций, но по мере их развития социальное содержание проявлялось в них все более отчетливо.

Консервативные течения, близкие друг к другу по своим классовым истокам, в конкретной действительности давали целую гамму идейно-политических концепций. Определяющую роль в конечном счете играли социальные факторы, но действовали они в сложном переплетении с факторами национальными, влияние которых на первый взгляд казалось даже

³ О Добровском см. [3, с. 168], о Копитаре — [13, с. 48].

более значительным. Едва ли не нагляднее всего это прослеживается на примере польской общественной мысли.

В каждой из трех частей разделенной Польши подавляющее большинство дворянского (шляхетского) сословия многие десятилетия занимало в социальных вопросах открыто консервативные позиции, придерживаясь идейно-политических концепций, исходивших из незыблемости основ феодального строя, а после его ликвидации отстаивавших сохранение существенных пережитков крепостничества. В национальном вопросе консерваторы отчетливо делились на две группы, одна из которых шла на сотрудничество с властями разделивших польские земли держав, тогда как вторая готова была участвовать в политической борьбе и в вооруженных восстаниях против иноземного гнета. В обе эти группы входили представители крупного, среднего и мелкого дворянства, однако в первой группе относительно большее влияние имели представители аристократических семей, а во второй — выходцы из бедной и неимущей шляхты. Характерно, что даже члены конспиративных организаций, готовивших польское восстание 1830—1831 гг., были убеждены, что повстанцы не могут одержать победу, если их не возглавят люди с «историческими фамилиями», т. е. исходили из отождествления нации с дворянским сословием. Что касается существа идейно-политической программы консерватизма, то первая из названных групп долго еще ориентировалась на «религию, барщину и традиции», тогда как вторая постепенно осознала необходимость создания полусословного, полубуржуазного общества.

На консервативное направление общественной мысли в других славянских странах новые, буржуазные веяния также оказывали лишь незначительное воздействие: в той или иной мере трансформировалась фразеология, но существо идейных доктрин оставалось прежним, унаследованным от эпохи феодализма. Социальной базой этих течений являлись дворянское сословие и высшее духовенство, заинтересованные в сохранении существующих порядков прослойки чиновничества и мещан. Там, где национальное движение ограничивалось мирными формами, консерваторы также делились на две основные группы: 1) коллаборационистскую по отношению к иноземному господству; 2) боровшуюся за сохранение родного языка, развитие национальной культуры и государственности.

Для хорватского народа, также имевшего национальное дворянство, характерна проявившаяся с конца XVIII в. заинтересованность консервативных кругов в сохранении провинциальной автономии («муниципальных прав») в рамках Венгерского королевства. К 30-м годам XIX в. этот сословный автономизм (с его локальной ограниченностью и приверженностью латыни как официальному языку) постепенно перерастает в хорватскую национальную идеологию консервативно-реформистского содержания. Наиболее значительным представителем этого течения стал обедневший граф Янко Драшкович [14, с. 63—64 и др.]. В 1830-х годах он выступал с программой просвещения народа, борьбы за повышение производительности крестьянского и помещичьего хозяйства, развития торговли и промышленности, привлечение на сторону дворянства лучших умов из других сословий, ставя при этом в качестве примера умеренно-реформистскую деятельность английской аристократии. Драшкович понимал, что для помещиков наступают «трудные времена» и пытался укрепить позиции сторонников сохранения феодального строя. Боясь изоляции господствующего класса от народа, он — «по примеру венгров» — выдвинул довольно широкую национальную программу: создание сильного южнославянского государства в пределах габсбургской монархии, возведение национального языка в ранг официального.

Появление консервативно-реформистского течения было естественным и неизбежным в условиях глубокого кризиса феодального строя. Необходимость определенных социальных реформ, которые, однако, не затрагивали бы основ существующего строя, признавалась в это время и польскими дворянско-консервативными кругами. В понимании целей и методов борьбы за национальную государственность консерваторы-реформисты во многом сближались с либералами.

У народов, не имевших собственного класса феодалов, консервативные течения были представлены землевладельческой и частично торгово-ростовщической буржуазией (чехи, словенцы), а также выходцами из различных слоев духовенства. Наиболее известным деятелем данного типа в Словении являлся Я. Блейвейс. У сербов в Австрийской империи крупным феодальным землевладельцем была православная церковь. Будучи непримиримой к османскому господству на Балканах, сербская церковь в Австрии в конце XVIII в. возлагала надежды на национальное освобождение с помощью австрийской и русской монархий. Идеологом этого направления был митрополит С. Стратимирович. В дальнейшем взгляды сербских консервативных кругов в Австрии на национальную проблему модифицировались под сильным воздействием возродившегося сербского государства.

Буржуазно-дворянский либерализм активизировался у южных и западных славян в 30—40-х годах, в условиях дальнейшего обострения кризиса феодального строя. Это направление представляло интересы торговой буржуазии и той части национального дворянства в Польше и Хорватии, которая оказалась втянутой в сферу развития капитализма. В 40-х годах либералы все более настойчиво проповедовали необходимость крестьянской реформы (выкупа феодальных повинностей) и введения конституционного строя. Национально-политическую (территориальную) программу они переняли у консервативно-реформистского течения (Польша в границах 1772 г., «Большая», или «Великая» Хорватия), сохранив его государственно-правовую аргументацию. Но при этом они последовательно формулировали новое, буржуазное понятие нации как внесословной общности. На хорватов несомненно повлияли события в Польше в 1830—1831 гг. и идеи венгерского либерализма. Но конкретная национальная программа хорватских дворянско-буржуазных либералов, в отличие от венгерской, предусматривала сохранение Австрийской империи.

Таким образом, идея государственного исторического права была принята во оружие в основном лидерами тех национальных движений, в которых участвовало национальное дворянство и которые так или иначе опирались на традицию феодальной национальной государственности. Исключение составляли чешские буржуазные либералы во главе с выдающимся чешским историком Ф. Палацким, возрождавшие политическую традицию «короны св. Вацлава» при ограниченной поддержке «земского» немецкоязычного дворянства.

Вообще, народы с полной социальной структурой феодального общества — при прочих сходных условиях — прошли все ступени идейного развития в более быстром темпе, чем остальные. В этом нет существенных различий между поляками и венграми. Причина более интенсивного идейного движения заключалась, по-видимому, в том, что не только в период кризиса феодализма, но и позднее интеллигенция, «поставлявшая» обществу идеи, была в значительной части дворянского происхождения. Дворянство же как сословие всегда состояло из разных в имущественном отношении слоев, а в указанные периоды быстро распадалось, частично деклассировалось. Кроме того, дворянство по традиции занималось политикой, располагало сословными политическими органами. Поляки (как и венгры) уже в XVIII в. выступали с политическими программами, тогда как большинство славянских национальных движений Центральной Европы достигли этой стадии только накануне или во время революции 1848—1849 гг. (словаки, словенцы, украинцы в Галиции). У хорватов роль слабого национального дворянства в идеологической сфере была ограниченной как по существу, так и во времени; кроме того, хорватское дворянство имелось лишь на части этнической территории.

В развитии общественной мысли народов Центральной Европы, имеющих неполную социальную структуру, лидировала Чехия, оказавшая заметное воздействие на другие народы. Это лидерство было связано с более интенсивным (по сравнению с другими славянскими областями габсбургской монархии) развитием в Чехии буржуазных отношений. Именно здесь с 30-х годов активизировался либерализм, а в 40-х годах сформиро-

валось радикально-демократическое (мелкобуржуазное) течение [3, гл. III; 15, с. 113—116].

Чешские либералы (Ф. Палацкий, К. Гавличек-Боровский и др.) первыми выдвинули программу реконструкции Австрийской империи на основе конституционности и федерализма. Идейной основой этой политической программы являлся австрославизм, сущность которого заключалась в том, что национальные проблемы славян Центральной Европы, а, по мнению многих либералов, также и Балкан, лучше всего могут быть разрешены в рамках Австрийской империи. В австрославизме различными консервативно-реформистское и либеральное течения. В целом он выражал интересы тех имущих слоев, которые были по экономическим, социальным и политическим причинам заинтересованы в сохранении державы Габсбургов, или, по меньшей мере, не видели иного пути развития Центральной Европы. Австрославистские идеи федерализации габсбургской монархии не могли не потерпеть неудачу в 1848—1849 гг., и часть хорватских и сербских либералов весной 1849 г. отказалась от них, попытавшись, правда безуспешно, договориться с венграми о совместной борьбе против габсбургской контрреволюции.

Польский дворянский либерализм вплоть до середины 60-х годов XIX в. оставался по преимуществу революционным в области национальной. В отличие от него либеральное течение в буржуазной среде, которая была менее заинтересована в борьбе за политическую независимость, не проявило себя столь радикально в решении национального вопроса (явление это наблюдалось и в Венгрии).

В национальных движениях довольно радикальные идеи выдвигались нередко теми консервативными и либеральными кругами, которые в сфере социальной были весьма далеки от радикализма. Заинтересованные в освобождении родины, они очень опасались массовой революционной борьбы или не верили в ее успех. Таким образом, под «национальным радикализмом» (в отличие от революционности) можно понимать отстаивание программ национальной независимости исключительно или главным образом путем поисков поддержки со стороны иностранных государств, т. е. стремление добиться национального освобождения в результате войн и вообще политики «верхов» (подобно тому, как действовали итальянские либералы и их лидер К.-Б. Кавур). В польских условиях национально-политический радикализм особенно проявился во время наполеоновских войн, у хорватов, а также у сербов Сербии и Воеводины — в 60-х годах (надежды буржуазии на помощь Франции или России). В османском регионе характерной в этом отношении была позиция значительной части болгарского общества, рассчитывавшей на помощь со стороны России⁴.

Здесь надо оговориться, что ввиду явной слабости движения и другим национальным деятелям подчас оставалось надеяться только на иностранную помощь, хотя — в отличие от консерваторов и либералов — они не опасались массового движения. Такой, в частности, была позиция Й.-В. Фрича в Чехии в 60-е годы или болгарских буржуазных революционеров и даже революционных демократов, которые после поражения народных восстаний 1875—1876 гг. ожидали выступления России.

Позицию либеральных кругов южных славян в отношении османского господства характеризует важная особенность. Часть болгарской буржуазной эмиграции в России и Румынии, а также сербские и хорватские либералы в Австрийской империи, позднее — в Австро-Венгрии, даже немышлявшие о революционной борьбе внутри названных государств, выступали за массовую вооруженную борьбу на Балканах против османского господства. При этом они рассчитывали на то, что: 1) европейские державы — «друзья» Турции — вынуждены будут признать результаты этой борьбы; 2) эта борьба может привести к русско-турецкой войне.

Особую сферу развития общественной мысли Болгарии составляло обоснование права болгарского народа на автокефальную церковь. Собст-

⁴ О понятии «национальный радикализм» см. [16, с. 34—50]. Относительно османского региона см., например, [17, с. 367; 5, с. 313—321].

венная церковная организация, независимая от греческой, должна была обеспечить условия развития национального просвещения и самосознания и фактическое признание османскими властями болгарской нации. Следовательно, эта форма движения, внешне религиозно-культурная, имела политическое содержание.

Уже в 40-е годы зарождается чешская мелкобуржуазная демократия (Э. Арнольд, К. Сабина и др.), впитавшая идеи французских и немецких демократов. Не выдвигая открыто программу республики, она низводила монархию до практически лишённого власти органа, отстаивала демократические свободы, парламентскую систему, всеобщее избирательное право. Чешские радикальные демократы ощущали себя представителями всего народа, в том числе крестьян и рабочих. Они первыми включили в свою программу задачу «улучшения» быта пролетариата в рамках буржуазного общества, очищенного от феодальных остатков. Лозунг «заботы» о рабочих мелкобуржуазная демократия стала поддерживать в обстановке подъёма классовой борьбы пролетариата. В области национальной радикальные демократы пришли к принципу равноправного союза народов, трактуя в этом духе и идею славянской общности. Однако, будучи противниками компромисса с Габсбургами, они даже в условиях революции вплоть до весны 1849 г. не могли полностью отделиться от либеральных австрославистов. Лишь наступление австрийской контрреволюции побудило их пересмотреть свое отношение к немецкому и венгерскому революционному движению. Большая доля вины за этот конфликт падала на либералов и демократов господствующих наций, игнорировавших национальные интересы славянских народов.

В других славянских странах буржуазная демократия не получила такого развития, как в Чехии. В сербской Воеводине (как и в Сербии) она существовала в 60 — начале 70-х годов в форме оmlадинского движения. В османском регионе в связи с крайне тяжелыми формами феодального гнета буржуазная демократия не имела четкого размежевания с революционной демократией.

В течение почти всего рассматриваемого периода кризиса феодализма в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе национально-освободительное движение занимало такое значительное место в общественно-политической жизни каждого угнетенного народа, что революционная национально-освободительная борьба временно сближала различные классы. Однако это не могло устранить и не устраняло классовой борьбы, которая развивалась внутри освободительного движения. Каждый общественный слой, борясь за идейную гегемонию в движении, выступал с собственными концепциями: революционно-демократическими или буржуазно-демократическими, либеральными и даже консервативными. При этом истинно революционный лагерь противостоял как соглашательскому (национально-либеральному), так и контрреволюционному. Примеры этого дают Польша (1863) и Венгрия (1848). Сходные явления имели место и на Балканах. Так, в сербском и болгарском освободительных движениях 70-х годов в революционный лагерь входила, наряду с революционной демократией, часть буржуазии. Между ними шла борьба за руководство движением. В то же время весь революционный лагерь противостоял проосманским реакционным элементам.

Случаи общенационального сплочения в борьбе против иноземного гнета наблюдались и в период капитализма, особенно на завершающем этапе перехода от феодализма к капитализму (в Австрийской империи — 1850—1867 гг.). Но для периода кризиса феодализма они были типичными, составляли его характерную черту (до 1850 г. в Австрии, до 1864 г. в России, до 1878 г. в балканских владениях Турции).

Типологически это сближало революционные и радикальные освободительные движения в славянских странах с тем, что происходило в Италии. Отсюда — большое влияние на них гарибальдистской идеологии «общенационального» сплочения, попытки подражать примеру борцов за объединение Италии, в частности действиям «Тысячи», вызвавшим выступление Пьемонта. Сербь, например, надеялись, что выступления вооружен-

ных отрядов в областях, находившихся под османской властью, повлекут за собой включение в борьбу Сербии, Черногории, обеспечат поддержку со стороны России. Болгарские революционеры 60-х годов развивали аналогичные идеи (Г. С. Раковский); в 70-х годах они прямо рассчитывали на то, что народные восстания вызовут русско-турецкую войну [18, с. 120—139].

Несмотря на сходные черты развития освободительных идей в центральноевропейском и османском регионах, между ними были и существенные различия. В османском регионе почти все неполноправные народы не имели своего класса феодалов. Отсутствие перспектив буржуазной трансформации общества обусловило здесь национальный радикализм, а частично и революционность не только народной массы, но и некоторых слоев буржуазии. Общественная мысль в Сербии и Черногории в XIX в. развивалась в условиях полунезависимого и фактически независимого государств, острого ощущения у массы народа нерешенности национального вопроса и понимания неразрывной связи этого вопроса с судьбой Османской империи вообще. Поэтому по тенденциям развития общественной мысли Сербию и Черногорию до 1878 г. в некоторой мере можно сблизить с османским регионом [3, с. 196—206]. Безоговорочно же к нему относились остальные южнославянские районы Балкан, прежде всего Болгария.

Революционно-демократическая идеология ранее всего достигла зрелости в России и Польше. Она вобрала в себя прогрессивные черты дворянской (шляхетской) революционности и складывалась параллельно с буржуазно-демократическими течениями, соприкасаясь первое время с их левым крылом. Представляется, что качественно определяющим отличием революционно-демократических воззрений является органическое включение в них сначала социалистических идей, в утопической форме, а затем и отдельных элементов научного социализма. В своей идейно-политической программе русские и польские революционные демократы исходили из необходимости полной ликвидации феодально-крепостнических порядков и проведения отвечающих чаяниям трудящихся масс демократических социально-политических преобразований, представлявшихся им социалистическими, но фактически отражавших процесс буржуазного развития общества. Российские революционные демократы следовали теории «русского социализма», разработанной А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским. Революционные демократы Польши освоили и трансформировали с учетом польской специфики концепции западноевропейского, в основном французского, утопического социализма [19, с. 131—156, 159—172].

Феодальная, позднее — полуфеодальная эксплуатация на югославянских землях, регенерация кабальных отношений в Сербии после устранения османского господства, ростовщичество и иноземная торговая конкуренция и иные явления аналогичного характера доводили народные массы до нищеты, разоряли местных ремесленников и торговцев. Это обусловило у южных славян появление в 70-х годах революционно-демократического течения (например, В. Пелагич в Боснии, Х. Ботев в Болгарии, С. Маркович в Сербии и Воеводине) [6, с. 360—362].

Деятельность русских революционеров 60-х годов и польское восстание 1863—1864 гг. оказали значительное воздействие на революционную мысль остальных славян в 60—70-е годы. При этом необходимо отметить, что идеи А. И. Герцена (о России официальной и народной, о праве народов на свободное развитие и объединение, о сотрудничестве славянских и неславянских освободительных движений, а также идеализация общины) наибольший отклик встречали со стороны леволиберальных либерально-демократических кругов (Чехия, Словакия, Словения, Хорватия, Сербия). Что же касается революционеров-демократов зарубежных славянских народов, то в качестве примера для подражания и стимулятора дальнейшего самостоятельного развития послужили, прежде всего, произведения Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева [4, с. 323—329].

Южнославянской революционной демократии были присущи идеи классовой борьбы против «своих» (национальных) эксплуататоров, непримиримость к национальному угнетению, сильные интернационалистические тенденции, наконец, идеализация социалистических элементов своей программы⁵. Деятели данного направления проявляли живой интерес к международному рабочему движению, I Интернационалу, сочинениям К. Маркса. Крупнейшим событием, стимулировавшим формирование революционно-демократических воззрений в славянских странах, включая Россию, явилась Парижская коммуна. Все сказанное отличало революционную демократию 60—70-х годов от аналогичного течения в 40—50-е годы (Польша, Венгрия, Италия) и свидетельствовало о достижении ею нового, более высокого идейного уровня. Революционная демократия в лице ее наиболее последовательных идеологов стала предшественницей революционной социал-демократии в ряде славянских стран.

В общественной мысли славянских народов эпохи национального возрождения значительное место занимала идея славянской взаимности, получившая широкое звучание в первой четверти XIX в. Она была естественным продуктом развивающегося национального самосознания славянских народов. Особо интенсивной разработке идея славянской общности подвергалась на просветительском этапе развития общественной мысли, т. е. на этапе пробудившегося обостренного интереса к культуре и истории своего народа, кодификации национальных литературных языков и пр. Деятели национальной культуры и национального движения, особенно чехи и словаки, подчеркивали этнокультурное родство и даже единство славян, указывая, что собственное «племя» является лишь частью многочисленного «славянского народа» (или «рода»). В этом факте они черпали дополнительные аргументы, стимулирующие или подтверждающие их веру в будущее своего «племени», народа, языка. При этом наряду с наличием «племенных» национальных качеств указывалось на существование особых общеславянских качеств (словак Ян Коллар в 30-х годах XIX в.). Эти взгляды укладывались в систему умеренного просветительского мировоззрения, формально не выходявшего за пределы лояльности существующему строю [3, с. 185—187]. Практическим следствием идеи славянской общности в этих рамках была пропаганда славянской солидарности («взаимности») — прежде всего в форме сближения в сферах языка и культуры. Но постепенно тезис о славянской взаимности стал приобретать и определенные политические тенденции.

Представления о славянстве изменялись по мере формирования буржуазного общества и связанной с этим идейно-политической дифференциацией между носителями феодально-консервативной, буржуазно-либеральной и буржуазно-демократической идеологии. Либералы, выражавшие классовые интересы национальной буржуазии, указывали на то, что славянство состоит из различных наций, близких друг другу по языку и культуре (К. Гавличек в Чехии в 40-е годы). При этом в связи с выдвиганием политических программ (консервативно-реформистских, либеральных и т. д.) идеи славянской общности и солидарности стали получать те или иные, разные по классовому содержанию, политические интерпретации в соответствии с разными национальными интересами. В некоторых же случаях под воздействием политической обстановки идеологи национального движения вообще отказывались от них (например, правши в Хорватии в 60-х годах).

Представления об общеславянских качествах и интересах в ходе этого развития частично сохранялись или исчезали. Фактически даже при сохранении этих представлений (Л. Штур и его последователи в Словакии в 30-40-е годы) «славянская идея» все более сознательно ставилась на службу национальным интересам: так, штуровцы подчеркивали, что

⁵ Так, В. Пелагич отстаивал принцип — «земля тем, кто способен ее обработать сам» и вместе с тем неотчуждаемость и неделимость крестьянского участка, тогда как С. Маркович выступал за производственную кооперацию в деревне и городе и крупное хозяйство с применением новой техники. Х. Ботев в общей форме провозгласил свою приверженность идее «всемирной коммуны» [20, 21, 22, 23, с. 71—122].

«общее», т. е. славянство в целом, может расцвести лишь посредством «частного» (всестороннего развития каждого «племени» или народа). Таким образом, хотя высшей ценностью объявлялось славянство, «общеславянским интересом» фактически обосновывалась деятельность в национальных целях («мы — словаки и только потому мы — славяне») [24, с. 96—106]. Л. Каравелов в 60-х годах еще более определено, чем Л. Штур, указывал на то, что задачей национального движения является всесторонний подъем национального самосознания болгарского и других славянских народов, что лишь на этой основе возможно сотрудничество между ними, расцвет всего славянства [25, с. 280].

Нередко ко всему тому, что связано с идеей славянской взаимности до сих пор применяется термин «панславизм», который сложился в западноевропейской буржуазной публицистике 40-х годов прошлого века как антипод «пангерманизму» и сразу же приобрел односторонне негативную окраску. Между тем идея славянской взаимности была составной частью мировоззрения и программы не только реакционных или консервативных сил, но и их прямых идейно-политических противников: в России, например, декабристов, революционных демократов и народников. Объективная, исторически конкретная оценка политических интерпретаций идеи славянской взаимности необходима не только при изучении общественной мысли славян и идеологических процессов, но и историографии славяноведения, ибо эти интерпретации оказывали существенное воздействие и на ход исторического процесса и на его истолкование.

Например, либеральный австрославизм являлся доктриной политического, экономического и культурного сотрудничества славян габсбургской монархии, опиравшейся на представление об общности их интересов, при этом тезис о наличии «общеславянских качеств» мог выдвигаться или отбрасываться. Австрославизм не препятствовал развитию культурного сотрудничества со славянскими нациями вне Австрии, а в некоторых случаях сочетался с надеждами и на политическое сотрудничество с ними. Что касается реакционного панславизма, то он исходил из представления о нежизнеспособности отдельных славянских наций, отстаивал тезис о едином народе, едином государстве и даже единой вере.

Либерально-демократические, революционные и в особенности революционно-демократические течения, прежде всего в России и Польше, а затем в Чехии, Сербии, Болгарии и других славянских землях, выдвигали идеи сотрудничества славянских и неславянских народов, свободного союза, веротерпимости и т. д., противопоставляя их проповеди «превосходства» православия над католицизмом (или наоборот), славянства над «Европой» [26, с. 100—108]. В центре таких программ находилась идея федеративной или конфедеративной республики.

Прогрессивным и непреходящим в идеях родства славянских наций являлось сотрудничество в освободительном движении (в том числе и против славянской реакции), взаимообогащение славянских культур, ни в коей мере не противопоставляемое общечеловеческим культурным ценностям. В этом плане особое значение для всех славянских народов в XIX в. приобрело усвоение достижений русской культуры, в особенности литературы и революционно-демократической публицистики. Здесь же надо подчеркнуть, что Н. Г. Чернышевский, получивший, кстати сказать, славистическое образование, отмечая глубокий интерес русских демократов к славянам, был чужд даже малейшему противопоставлению их другим народам.

Революционная демократия истолковывала идею славянской взаимности в духе интернационализма, пыталась использовать ее в социалистической пропаганде. Один из самых ярких и пока слабо изученных примеров такого истолкования славянской взаимности мы находим у известного теоретика русского народничества Петра Лаврова. В своей лекции «Роль славян в истории мысли», прочитанной в Цюрихе в 1872 г. перед большой группой политических эмигрантов из всех славянских стран, он, во-первых, доказывал, что богомилство болгар, чешский гуизм и арианская ересь поляков послужили вехами на пути человечества

к выработке социалистического идеала, во-вторых, выразил убежденность что именно славяне, прежде всего русские, внесут решающий вклад в окончательное формулирование и осуществление этого идеала. П. Лавров, хотя и провозглашал себя сторонником экономической теории К. Маркса, фактически оставался последователем народнического «русского социализма» со всеми его противоречиями и утопической верой в преобразующую силу крестьянской общины. В рассуждениях П. Лаврова немало наивного, но их демократизм и горячее стремление использовать славянскую взаимность в интересах прогресса вполне очевидны. Эти рассуждения весьма убедительно подтверждают известную мысль Ф. Энгельса о том, что наряду с реакционным панславизмом (восхвалявшим царское самодержавие в России), существовал и «панславизм демократический».

Со всей определенностью надо констатировать, что консервативно-реформистская, либеральная и буржуазно-демократическая мысль выдвигала и различные доктрины сугубо националистического характера. Таковы у хорватов и сербов «великохорватские» и «великосербские» теории и соответствующие им планы создания государств, связанные с процессом формирования двух наций на территории, где совместно проживало католическое и православное единопольное население. Югославистские идеи, исходившие из необходимости межнационального компромисса, также не были свободны от национализма. Великодержавные идеи содержала также национальная программа польских консервативных и либеральных кругов. Только революционная демократия (польская, сербская, болгарская) пришла к интернационалистской постановке национальных проблем, включая проблему взаимоотношений между славянскими народами.

Таким образом, «национальные идеи», созданные славянской общественной мыслью XIX в., в большинстве своем имели исторически прогрессивную направленность, ибо были, как правило, антифеодальными и антимонархическими. Исключение составляла дворянская консервативная идеология, но и то не во всех случаях. Польское восстание 1830—1831 гг. основоположники марксизма не случайно называли «консервативной революцией». Ведь повстанческое руководство, во-первых, было непримиримо по отношению к иноземному господству, а, во-вторых, включало в свой состав деятелей типа Й. Лелевеля, который, по словам Ф. Энгельса, «в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал ... путей для превращения национальной борьбы в борьбу за свободу; ... стремился отождествить интересы всех народов с интересами польского народа» [9, т. 4, с. 492].

У народов с полной социальной структурой феодального общества конец дворянской гегемонии в национальном движении в основном совпал со сменой формаций в Центральной и Восточной Европе, т. е. с промежуток времени между 1848 и 1864 гг. При этом следует иметь в виду, что ликвидация феодального строя здесь осуществлялась путем «реформ сверху», в результате поражения буржуазно-демократической революции (Австрия), либо после неудачи массовых выступлений: национальных (Королевство Польское) или крестьянских (Россия в целом). Поэтому переход к капитализму занял целый период (в Австрии, как указывалось, это были 50—60-е годы). В дальнейшем по мере «обуржуазивания» землевладельческого дворянства оно во все большей степени занимало место на правом фланге формирующегося класса капиталистов, соответственно, и в сфере общественной мысли. Однако этот процесс «обуржуазивания» полностью не мог завершиться до 1917—1918 гг. ни в Польше (Галиция, Королевство Польское), ни в Хорватии и Славонии. Класс помещиков в Польше и Венгрии, потеряв прежнюю революционность в сфере национальной, в большинстве своем оставался приверженцем клерикально-консервативных идей, главным противником демократии.

В османском регионе смена формаций означала вместе с тем и ликвидацию османского господства, т. е. серьезнейший поворот в историческом развитии народов. Но если в Болгарии это означало конец феодализма, то в Боснии под австрийской оккупацией значительные устои

османского феодализма сохранились, хотя страна вошла в состав капиталистического (буржуазно-помещичьего) государства. Соответственно и идейная борьба в Сербии, существовавшей как государство уже с начала XIX в., и Болгарии после 1878 г., имела иной характер в сравнении с Боснией.

Сказанное не исчерпывает проблемы, но позволяет сделать некоторые выводы обобщающего характера.

Балканские славянские страны в момент освобождения от османского ига отличал низкий уровень производительных сил и буржуазных отношений, особенно низкий в Сербии — стране, освободившейся намного раньше других. Поэтому здесь имел место специфический процесс регенерации полуфеодальных отношений в аграрной экономике (кабальная аренда и пр.), длительное время сохранялись наиболее консервативные формы буржуазной эксплуатации (ростовщичество). Все это сказалось и на общественной мысли. Медленное складывание капиталистической структуры общества привело к постепенной смене консервативной идеологии правящих слоев сербского общества умеренным либерализмом (50-е годы), появлению буржуазной демократии и радикализма (60-е годы), революционной демократии и утопического социализма (конец 60-х — начало 70-х годов), острой борьбе консерватизма и разных либеральных и демократических течений в конце века; наконец, к распространению научного социализма. Заслуживает внимания то обстоятельство, что общественная мысль Болгарии прошла ряд этапов того же пути в условиях османского гнета до 1878 г.

Как это отмечалось в отношении народов Центральной и Восточной Европы, национальный гнет и в областях под османской властью обусловил сложное переплетение социальных и национальных идей. Жестокие формы османского режима вызвали революционные настроения и у части болгарской и сербской буржуазии. В Сербии, где после создания государства формирующаяся национальная торгово-ростовщическая и землевладельческая буржуазия являлась господствующим классом, концепции решения национального вопроса определялись содержанием и исходом социальных противоречий между различными слоями общества. Вплоть до 70-х годов правящий консервативный бюрократический слой (землевладельческо-ростовщическая верхушка) стремился решить проблему освобождения сербских областей путем войн и международных союзов (хотя и не отказывался от организации подпольных групп в областях под османской властью). Либерально-демократические круги (Омладина) наряду с этим выдвигали на первый план задачу подготовки массовых антитурецких восстаний. Революционная демократия выдвинула программу народной революции против иноземных угнетателей — Турции и Австро-Венгрии, ликвидации монархических режимов в Сербии и Черногории, создания объединенного южнославянского государства на основе свободного соглашения народов.

Смена феодальной формации капиталистической явилась первым крупнейшим рубежом в развитии общественной мысли славянских народов. Второй весьма важный рубеж наступил в результате социальных сдвигов и нового обострения классовой борьбы в России, Австро-Венгрии и на Балканах к концу XIX в. Массовое разорение крестьянства в условиях капитализма и переживания полуфеодальных отношений, подъем революционно-демократической борьбы сельской бедноты в аграрных районах, повсеместное вступление на политическую арену рабочего класса — все это привело буржуазную общественную мысль в славянских странах к кризису.

На первом из названных этапов у неполноправных в национальном отношении народов буржуазные идеологи концентрировали почти все внимание на национальной проблеме, за которой фактически стоял прежде всего классовый интерес буржуазии. На втором этапе, в условиях острой классовой борьбы, буржуазии пришлось перестраиваться. В Чехии, как наиболее развитой из славянских стран, кризис буржуазной либеральной идеологии, игнорировавшей социальные интересы масс, проя-

вился особенно сильно. Стараясь сохранить влияние на массы, буржуазия развернула борьбу против идей научного социализма и пролетарского интернационализма, к которым тянулись не только массы рабочих, но и сельская беднота. При этом она опиралась, с одной стороны, на леволиберальные реформистские идеи Т. Масарика («реализм», теория «малых дел»), с другой, на клерикальные воззрения с характерными для них реакционными тенденциями христианского социализма и шовинизма. Клерикализм и христианский социализм, формировавшиеся в конце XIX в., свидетельствовали не только об идейной мобилизации «экспедальных» кругов общества, но и о становлении нового консерватизма — буржуазного, буржуазно-реформистского, стремившегося создать прочную опору для капиталистического строя в зажиточных и средних слоях крестьянства. Но поставить непреодолимые заслоны на пути прогрессивного развития народов было невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
2. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
3. Освободительные движения народов Австрийской империи. Зарождение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980.
4. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
5. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
6. Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
7. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.
8. *Никольский С. В.* Развитие художественного мышления в славянских литературах эпохи национального возрождения. — «Slavia», 1979, № 2—3.
9. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е.
10. *Дьяков В. А.* Об эпохе «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — Советское славяноведение, 1974, № 6, с. 31—44.
11. *Ленин В. И.* Полн. соб. соч.
12. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. I. М., 1956.
13. *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
14. *Лещилова И. И.* Иллиризм. М., 1968.
15. *Мыльников А. С.* Культура чешского Возрождения. М., 1982.
16. *Фрейдзон В. И.* Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. (Типологическая характеристика). — Советское славяноведение, 1975, № 2.
17. *Конобеев В. Д.* Българското националноосвободително движение. София, 1972.
18. *Фрейдзон В. И.* Революционная демократия и буржуазная революционность в национально-освободительных движениях южных славян в конце 60—70-х годах XIX в. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978.
19. *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России. 1825—1861 гг. М., 1979.
20. *Христо Ботев.* Публицистика М., 1952.
21. *Карасев В. Г.* Революционно-демократическая программа Светозара Марковича. — Уч. зап. Ин-та славяноведения. Т. 6. М., 1952.
22. *Поплыко Д. Ф.* О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму — В кн.: Проблемы истории и культуры. М., 1976.
23. *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983.
24. *Матула В.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. — В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.
25. *Воробьев Л. В.* Любен Каравелов. М., 1980.
26. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917 г. М., 1976.

МИЛЛЕР А. И.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ «СТАНЬЧИКОВ»

(Полемика Ю. Шуйского с П. Попелем в 1864—1867 гг.)

Польские историки давно уже пытаются выработать сбалансированную оценку той значительной роли, которую сыграли западногалицийские консерваторы в политической жизни польского общества, в развитии его идеологии [1, с. 305]. При решении этой задачи исследователи нередко обращаются к трудам как одного из лидеров «старого» поколения краковских консерваторов Павла Попеля, так и ведущего идеолога «станьчиков»¹ Юзефа Шуйского, относящимся к 1864—1867 гг., т. е. к периоду непосредственно после восстания 1863—1864 гг., когда Попель и Шуйский были наиболее активны, каждый в своей группе, в публицистической деятельности. Обстоятельства и ход их взаимной полемики до сих пор не изучались подробно, и работы Шуйского и Попеля нередко рассматривались историками в отрыве от их полемического контекста, что обедняло исследовательские выводы. Предлагаемая статья имеет целью восполнить указанный пробел, а также проследить на материалах спора представителей двух поколений консерваторов очень важный для истории «станьчиков» в целом процесс становления Шуйского как идеолога консерваторов.

Середина 60-х годов прошлого века была временем перелома в развитии польской политической жизни и идеологии. Болезненный опыт восстания 1863—1864 гг. вызвал широкую волну «расчетов с прошлым», ставших одновременно попытками создания новых программ или приспособления прежних к новым политическим условиям. В общественную жизнь решительно входило молодое поколение, созреванию которого способствовало восстание. Возникали новые политические объединения.

В Кракове группа политиков (Ст. Тарновский, Ст. Козьян, Л. Водзицкий и Ю. Шуйский) объединилась вокруг выходившего с 1866 г. журнала «Przegląd Polski». В широком смысле направление «Przegląd'a Polskiego» развивалось в русле краковского консерватизма — идеологии западногалицийской помещицкой, а со временем помещицко-буржуазной верхушки — который к 60-м годам XIX в. имел уже богатые традиции. Вместе с тем, как признавалось в самом консервативном лагере, «станьчики» были течением, обособленным в организационном и идейно-политическом плане, что вызывало столкновения с консерваторами старшего поколения. Этот факт и нашел отражение в полемике Шуйского и Попеля.

Практически для каждого поляка восстание 1863 г. явилось глубоким личным переживанием, что определило и сильную эмоциональную окрас-

¹ Название «станьчики» появилось в 1869 г. после опубликования издателями «Przegląd'a Polskiego» их совместного сочинения — памфлета «Портфель Станьчика» (Станьчик — имя одного из королевских шутов в конце XV — начале XVI вв.).

ку оценок, и, в немалой мере, суть высказываний Шуйского и Попеля Шуйский воспринял восстание с энтузиазмом и участвовал в нем до конца. В период борьбы он редактировал нелегальную газету «Narząd» был участником краковской Лавы — организации, призванной содействовать движению, выезжал в лагерь диктатора восстания М. Лянговича. Попель, напротив, не скрывал своего критического отношения к восстанию; позиция его была такова, что ходили слухи о вынесении ему повстанческим правительством смертного приговора. Его неприязнь к восстанию была обусловлена не только политическими взглядами, но и личными чувствами отца, вынужденного отпустить своих сыновей для участия в неодобряемой им борьбе. Различие эмоционального восприятия восстания и степени связанности с ним придется часто вспоминать при анализе программных работ Шуйского и Попеля за 1864—1867 гг.

В первой из них, «Несколько слов по поводу воззвания кн. Адама Сапеги», написанной Попелем еще в сентябре 1863 г., но опубликованной лишь в 1864 [2, с. 164], содержалась оценка восстания в целом, возлагалась та или иная мера ответственности за него на отдельные слои и течения и лишь в общих чертах намечалась программа будущей деятельности. Следующее выступление Попеля «Письмо к князю Ежи Любомирскому» относится уже к октябрю 1865 г.; развивая тезисы предыдущей брошюры, Попель формулировал программу «органического труда» и определял силы, призванные руководить ее реализацией.

До появления этой работы Шуйский лишь однажды, в сентябре 1865 г., выступил в печати по политическим вопросам. В статье «Старые книги и прежние люди» явственно проявилась некоторая растерянность Шуйского, его нерешительность и отсутствие четкой политической программы. Он не касается конкретных вопросов, не полемизирует с Попелем, хотя в брошюре последнего о воззвании А. Сапеги многое его не устраивало [3, с. 229]. Шуйский рассуждал об исторических истоках политической слабости Речи Посполитой и ее падения, по преимуществу общо определял перспективные задачи и не затрагивал главной темы — оценки восстания.

Лишь публикация Попелем открытого письма к Е. Любомирскому заставила Шуйского в ноябре 1865 г. выступить с решительными политическими заявлениями, в высшей степени критическими по отношению к Попелю и его тезисам. Это были напечатанные в газете «Naslo» (№ 83, 84, 85) анонимная и без конкретного указания адресата критика статья «Размышления в час одиночества» и статья «О брошюре г. Павла Попеля», где Шуйский, уже не скрывая своего имени, полемизировал с утверждениями Попеля по поводу ответственности различных общественных групп за национальную катастрофу 1863 г. и его концепцией иерархии политических сил в Польше. Эти работы открывают период непосредственной полемики двух публицистов, которая касалась и их личных отношений. В написанной в феврале 1866 г. статье «Несколько слов по поводу статьи г. Юзефа Шуйского, помещенной в номере газеты «Naslo» от 8 октября», Попель, не отрицая наличия политических разногласий, призвал Шуйского к достижению договоренности. Этой цели служило, видимо, и не дошедшее до нас личное письмо, которым Попель сопроводил посланную оппоненту статью. Также в личном письме Шуйский охотно откликнулся на это обращение: не отказываясь от своих взглядов, он уже не столько спорил, сколько выяснял причины расхождений и искал путь к соглашению. Весной 1867 г. появились две статьи Шуйского — «Несколько истин из нашей истории. К размышлениям в наши дни» и «Два ответа», где автор спорил с критиками первой из названных статей. Эти работы, посвященные все тем же темам, можно уже рассматривать как рубеж, завершивший в основном период становления Шуйского как идеолога консерваторов, ведущего публициста «Przegląd'a Polskiego». Редакция журнала открыто признала статью «Несколько истин...» своей программой.

Такова была внешняя сторона споров представителей двух поколений краковских консерваторов. Что касается их существа, то различия проявлялись уже в трактовке вопросов, с которых в рассматриваемый период

начиналась разработка всех политических концепций: в оценке восстания, его причин, итогов, роли в нем различных течений.

Попелю восстание уже осенью 1863 г. представлялось авантюрой, не имевшей шансов на успех, и более того, инспирированной извне и преследовавшей чуждые истинным патриотам цели. Будучи крупным землевладельцем, Попель очень остро ощущал социальный характер восстания, считал, что он доминирует над национальным. «Под белым плащом... польского дела, чистого перед богом и людьми, ... скрывается красное чудовище», — такой образ завершал статью Попеля [4, s. 229]. Близкий ему по взглядам и участию в восстании 1830—1831 гг. кн. Д. Сапега писал о том времени: «Мы оказались между двух врагов, из которых внутренний был страшнее внешнего» [5, с. 112]. В похожем положении Попель ощущал себя и в 1863 г.: «Обязанность гражданина в том, чтобы спасти остатки общественного порядка, на которые с разных сторон, но одинаковыми средствами нападает враг и национальное правительство» [4, s. 220] (название подпольного правительства Попель подчеркнуто писал с маленькой буквы).² Позицию Попеля позволяет уточнить следующее высказывание: «Указы от 2 марта ² были последствием постановления комитета от 22 января, безвозмездно отменившего чинш. ... Оба эти закона вышли из одной школы, у обоих одна цель — уничтожение крупной собственности» [4, s. 226].

Пружиной восстания и источником всех отрицательных сторон национально-освободительного движения Попель считал конспирацию, причем рассматривал ее как зло не только применительно к текущему моменту: «Бесконечно более важным, — писал он, — является осуждение раз и навсегда всех заговоров с точки зрения гражданского достоинства и высшей политики» [4, s. 227]. Нелегальное движение, по мнению Попеля, лишь растрчивает материальные и духовные силы общества, уменьшая при этом его потенциальные возможности отвлечением от «органического труда» энергичных и способных людей. Попель считал, что «заговоры, уже потому только, что они тайные, не находятся в руках подлинных людей политики, ... они заражают гнилью, искажают мораль, уничтожают иерархию» [4, s. 227]. Под уничтожением иерархии и подрывом морали подразумевались демократические, социально-революционные тенденции, в глазах Попеля имманентно присущие конспирации.

Этот тезис определял уже не тактику в условиях осени 1863 г., а последовательную политику консерваторов краковской группы в отношении нелегальных методов борьбы. Он не был принципиально новым. Еще в 1849 г., также после неудачного восстания, А. Потоцкий как условие сотрудничества с аристократическими кругами эмиграции в Париже ставил переход их с позиции признания конспирации как метода борьбы «на позицию существующей в легальных условиях, подлинной Польши» [6, s. 13]. Эффективно бороться с угрозой, исходившей от конспирации, можно было лишь превентивно. В этом убеждал Попеля пример «белых», включившихся в движение в 1863 г. с целью вырвать его из под контроля радикалов. Однако тайная организация, с ее специфическими механизмами, дисциплинарными нормами не поддавалась полному контролю, и потому Попель не уставал писать о «страшной болезни конспирации..., которая без остатка уничтожает жизненные силы нашего общества» [4, s. 220], «вгрызлась в тело общества до мозга костей и, как безжалостный рак, обращает его в гниль» [4, s. 222].

То, что нелегальное движение существовало под лозунгами национального освобождения, не оправдывало его в глазах Попеля, а делало еще более опасным. Лидерам конспирации он отказывал в искренности национально-освободительных стремлений, определяя их позицию как «сознательный фанатизм», цели их как «чуждые» [4, s. 221], а их самих как орудие «чуждой политики, в 1830 г. — французской, в 1863 — итальянской» [4, s. 227]. Попель утверждал, что национально-освободительные

² Попель имел в виду указы царского правительства от 2 марта 1864 г., представлявшие крестьянам в собственность их наделы и имевшие целью возможно больше ослабить позиции шляхты и ее влияние на крестьянство.

лозунги становились средством привлечения патриотически настроенных людей, «освящали преступления величием цели, ради которой они совершались». «Скудоумные сыновья провели опыт на теле собственной матери», — таков моральный вердикт Попеля [4, s. 222].

Возлагая ответственность преимущественно на инициаторов восстания, Попель считал, что никто не свободен от вины в этих событиях. Те, кто присоединился к восстанию под влиянием ложного понимания патриотического долга либо стремясь «предотвратить зло», были по его мнению, виновны в политической ошибке, сыгравшей на руку радикалам. Если же участие в восстании продолжалось после того, как стал ясен «истинный характер» движения, ошибка в глазах Попеля перерастала в преступление. В «Письме к князю Ежи Любомирскому» Попель призвал к остракизму в отношении людей, которые «предводительствовали или потакали движению», оговорившись, однако, что делает различие между теми, кто «продал совесть революционной партии» и «людьми доброй воли, кто считал, что на национальной почве сумеет вырвать руководство» (восстанием. — *А. М.*) [4, s. 236]. Последние, по его мнению, еще могли поправить «причиненное ими зло» и встать на верный путь. Но лидерство на этом пути Попель предназначал тем, кто, как и он сам, осудил восстание и виновен был лишь в том, что не сумел довести свое мнение до сознания заблуждавшихся.

Рисуя картину восстания, Попель принципиально не использовал светлых красок, у него нет рассуждений об отваге и самопожертвовании повстанцев, для него в восстании нет героев. «Патриотический угар» потому так легко захлестнул общество, считал он, что «каждое поколение в Польше привыкло ждать восстания» [4; s. 220], было воспитано на повстанческой традиции. Именно поэтому Попель не желал вносить свою лепту в развитие повстанческого культа; не приняв романтизм в 20-е годы, он тем решительнее выступал против романтической повстанческой традиции в 60-е годы.

Если Попель принадлежал к кругу крупных землевладельцев, то Шуйский происходил из средней шляхты, отделенной от аристократической верхушки негласной, но ясно ощутимой границей. Для Шуйского, при его несомненном честолюбии, это превращалось в серьезную проблему, усугубленную тем, что род свой он выводил от Рюриковичей, о чем, как отметил его родственник Л. Дембицкий, Шуйский никогда не забывал [7, s. 39]. В гимназии и в студенческие годы он был дружен со Ст. Тарновским, знаком со Ст. Козьмяном и Л. Водзицким — отпрысками аристократических фамилий, его привлекал этот круг. Но вне университета контакты собой прекратились, а авторитетный консервативный «Час» не проявил заинтересованности в сотрудничестве молодого литератора. Шуйский оказался среди демократически настроенной литературной молодежи, группировавшейся вокруг «*Dziennik'a Literackiego*», однако он не сумел ни психологически, ни в идейном отношении ощутить вполне свою общность с этой средой [8, s. 42—50]. Взгляды, характер Шуйского не давали угаснуть его честолюбивым стремлениям войти как равному в высшие слои общества, обладавшие не только богатством и политическим влиянием, но и интеллектуальными ценностями. До восстания 1863 г. он не встречал на этом пути особого радушия, поэтому у него постепенно накапливалось раздражение, вырабатывалась болезненная реакция на любые признаки аристократической элитарности.

Такое раздражение явно проявилось в тоне статьи «О брошюре г. Павла Попеля», которого Шуйский называл чудовищем реакции и «фальшивым пророком» [3, s. 236], и в скорее вызывающем, чем искреннем заявлении о своей принадлежности к «революционизированному среднему сословию» [3, s. 229]. В статье Попеля Шуйский увидел стремление поставить галицийскую политику под контроль узкого круга «старых» консерваторов. Призыв к остракизму в отношении участников восстания представлялся Шуйскому недалеким и, кроме того, был воспринят им как угроза личным политическим перспективам.

Критика Шуйским взглядов Попеля на восстание содержала не толь-

ко цитированные выше личные выпады, но и серьезные теоретические аргументы. Соглашаясь с Попелем в критической оценке политической целесообразности восстания, Шуйский иначе трактовал причины движения. В то время, как Попель видел в конспирации главную, если не единственную пружину восстания, Шуйский утверждал, что восстание явилось следствием ненормальной ситуации, в которой находилось польское общество. Болезненность этой ситуации определялась не только внешним фактором иностранного господства. Как все представители краковской исторической школы, одним из основателей которой и был Шуйский, он искал причины падения Речи Посполитой и дальнейшего развития событий прежде всего в самом национальном организме. Он видел общество лишенным объединяющей идеи или хотя бы частичного согласия относительно непосредственных целей, разбитым на отдельные слои, взаимоотношения которых характеризовались не сотрудничеством, а почти исключительно противоборством. Ответственность за этот кризис, по мнению Шуйского, лежала в большей степени на «исторических» слоях, под которыми он понимал аристократию и верхушку шляхты, что предполагало для них и совершенно иную, чем в трактовке Пополя, меру ответственности за возникновение восстания, поскольку люди «не погнались бы за иллюзиями», если бы были созданы «реальные перспективы» [3, s. 237]. Шуйский имел как объективные, так и личные основания обвинять высшие круги в замкнутости, в том, что они не выдвинули целей, которые могли быть приняты средними слоями. В своих последних статьях этого периода он неизменно повторял призыв к объединению, к созданию программы, которая привлекала бы широкие слои.

«Исторический» подход Шуйского к вопросу о мере ответственности за восстание позволял возложить на людей, от имени которых говорил Попель, существенно большую долю вины и противостоять, тем самым, его обвинениям. Шуйский вообще отрицал моральное право судить для тех, кто остался в стороне от движения: «Нам (участникам восстания.— А. М.) пристала благородная гордость в отношении тех, кто занимал, позицию равнодушного зрителя на представлении», «о ком неизвестно, видит ли он в нынешнем несчастье горе нации или триумф своих возражений (против восстания.— А. М.) и предвидений, к сожалению, тщательно скрывавшихся в решительный момент» [3, s. 212]. Шуйскому еще не знакомо, в отличие от Пополя, чувство бессилия перед ходом событий, поэтому позиция неучастия, занятая Попелем в ходе восстания, для него психологически непонятна.

Отношение к конспиративной борьбе складывалось у Шуйского постепенно, и хотя отдельные высказывания по этому вопросу в ранних работах не противоречат его взглядам в целом, концептуальное оформление и важнейшие сущностные моменты появились лишь в статьях 1867 г. В отличие от Пополя, считавшего конспирацию главным источником пороков в развитии общества, неорганичным для Польши явлением, а причины ее возникновения видевшего в стремлении людей к достижению власти любым путем, для Шуйского нелегальное движение было лишь «неизбежным злом», обусловленным нерешенностью социальных проблем, прежде всего крестьянского вопроса. Вплоть до 1863 г., а особенно в период между 1831 и 1848 гг., конспирация выполняла, по мнению Шуйского, положительную социальную функцию, пропагандируя «прогрессивные принципы», борясь за наделение крестьян землей и их гражданское равноправие [9, maj, s. 320; 3, s. 281]. Но для решения национально-освободительных задач Шуйский считал заговор негодным средством и отрицал какие-либо заслуги конспирации в этой области в прошлом [3, s. 281]. Он осуждал попытки механически связать социальное движение с национальным, доказывая наивность расчетов на то, что «наделенный землей назавтра пожертвует собой» ради национального освобождения [3, s. 281], «поднимется до роли наследника прошлого» [9, maj, s. 315].

Обществу, писал Шуйский, нельзя навязывать время и методы борьбы, нельзя лишь себя считать истинным патриотом. По его мнению, конспирация, готовившая восстания, рождалась из неверия в органические

силы нации, в истинность патриотизма высших слоев, в их способность в рамках «лояльной оппозиции» и позитивной работы «защитить костел, традиции, обычай, язык» [9, тај, s. 313]. Часть вины за такое недоверие лежала на самих этих слоях, была вызвана их пассивностью. Их эгоизм в крестьянском вопросе сделал нелегальную борьбу «неизбежным злом», но после решения этой проблемы для конспирации нет оправдания. То, что конспиративная организация не имела поддержки «высших слоев, которые в условиях иностранного господства естественно играли руководящую роль», «ставило ее в положение борьбы с собственной нацией» [9, тај, s. 313, 316], заставляло подвергать инакомыслящих моральному террору. В этих условиях, заявлял Шуйский, «удивительно ли, что конспираторы не могли быть свободны в определении момента выступления, действия?» [9, тај, s. 316].

Как отрицательный факт Шуйский подчеркивал влияние эмиграции на конспиративное движение, которое в военных вопросах опиралось на «книжку, содержащую рецепты народной войны, на фантастическую поэму изгнаннической тоски»³ [9, тај, s. 316]. Подобно большинству галицийских политиков, Шуйский и Попель осуждали претензии эмиграции на политическое лидерство, не упуская случая подчеркнуть ее оторванность от жизни самой Польши.

В ответе либеральной газете «Dziennik Poznański» на критику своих высказываний о конспирации Шуйский с особой силой подчеркивал, что нелегальное движение может опираться только на слои, имеющие революционные цели, он развивал тезис Попеля об органически присущем конспирации социальном аспекте. Шуйский был прав, когда утверждал, что после 1864 г. исчезли условия для конспирации в том виде, в котором она существовала прежде. В дальнейшем конспиративное движение должно было опираться на новые силы, и Шуйский обращался к сторонникам нелегальных методов с риторическим вопросом: «Должны ли мы от либерализма перейти к социализму?» [9, тај, s. 318].

Проблемы нелегальной борьбы Шуйский трактует более глубоко и гибко, чем Попель, хотя и принял многие тезисы последнего. Разделяя мнение Попеля о преобладании в концепциях конспираторов социального аспекта над национально-освободительным, Шуйский именно в этой форме их деятельности видел некоторые положительные стороны, в то время как для Попеля само наличие социального мотива было главным основанием для осуждения. Если для Попеля конспирация была врагом еще в 1830 г., то для Шуйского она становилась таковым лишь после разрешения крестьянского вопроса в Королевстве Польском в 1864 г. Признание определенной положительной роли конспиративного движения, включение его героев в «пантеон национальной славы» позволяло Шуйскому избежать прямого столкновения с исключительно сильной, широко распространенной романтической повстанческой традицией. Но вряд ли это был лишь политический расчет. В отличие от Попеля у Шуйского совершенно иное эмоциональное восприятие восстания. В его глазах оно оставляет после себя «великие традиции, достойные уважения» — всеобщность движения, «единство жертв и страданий» [3, s. 215] участников восстания, раны которых «честны и благородны». Говоря о расчетах конспираторов, об их принципах, Шуйский неоднократно сбивается с «они» на «мы»; он не свободен от эмоциональной причастности к движению. Для Попеля такая оговорка — немыслима.

Оценка последствий восстания у Шуйского и Попеля схожа, даже образ один и тот же: «Польша распростерта как Лазарь» [4, s. 225, 284]. Единым был и общий вывод: нужна терпеливая, «позитивная», в рамках легальности работа по восстановлению и развитию духовных и материальных сил нации — любые попытки борьбы в нарушение существующих законов губительны для ослабленного общества. Это направление Попель и Шуйский считали верным для всех трех частей Польши, но осуществить свои планы они намеревались в Галиции. Трактовка этими краковскими

³ Намек на сочинения неудачливого диктатора восстания 1863 г. Л. Мерославского.

политиками содержания предстоявшей работы, ее целей более всего дает представление о существе их взглядов. Специфика творчества консервативных идеологов — в отказе от создания завершенных концепций, что обусловлено их критическим отношением к рационализму, признанием ограниченности способностей человека познавать мир и историю. Шуйский писал: «Мы не смешиваем понятие свободы с неясным идеалом какого-то всеобщего осчастливления человечества с помощью одной схемы. Именно стремление навязать обществу такую схему мы называем покушением на свободу общества» [9, wtzesień, s. 469]. Подобно ему, Попель осуждал попытки революционных течений «применить к человечеству произвольную схему» [4, s. 231]. Консерватизм отдает предпочтение эмпиризму, решению конкретных задач, и именно из ориентации в этой текущей работе, из обоснования ее целей приходится в основном извлекать сведения о системе ценностей консервативных идеологов.

Формулируя задачи и принципы действий галицийских политиков, Попель прежде всего обратил внимание на их отношения с венским правительством, в котором с 1865 г. получили преобладание сторонники федерализации империи. Попель считал, что на данном этапе «интересы монархии совпадают с интересами нашей коронной провинции». Направление реформ, которые готовились в империи в период правления Белькреды, казалось благоприятным для Галиции, поэтому задачу галицийских политиков Попель видел в достижении соглашения с Веной, сотрудничества с ней, в завоевании ее доверия. Это было возможно лишь на основе борьбы не за общепольские, а местные, провинциальные политические цели. «Мы не можем в переговорах с правительством стоять на позициях безусловных правовых принципов», — писал Попель, указывая, что реализация «абсолютной правовой идеи», т. е. идеи восстановления Польши, привела бы к ломке границ государства Габсбургов [4, s. 234, 235]. Путь к выгодам для Галиции Попель видел в умелом использовании политической ситуации в Вене. «Политично то, что полезно», — провозглашал он. Поскольку власть, а таковой для Галиции было венское правительство, играет органическую роль в обществе, то для решения текущих задач необходимо уважать ее, договориться с Веной и дать ей определенные гарантии лояльности [4, s. 235]. Только такой подход к отношениям с Веной мог, как считал Попель, дать Галиции «язык, образование, самоуправление», т. е. необходимые условия для установления «правильного общественного порядка, пробуждения общественных сил». Попель выдвигал политические принципы на длительный период. Он считал, что все усилия восстановить независимость не имеют шансов без накопления соответствующих сил и что перед Польшей, и, в частности, перед Галицией, в середине 60-х годов стояла задача лишь залечивания ран и оздоровления общества.

Особенно Попель был обеспокоен положением шляхты, которая была «разбита» и против которой был вызван «искусственный антагонизм как снизу (т. е. со стороны крестьянства.— А. М.), так и сверху» (т. е. со стороны чужеземного государственного аппарата.— А. М.). Его пугала перспектива потери политических навыков шляхтой, находившейся в пассивной оппозиции к инациональной власти и игравшей роль «орудия в руке революции» [4, s. 232]. Восстановление политических позиций шляхты было одной из главных задач программы «органического труда» в трактовке Попеля.

Полея крайне тревожил «моральный упадок» общества. Остатки моральных сил он видел лишь в национальном чувстве, но считал его недостаточным, более того, чреватым болезненными проявлениями. Не всякое национально-освободительное движение и даже не всякая независимость Польши были приемлемы для Попеля. Он не скрывал, что его отношение к любым политическим явлениям определяется их влиянием на положение церкви, и, говоря об опасности искажения национального чувства, имел в виду необходимость его «очищения верой». Попель не был клерикалом, но последовательно строил свои политические концепции на религиозной основе. Католическая церковь как организация и католицизм как идея

занимали высшее место в иерархии его общественных ценностей, именно укрепление позиций костела в обществе являлось его конечной целью. Значение для Попеля христианства и церкви как фактора исторического развития ясно видно из его мемуаров, где он вспоминает беседу с Г. Жевуским в конце 20-х годов: Попель говорил о неизбежности краха современной цивилизации, как и античной, но не от нашествия варваров, а от варварства, порожденного в рамках самой цивилизации. Возражая, Жевуский утверждал, что современная цивилизация обладает отличительной чертой, позволяющей надеяться на лучшее будущее, имея в виду христианство и католическую церковь. Попель не случайно вспомнил этот разговор много лет спустя: за свою долгую жизнь он не нашел другой основы для надежды на сохранение «связи времен», преемственности, столь дорогой для убежденного консерватора [2, s. 23]. Основным идеологическим конфликтом своего времени Попель считал забвение духовной человеческой индивидуальности, которую католицизм поднимал на уровень высшей ценности, и абсолютизацию общественных, государственных целей [10, s. 230—238]. Восстановление позиций церкви, борьбу с «безбожными» течениями Попель считал важнейшей задачей будущей деятельности своей политической группировки.

Новым фактором политической жизни, которому Попель придавал большое значение, было изменение положения и роли крестьянства. Реформы 1864 г. в Королевстве Польском завершили на территории всей Польши процесс утверждения буржуазной собственности в деревне, крестьянство получало возможность стать новой, самостоятельной политической силой, но на первых порах ему предстояло быть объектом разного рода политических влияний. В крестьянстве как политической силе Попель видел громадный резерв для консервативного направления, если бы шляхте удалось захватить над ним контроль, и великую опасность для общественных позиций шляхты в противном случае. Попеля, пережившего 1846 г., страшила не только возможность влияния на крестьян радикальных течений, но и возможность использования крестьянства правительствами государств, разделивших Польшу, против национально-освободительных устремлений шляхты, против самой шляхты как основы польской нации [4, s. 229]. Такой взгляд на ситуацию заставлял Попеля призывать помещиков «жить в мире, соседской любви с тем достойным народом, который проявил во время восстания здоровый политический рассудок, а сейчас не злоупотребляет преобладанием, которое отдал ему неосмотрительный победитель. Необходимо войти в гмину⁴ сердцем и делом, в гмину, которая является теперь единственно возможным устройством общества; нет выбора — либо гмина, либо централизованная бюрократия» [4, s. 227].

Призывы эти были равно актуальны как для Королевства Польского, так и для Галиции, где сейму предстояло выработать новый устав гмины и определить правовые отношения между нею и помещиком. В гмине Попель вообще видел для Польши образец общественной организации, он противопоставлял ее «революционному атомизму», разрушающему местные связи и обезоруживающему тем самым граждан в борьбе с абсолютистскими устремлениями государственной власти. Попель считал необходимым распространение гминных принципов самоуправления и ассоциации на более высокие уровни государственного устройства [4, s. 248].

Крестьянская проблема в ее новом аспекте волновала и Шуйского. Еще в самой ранней из рассматриваемых работ он нашел для крестьянства в высшей степени четкое определение: «это сила, к которой приходит сознание» [3, s. 184]. Одну из главных задач своего политического направления Шуйский видел в деятельном и позитивном участии в развитии политического и национального сознания крестьянства, он понимал историческую значимость этого процесса для судеб Польши в целом. Шуйский свободен от идеализации крестьянства, он не трактовал его как носителя

⁴ Гмина — низшая административная единица в деревне, обладавшая правами самоуправления.

неких высших ценностей и принципов, что звучало отчасти в словах Попеля, а видел в крестьянах объект для просветительской, воспитательной работы. Шуйский считал, что крестьянское движение середины 60-х годов было заражено давними политическими болезнями Речи Посполитой, что его характеризовали политическая необразованность, «дух уравниательства, отрицательное отношение к общественной иерархии», «стремление к преобладанию» (Шуйский употребляет слово «rozwielnienie», переводимое и как «распоясанность» [3, s. 183]. В этом контексте осуждалось Шуйским и требование предоставить сервитутные права на пользование лесами и пастбищами, звучавшее из уст крестьянских послов на львовском сейме. Просвещение, внимание высших слоев к крестьянству должны были, по его мнению, «осветить в глазах крестьян темный политический горизонт» [3, s. 184].

Шуйский считал, что крестьянство, получив землю, стало наиболее консервативным слоем общества. Одной из сложнейших задач в отношениях с крестьянами было, по мнению Шуйского, преодоление подозрительности последних к любым начинаниям высших общественных слоев. Путь к этому он видел в выдвижении из крестьянской среды интеллигенции, которая могла бы объединить крестьян с другими слоями общества. Отсюда, в частности, сугубое внимание «станьчиков» и особенно Шуйского, чьей «специальностью» в сейме были школы, к проблемам образования.

При немалом сходстве практических выводов Попеля и Шуйского в отношении крестьянской проблемы, нужно отметить следующее расхождение в их позициях: хотя оба приняли аграрные преобразования, проводившиеся чужеземными правительствами, как свершившийся факт, Попеля не устраивало само существо преобразований, в то время, как Шуйского не удовлетворяли лишь формы их проведения.

Что касается предложенной Попелем линии отношений с Веней, то она не вызвала у Шуйского возражений. Исходный пункт галицийской политики он определил так: «Можно спасти национальность, хотя бы на малом клочке земли, которому Провидение предоставило лучшие условия» [9, maj, s. 321]. «Политика наша вовне — это политика выгоды», — демонстрировал Шуйский в очередной раз умение находить литые формулы [3, s. 284].

Вопросам религии и церкви Шуйский уделял, по сравнению с Попелем, меньше внимания. Шуйский был человеком глубоко верующим, философское наследие Просвещения чуждо ему в не меньшей мере, чем Попелю; «мы сыны католической церкви», — писал он. Отстаивание идеалистического мировоззрения, утверждение и развитие веры в противовес материализму, к которому «склонен мир» [3, s. 222], представлялось Шуйскому одной из центральных задач. Католицизм важен для Шуйского и как отличительный элемент западной культуры, как антитеза православию. Но, в отличие от Попеля, Шуйский в это время не расценивал католицизм как главную, решающую опору политической деятельности, он еще был слишком уверен в эффективности «деятельной, полной жертв, явной либеральной политики» [3, s. 246].

Интересно, что слово «либеральный» Шуйский употреблял здесь в положительном значении. Если у Попеля, продолжавшего в значительной мере мыслить сословными категориями, стремление защитить иерархичность общественной структуры от эгалитарных, демократических тенденций нашло выражение в тезисе о необходимости восстановления позиций и роли шляхты, в критическом отношении к средним слоям, «охваченным революционным духом» [4, s. 232], то у Шуйского «стремление к восстановлению иерархии» вызвало протест [3, s. 246]. Но этот протест относился лишь к планам реставрации и прежней иерархии, к феодальному содержанию, вкладывавшемуся Попелем в это понятие. Демократию Шуйский, равно как и Попель, оценивал критически по традиционным для консерваторов мотивам. Еще в 1860 г. он писал о «фатальном сплетении ультра-либеральной мысли с мыслями ультра-азиатскими: идеи правления масс с идеей правления массами» [3, s. 13]. Шуйский приветствовал выделение определенного слоя, призванного главенствовать

в политике, но представлял его иначе, чем Попель: «Под этим руководящим слоем мы понимаем сумму всех тех зрелого возраста граждан, которые в делах отечества имеют или должны иметь определенное, устоявшееся мнение, которым положение, образование, владение имуществом, независимо от их происхождения, обеспечивают определенное влияние и значение в обществе» [9, тај, s. 314]. Несколькими страницами далее Шуйский почти дословно повторил эту формулу: следовательно, она была устоявшейся, отработанной. В понимании Шуйского, высший слой должен был формироваться по критериям, которые бы делали его открытым для выходцев из всех общественных групп. Шуйский был ближе к Попелю, когда в 1860 г. писал о шляхте, как об «альфе и омеге нации, поскольку она одна владеет тайной придания своих черт нешляхетским и даже иностранным элементам». В 1867 г. Шуйский говорит уже не о поглощении шляхтой представителей других слоев, но о социальном партнерстве, о создании общественной верхушки из различных социальных элементов. Представление о сути процесса изменилось у Шуйского, возможно, не слишком радикально, это по-прежнему должно было быть усвоение выходцами из нижних слоев лучших черт шляхты, хотя теперь предполагалась некоторая взаимность. Не менее важно изменение тона, Шуйский понимает уже опасность обращения к средним слоям сверху вниз. «Путь г. Попеля ... ставит людей в антагонизм с жизнью мира средних слоев, с которыми, как с силой, нужно считаться», — заявлял Шуйский, проявляя столь не свойственную Попелю политическую гибкость [3, s. 288].

Таким образом, если Попель рассчитывал на возвращение к руководству слабеющей шляхты, то Шуйский ориентировался на слой, имевший разнообразные источники пополнения. Считая зрелый возраст необходимым критерием принадлежности к тому слою, Шуйский отсекал наиболее радикальную часть — молодежь, из которой выходило подавляющее большинство конспираторов.

Предложенная Шуйским новая ориентация имела значительную ценность даже независимо от успешности самой попытки опереться на эту силу. Стремление найти опору в новом, постоянно пополняющемся и изменяющемся слое делало политику «станьчиков» в сравнении со «старыми» консерваторами более инициативной, чуткой к состоянию общества, так как требовало выполнения конструктивной роли в текущих социальных процессах, требовало идеологической активности и наличия положительной программы для реализации дидактических и организационных задач по отношению к этому формирующемуся слою. Именно открытость, чуткость к происходящим изменениям, программная ориентация на постоянное движение, на активную роль в развитии общества, в решении его конкретных проблем сделали течение «станьчиков» гораздо более деятельным в идеологическом отношении, чем поколение «старых» краковских консерваторов, которые нередко игнорировали насущные политические проблемы, если решение таковых требовало модификации их основных моральных и философских принципов.

Конечно, Попель и Шуйский, как и в целом «станьчики» и «старые» консерваторы, были близки во многом, особенно в философских основах. Принадлежность обоих к общему консервативному направлению определялась весомыми факторами — идеалистическим мировоззрением, противопоставлением религии и церкви материалистическим и атеистическим концепциям, признанием иерархичности общества одной из ключевых, неотъемлемых его черт в противовес эгалитарным, демократическим тенденциям, стремлением к развитию независимых от государства общественных структур как антитезы централизации, поддерживаемой либералами. Попель и Шуйский едины в практических выводах о политике в крестьянском вопросе, в отношениях с венским правительством, близки в оценке современной им конспирации и эмиграции. Оба они, хоть и с разной степенью последовательности, противопоставляют романтическому отказу от примирения личности с обществом идею своеобразно понимаемого ими долга, обязанности перед обществом.

Через несколько лет, в 1872 г., скептицизм Попеля в отношении перекттив консервативной политики вызывал у Шуйского уже больше уважения, реальная политическая борьба не пошла по сценарию, который виделся Шуйскому в 1867 г. [11, s. 67]. Но «станьчики» не вернулись на позицию «старых» консерваторов, в которой было так много отстраненности от конкретных больных вопросов. Для Шуйского утраченную веру в политическую победу заменила в мотивации его деятельности вера в личную необходимость активной борьбы: «Противники опрокидывают нас и убивают, но природа, создав человека с поднятой головой, приказала ему противостоять опасностям, чтобы будущее застало его в борьбе. Только на этом основана жизнь и будущее общества» [11, s. 362]. «Станьчики» отличались от предыдущего поколения краковских консерваторов не только программой, но и психологическим складом. Попель и Шуйский поистине принадлежали разным поколениям.

Попель родился в 1807 г. Период его политического и идеологического становления как консерватора (а он им стал сразу, без юношеских радикальных увлечений) пришелся на то время, когда в Европе еще очень свежо ощущались последствия Великой французской революции. Общественные идеалы Попеля трудно было примирить с европейской действительностью первой трети XIX в., не говоря уже о кризисе национальных надежд после поражения восстания 1830—1831 гг. Мироощущение Попеля всегда было трагичным. Незадолго до смерти, в 1886 г., он писал: «Действительность словно бы нарочно противоречит моим принципам» [2, s. 28]. Это мироощущение представителя отжившего класса, не сумевшего, а отчасти не пожелавшего принять новые идеи и новые условия. До 60-х годов поколение Попеля не имело сколько-нибудь благоприятных условий для политической деятельности. Оно не научилось устанавливать контакт с другими сословиями, а умело лишь принять в свои ряды отдельных выходцев «спизу» (пример тому — Ю. Клячко, выбившийся из гетто в круг аристократической эмиграции в Париже и ставший ее виднейшим публицистом).

Становление Шуйского, родившегося в 1835 г., происходило уже после галицийских событий 1846 г., после «Весны народов». За время, когда Шуйский был участником или сознательным наблюдателем политической жизни, социальных катаклизмов не произошло, социальная обстановка 60-х годов была для него естественна, привычна. У Шуйского нет ощущения катастрофы в прошлом, нет ощущения, что мир непоправимо сбился с верной дороги. Он критически отзывался о Попеле и его единомышленниках, которые с времен французской революции «видят постоянное движение ко злу, к совершенному краху нашего общества, во всем находят симптомы красной угрозы»⁵ [3, s. 219]. Поколение Шуйского в 60-е годы смотрит в будущее с надеждой, а не со страхом, оно верит в успех, рвется действовать, и сознательно хочет действовать иначе, чем «старики»⁶. «Мы охранители многих нарушенных или забытых идей в мире, склонном к противоречию и материализму, мы представители веры и духа, но мы не можем консервировать старые формы; наше назначение — внести эти забытые святыни в святыню будущего, более совершенного общества» [3, s. 222]. Трагизму Попеля здесь уже нет места.

Разница поколений не только объективно существует, она субъективно осознана. «Вы старше, много старше меня, и в этом, может быть, главное между нами различие,— писал Шуйский Попелю,— в старости утрачивается вера в общество, ... в действенность большой и искренней политики» [3, s. 245]. Попель не согласен: «Будущее родины не принадле-

⁵ Знаменательно, что Шуйский говорил о 1794 г., имея в виду диктатуру якобинцев во Франции, Попель же писал о «зависти, антагонизме», которые принес 1789 г.; для него Великая французская революция неприемлема в целом [3, s. 248].

⁶ Будущие «станьчики» хотели действовать не только иначе, но и самостоятельно. Организационное объединение со старшими, более опытными и авторитетными деятелями из поколения Попеля предполагало для тридцатилетних дебютантов галицийской политики подчиненное положение, а «станьчики» претендовали, и, как впоследствии стало ясно, не без оснований, на большее.

для какого-либо одному поколению» [5, s. 238], но само наличие проблемы поколений он этим возражением признает. Трудно определить все обстоятельства, обусловившие обострение этой проблемы именно во второй половине 60-х годов, но главное, пожалуй, — восстание 1863—1864 гг., ведь для выдающихся политиков поколения Попеля — для А. Велёпольского, Л. Сапеги, А. Замойского первым политическим опытом тоже было восстание — восстание 1830 г., заставшее их примерно в том же возрасте, в каком пришли к 1863 г. будущие «станьчики».

Несмотря на то, что материалом для анализа послужили произведения лишь двух лиц, характер и глубина различий в позициях Шуйского и Попеля свидетельствуют об их объективной обусловленности. В консервативное движение влились новые силы, принесшие с собой существенные изменения как в методы деятельности, так и в представления о целях консервативного движения. Результаты этого сказались в последующее время и на политической жизни Галиции и на польской общественной мысли в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Spór o historyczną szkołę krakowską. Red. C. Bobińskiej i J. Wyrozumskiego. Kraków, 1972.
2. Popiel P. Pamiętniki. Kraków, 1927.
3. Szujski J. Dzieła. Seria III. T. I. Kraków, 1885.
4. Z dziejów obrodzenia politycznego Galicji (Publ. i kom. M. Bobrzyński, Wł. L. Jaworski, J. Milewski). Warszawa, 1905.
5. Canega Л. Мемуары. Пр., 1915.
6. Wyka K. «TeKa Stańczyka» na tle historii Galicji w latach 1849—1869. Wrocław, 1951.
7. Dębicki L. Wspomnienia o Józefie Szujskim. Warszawa, 1883.
8. Maciejowski J. Przedburzowcy. Z problematyki przełomu między romantyzmem a pozytywizmem. Kraków, 1971.
9. Przegląd Polski, 1867.
10. Popiel P. Pisma. T. I. Kraków, 1893.
11. Szujski J. Dzieła. Seria III. T. III. Kraków, 1894.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ В 1946—1949 ГОДАХ

(По материалам ВОКС и ОПСД)

В рассматриваемые годы в польском театральном искусстве начался процесс организационного и идейно-творческого преобразования, имевшего целью создание подлинно демократического театра. Наряду с ликвидацией буржуазной театральной коммерции (национализация театров была завершена к концу 1949 г.) шли поиски репертуара, отвечавшего запросам широких народных масс. Новая польская драматургия только зарождалась. Министр культуры и искусства Польши писатель В. Ковальский в сентябре 1945 г. отмечал, что «из числа 60 новых театральных произведений весьма незначительная часть соответствует тем требованиям, которые ставит к польской сцене новая польская действительность» [1, т. VIII, с. 567].

В этих условиях деятели польского театра проявляли особенно большой интерес к передовому советскому театральному искусству. О стремлении «перенять советский опыт при решении ряда организационно-творческих вопросов» говорили на встрече с театральной общественностью Москвы деятели искусства народной Польши, приезжавшие в СССР еще во время войны — в декабре 1944 г. [1, т. VIII, с. 316].

В осуществлении этой задачи определенная роль принадлежала литературе о советском театре. По просьбе польских театральных учреждений в страну в 1946 г. были направлены книги по истории русского театра [2, д. 236, л. 89], в 1947 г. — работы советских театроведов о пьесах «Беспокойная старость» Л. Рахманова, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Сотворение мира» Н. Погодина, «Мои друзья» Василенко [2, д. 235, л. 81, 82], 30 экземпляров изданий по вопросам театрального искусства в Высшей театральной школе в Лодзи [2, д. 238, л. 116, 121], библиотечка театральной литературы (39 книг) Польскому театральному институту [2, д. 233, л. 138, 143], сборник статей о А. Грибоедове и последний номер «Театрального альманаха ВТО» [2, д. 238, л. 119], в 1948 г. — для режиссера Л. Шиллера литература об античных театрах и о постановке «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского во МХАТе, для балетмейстера Ф. Парнелля книга А. Вагановой «Основы классического танца» [2, д. 249, л. 7 об.], в 1949 г. — для проф. Высшей театральной школы в Лодзи Г. Шлетьньского книга К. С. Станиславского «Режиссерский план „Отелло“» и др. [2, д. 257, л. 140; д. 258, л. 97; д. 262, л. 72].

Польские театры обращались в советские учреждения с просьбой присылать произведения русских и советских драматургов и материалы, необходимые для постановок спектаклей по этим пьесам.

В 1946 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) неоднократно направляло пьесы советских драматургов «для интересующихся ими польских режиссеров» [2, д. 234, л. 286; д. 235, л. 39,

го. По просьбе театра Польского в Познани, готовившего постановку «Ревизора» Н. Гоголя, была послана фотоподборка (26 фотографий костюмов, мундиров персонажей пьесы и т. д.) [2, д. 233, л. 168; д. 234, л. 15, 21, 28]. В связи с предстоящим в Польше осенью 1947 г. Месячником польско-советского культурного обмена Общество польско-советской дружбы (ОПСД) просило прислать пьесу «Русский вопрос» К. Симонова и текст поставленной в театре им. М. Н. Ермоловой в Москве инсценировки книги П. Вершигоры «Люди с чистой совестью» [2, д. 239, л. 2—3]. В начале 1948 г. по просьбе ОПСД ему были посланы пьесы «Дни Турбиных» М. Булгакова и «Факир на час» В. Дыховичного и М. Слободского [2, д. 243, л. 19]. В 1948 г. поступили запросы от Театра Польского в Варшаве на пьесы «Великая сила» Б. Ромашова, «Зеленая улица» А. Сурова, «Половчанские сады» Л. Леонова (были посланы пьесы «Великая сила» и «В одной стране» Н. Вирты) [2, д. 248, л. 59; д. 262, л. 123]. Театр Новый в Варшаве намеревался поставить советскую пьесу, Познанский театр — пьесы «Смерть Тарелкина» и «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина, Варшавская филармония — оперу «Пиковая дама» П. Чайковского [2, д. 248, л. 27; д. 257, л. 244 и об.], Еврейский театр в Лодзи — пьесу И. Резника (по мотивам произведения И. Л. Переца «Сестры») [2, д. 250, л. 94]. В 1947 г. в Польшу была послана пьеса «Русский вопрос» К. Симонова (10 экз.), в 1948 г. — пьесы «Жизнь в цитадели» А. Якобсона (9 экз.), «Беспокойная старость» Л. Рахманова (6 экз.), «Остров мира» Е. Петрова (4 экз.) [2, д. 254, л. 26, 27].

По просьбе польской стороны в январе 1949 г. ВОКС направило в Польшу пьесы А. Корнейчука, А. Якобсона, И. Штока, А. Штейна, Б. Ромашова, А. Сурова [2, д. 247, л. 248, 250], в марте — пьесы Б. Ромашова и Н. Вирты [2, д. 247, л. 176; д. 262, л. 89], в апреле — 14 пьес (среди которых были пьесы Л. Толстого, И. Тургенева, М. Горького, А. Корнейчука, Л. Леонова, А. Софронова, А. Штейна) [2, д. 247, л. 141, 144], в июле — пьесы «Встреча с юностью» А. Арбузова, «Горячих дел мастера» Э. Цюрупы и «Наш современник» К. Паустовского [2, д. 257, л. 182; д. 258, л. 142об., 145], «На той стороне» А. Барянова (в документе ошибочно: В. Киршона) и «Красный галстук» С. Михалкова [2, д. 258, л. 98], в сентябре — пьесы «Тайна вечной ночи» С. Диковского, «Степь широкая» Н. Винникова, «Дубовы» В. Пистоленко, «Пять подруг» А. Файко и Ц. Солодаря, «Я хочу домой» С. Михалкова, «Кто виноват?» Г. Мдивани, «Роковое наследство» Л. Шейнина, «Дорога к звездам» М. Пенкина и Б. Дьякова, «Падение Берлина» П. Павленко и М. Чиаурели, «Дело» А. Сухово-Кобылина [2, д. 258, л. 30, 37, 38].

24 августа ОПСД в связи с подготовкой к Месячнику укрепления польско-советской дружбы (далее — Месячник) (7 X — 7 XI 1949 г.) просило «прислать как можно скорее следующие материалы»: для кружков художественной самодеятельности — пьесы, для театров музыкальной комедии — современные советские оперетты и новые обработки уже известных произведений этого жанра, для Народного музыкального театра в Варшаве — музыку песен для белорусской комедии «Нестерко», партитуры балетов и опер, написанных по произведениям А. С. Пушкина [2, д. 255, л. 91]. Государственный театр в Щецине интересовался «Сказкой» М. Светлова [2, д. 262, л. 32], лодзинский музыкальный театр «Лютня» — «Свадьбой Кречинского» А. Сухово-Кобылина (книга А. В. Сухово-Кобылина «Трилогия» была послана в Польшу в начале декабря) [2, д. 259, л. 24, 54].

Взросший интерес к русскому и советскому сценическому искусству был связан с подготовкой к конкурсу на лучшую постановку советской пьесы и к фестивалю русских и советских пьес. Всего для фестиваля ВОКС отправило 75 пьес (в 245 экз.), причем часть из них была опубликована (в переводе) издательством «Вспулпраца», а другая — передана непосредственно театрам [2, д. 254, л. 1—6].

Подготавливая постановку пьесы М. Горького «Враги» Театр Польский в Варшаве просил прислать вспомогательные материалы к ней: были посланы режиссерский комментарий к пьесе, три рецензии на мха-

товский спектакль 1935 г. и 34 фотографии сцен из него [2, д. 247, л. 15, 17, 18; д. 257, л. 230].

Первой послевоенной постановкой советской пьесы в Польше был спектакль краковского театра им. Ю. Словацкого «Русские люди» К. Симонова (август 1945 г.). В театральном сезоне 1945/46 гг. на польских сценах были поставлены также «Мещане» М. Горького (театр им. Словацкого в Кракове), «Мистер Перкинс в стране большевиков» А. Корнейчука (театр им. С. Выспяньского в Катовицах), «Беспокойная старость» Л. Рахманова (театр Войска Польского в Лодзи), «Квадратура круга» В. Катаева и «Часовщик и курица» И. Кочерги (театр в г. Кельце). В сезоне 1946/47 гг. ставились пьесы А. Островского, Н. Гоголя, А. Чехова, С. Маршака. Спектакль Театра Польского в Варшаве по пьесе Островского «Волки и овцы» оценивался в театральных кругах как несомненная удача театра [3, № 10, 1948, s. 20].

В сезоне 1947/48 гг. репертуар польских театров пополнился рядом пьес советских драматургов. Журнал «Пшиазнь» объяснял это приходом в театры «нового зрителя из рабочих и служащих, интересам которого более соответствуют серьезные пьесы, затрагивающие актуальные проблемы» [3, № 10, 1948, s. 21]. Такой пьесой был «Русский вопрос» Симонова — «крупное произведение советской драматургии, в котором большая политическая мысль сочетается с психологической тонкостью» [4, с. 150]. В Польше «Русский вопрос» (под названием «Гарри Смит открывает Америку») в 1947/48 гг. обошел сцены театров Лодзи, Познани, Вроцлава, Кракова, Торуня, Быдгощи, Жешова, Белостока [3, № 10, 1948, s. 21]. Особым успехом спектакль пользовался в Белостоке, где его увидела почти половина жителей города; этот успех связывался с вдумчивой режиссурой Лидии Замков и прекрасной актерской игрой [3, № 5, 1949, s. 11]. Спектакли по произведениям Пушкина и Горького ставились театрами в Катовицах, Еленей-Гуре, Торуне и Кракове [3, № 10, 1948, s. 22]. В рецензии на спектакль «Егор Булычов» (режиссер В. Красновецкий), поставленный в Катовицах и показанный в конце 1948 г. в Варшаве в рамках мероприятий в честь Объединительного съезда ПОРП, говорилось, что «именно эту постановку из всех зрелищ, приуроченных к знаменательному событию, принимали наиболее горячо» [3, № 1, 1949, s. 6]. В ходе Месячника (7 X — 7 XI 1948 г.) в польских театрах было поставлено 30 пьес русских и советских драматургов [5].

Высоко оценивался спектакль «Враги» Горького в Театре Польском в Варшаве (начало 1949 г.), о котором говорилось, что «редко случается видеть в театре такое прекрасное со всех точек зрения представление» [3, № 10, 1949, s. 14]. Актеры единодушно отмечали, что им было очень интересно работать, ибо горьковские герои «по-настоящему живые люди», а по мнению режиссера спектакля К. Боровского, пьеса «имеет решительно пророческое отношение к современной действительности» [3, № 12, 1949, s. 10, 11]. В апреле 1949 г. Министерство культуры и искусства (МКИИ) Польши объявило конкурс на лучшую постановку советских пьес «с целью лучшего ознакомления с творчеством русских драматургов-классиков и современных советских писателей» [1, т. IX, с. 400]. Конкурс должен был завершиться фестивалем русских и советских пьес (ноябрь-декабрь 1949 г.). Выступая в июне на съезде польских драматургов, театральных деятелей и критиков, вице-министр культуры и искусства В. Сокорский указывал, что изменившийся социальный состав зрителей требует коренного пересмотра репертуара пьес с целью освобождения его от мелкобуржуазного и «формалистического груза» и включения пьес, направленных на воспитание человека нового общества. Основным источником такого пополнения репертуара докладчик назвал пьесы советских драматургов [2, д. 255, л. 13, 14]. В конкурсе приняло участие 1167 профессиональных и любительских коллективов. В период проведения конкурса были показаны пьесы: «Три сестры» (театр им. Словацкого в Кракове) и «Вишневый сад» Чехова (театр «Выбжеже»), «Враги» Горького (Театр Польский в Варшаве), «Окно в лесу» Л. Рахманова (Театр Повшехны в Варшаве), «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина

(Театр Розмаитости в Варшаве), «На дне» Горького (театр Войска Польского в Лодзи), «Макар Дубрава» А. Корнейчука (Государственный театр в Катовицах), инсценировка «Молодой гвардии» А. Фадеева (показанная студентами Высшей театральной школы) [2, д. 255, л. 7—8] и др. Об участии в фестивале заявили 55 профессиональных театров (в том числе 36 драматических, 4 музыкальных, 6 юного зрителя, 9 кукольных). В репертуар были включены пьесы А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Сухово-Кобылина, А. Островского, М. Горького, А. Чехова, В. Маяковского, К. Тренева, Б. Лавренева, М. Булгакова, А. Афиногенова, М. Светлова, А. Фадеева, А. Корнейчука, И. Штока, А. Якобсона, А. Сурова и др. [3, № 37, 1949, s. 15; № 41, 1949, s. 6]. Специальное жюри отбирало победившие в конкурсе спектакли к участию в фестивале. Конкурс и фестиваль имели важное значение для ознакомления польского зрителя с творчеством русских и советских драматургов и для развития польского театрального искусства. «Контакт с такой литературой и таким сценическим искусством, — говорилось в одном из журнальных очерков, — поможет нам в выборе правильного пути, облегчит нам ориентацию в окружающих нас жизненных явлениях» [3, № 41, 1949, s. 9]. Л. Кручковский в статье, посвященной фестивалю, отмечал, что в Польше начался процесс формирования нового идеологического и художественного сознания деятелей культуры и в этом процессе существенное значение имеет освоение ими опыта и достижений в области культуры народов Советского Союза, более близкое знакомство с путями развития искусства, тесно связанного с жизнью общества, со строительством социализма [5]. Организаторы фестиваля намеревались повторно показать наиболее значительные фестивальные пьесы и инсценировки, «чтобы познакомить как можно более широкие круги зрителей с прекрасными театральными произведениями русских и советских писателей» [3, № 48, 1949, s. 12]. (Об итогах фестиваля и его ходе см. подробнее [6, с. 451—452].)

В период проведения очередного Месячника театры Кракова показали 51 спектакль по пьесам русских и советских драматургов — их посмотрели более 33 тыс. зрителей [3, № 48, 1949, s. 15]. Перед началом спектаклей деятели ОПСД выступали с лекциями: так, люблинский спектакль по пьесе «Егор Булычов и другие» предварялся лекцией о принципах советской драматургии и о драматургии Горького [1, т. IX, с. 439].

Многие постановки произведений русской и советской драматургии, осуществленные в 1949 г., высоко оценивались в польской печати. Спектакль краковского театра «Три сестры» был отнесен к ряду «наиболее значительных достижений польского театра в послевоенный период» [3, № 6, 1949, s. 11], летом 1949 г. эту чеховскую пьесу увидели и варшавские зрители, у которых она также имела большой успех [3, № 26, 1949, s. 13]. Пьеса «Васса Железнова» М. Горького в театре им. С. Ярача в Ольштыне стала «лучшей репертуарной позицией театра» [3, № 45, 1949, s. 19]. О спектакле по пьесе «Макар Дубрава» А. Корнейчука говорилось, что «на сцене появились новые люди, новые герои молодого общества, которые строят лучший мир, созидают новую жизнь» [3, № 27, 1949, s. 13]. Положительно оценивая факт постановки пьесы «Товарищи» А. Успенского театром им. Ярача, рецензент отмечал, что «ольштынский театр ищет правильный путь, которым должны идти театры в Польше, систематически углубляя знакомство с советской современной драматургией» [3, № 33, 1949, s. 13]. В рецензии на спектакль Театра Польского в Варшаве по пьесе «Последние дни» М. Булгакова говорилось: «Мне представляется, что интерес польского общества к современному советскому театру... неустанно возрастает. Удовлетворение этого интереса — еще одна большая заслуга славного Театра Польского» [3, № 49, 1949, s. 12].

Интерес польского театра к русской и советской драматургии в 1946—1949 гг. непрерывно возрастал. В 1946 г. состоялось 3 премьеры (3 пьес 3 авторов), в 1947 г. — 19 премьер (11 пьес 9 авторов), в 1948 г. — 36 премьер (17 пьес 14 авторов), в 1949 г. — 82 спектакля (поставленных по 41 пьесе 28 авторов) [7, s. 107, 124, 186].

Польская общественность живо интересовалась и произведениями оперного жанра советского театрального репертуара.

С 1947 г. на сцене Большого оперного театра в Познани шла опера «Евгений Онегин» П. Чайковского, партитура которой была прислана Большим театром Союза ССР [2, д. 257, л. 245]; театру были направлены 26 фотографий отдельных сцен и персонажей спектакля московского театра [2, д. 233, л. 168; д. 234, л. 15, 28; д. 237, л. 56, 117]. В рамках состоявшихся в Польше пушкинских юбилейных торжеств 1949 г. эта опера была поставлена в Варшавском оперном театре с Э. Бандровской-Турской в роли Татьяны [2, д. 255, л. 10]. (Об этом спектакле см. [3, № 27, 1949, с. 13].)

В 1947 г. ВОКС послало партитуру и оркестровый материал оперы «Евгений Онегин» Краковскому оперному театру, который включил ее в свой репертуар [2, д. 241, л. 89; д. 242, л. 66]. По просьбе Большого оперного театра в Познани ему были посланы партитура оперы «Борис Годунов» М. Мусоргского, книга «Русский исторический костюм» и два клавира [2, д. 234, л. 146; д. 236, л. 29; д. 259, л. 97, 99, 100]. Ее постановка считалась одной из заслуживающих особого внимания [1, т. X, с. 38]. Во временное пользование этому театру ВОКСом были предоставлены партитура и оркестровки оперы «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова [2, д. 251, л. 50 и об., д. 257, л. 189], оркестровый материал оперы «Отелло» Дж. Верди [2, д. 260, л. 24], партитура и оркестровки оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова [2, д. 234, л. 72; д. 241, л. 106; д. 242, л. 66, 67; д. 247, л. 215, 245; д. 248, л. 220; д. 257, л. 212].

Обращение к советскому репертуару наблюдалось и в польском театре для детей.

В 1946 г. по просьбе Посольства Польской республики в СССР о предоставлении для детских учреждений Польши «театральных пьес, пьес для кукольного театра» ВОКС направило пьесы А. Толстого, С. Михалкова, В. Катаева и других советских писателей [2, д. 234, л. 110, 114; д. 236, л. 55, 56]. В 1947 г. для перевода на польский язык и постановки в театрах были посланы три пьесы С. Михалкова [2, д. 241, л. 125]. Для варшавского детского театра «Яскулка» Центральный детский театр (ЦДТ) в Москве переслал через ВОКС пьесы В. Катаева, С. Михалкова, С. Маршака, Т. Габбе; направлена была также программа спектаклей ЦДТ, подготовленных к 30-й годовщине Октября [2, д. 241, л. 12, 14]. В адрес Театра молодежи и детей в Варшаве были посланы три пьесы из репертуара ЦДТ, о которых просили польские коллеги, и еще три, которые, как говорилось в письме из Москвы, могут подойти в связи с возможностями сценической площадки и малочисленностью группы; дополнительно направлялась сводная программа ЦДТ для ознакомления с его репертуаром [2, д. 241, л. 27]. В письме «Театра джечи» в ВОКС говорилось: «Принимаясь за работу, мы рассчитывали... искать материал в богатом и разностороннем репертуаре (советского) ТЮЗа, достижения которого являлись для нас образцом». Театр интересовался пьесой «Горячих дел мастера» Э. Цюрупы, опубликованной в сокращении в журнале «Затейник» (1948, № 4), и эта пьеса была послана адресату [2, д. 251, л. 51 и об.]. По просьбе «Театра молодых» ему были направлены материалы для постановки пьесы «Двадцать лет спустя» М. Светлова (клавир песен, фотографии отдельных сцен спектакля, поставленного в ЦДТ в Москве, режиссерские указания к пьесе) [2, д. 251, л. 7, 9; д. 257, л. 51; д. 260, л. 1—14]. Для детского театра профсоюза горняков Польши ВОКС послало пьесу «Снежок» В. Любимовой [2, д. 247, л. 103, 107].

Среди материалов, направляемых ВОКС для детских театров Польши, были не только тексты пьес, но и литература о советском театре для детей, о проблемах художественного воспитания в СССР.

Развивались контакты и в области художественной самодеятельности. Осенью 1945 г. министр культуры и искусства Польши В. Ковальский в интервью представителю Польпресс говорил: «Нас интересуют произведения советских драматургов, особенно одноактные пьесы, которые могли бы быть использованы на сценах крестьянских самодеятельных театров»

[1, т. VIII, с. 567]. ВОКС неоднократно передавало одноактные пьесы для коллективов художественной самодеятельности в Польше [2, д. 257, л. 129, 130, 194, 195, 203; д. 258, л. 83, 84].

Эти коллективы приняли широкое участие в конкурсе и фестивале русских и советских пьес 1949 г. В репертуаре рабочих любительских коллективов было около 40 пьес, главным образом советских драматургов. Среди наиболее удачных спектаклей рабочей художественной самодеятельности были инсценировки романа Горького «Мать» (в постановке театрального коллектива завода им. Цегельского в Познани) и романа Фадеева «Молодая гвардия» (в постановке коллектива текстильной фабрики № 1 в Белявах в Нижней Силезии) [3, № 48, 1949, с. 14].

К воеводским просмотрам было допущено 234 коллектива сельской художественной самодеятельности, из которых для всепольского смотра в Варшаве были отобраны 49 художественных (театральных, хоровых, танцевальных и инструментальных) коллективов. Наибольшим успехом (показатель — количество коллективов, поставивших одну и ту же пьесу) в сельской художественной самодеятельности пользовались пьесы А. П. Чехова, М. Горького, В. В. Маяковского, Е. Петрова, Ю. Германа. Лучшими были признаны инсценировка по Маяковскому «Радио-Октябрь» (коллектив из Бодзанова Плоцкого повята) и 2-й акт пьесы «Остров мира» Петрова (коллектив лесопильни в Краковском воеводстве). На спектаклях сельских художественных коллективов побывали в Поморском воеводстве 62 200 человек, Люблинском — 45 тыс., Вроцлавском — 27 тыс. человек [3, № 48, 1949, с. 12].

Постановка произведений русских и советских драматургов в польских театрах знакомила зрителя с русской и советской культурой, обогащала его представления о Советской стране.

Важное значение для популяризации советского театрального искусства и развития советско-польских театральных связей имели гастроли советских театральных коллективов в Польше. В ноябре-декабре 1948 г. состоялись гастроли Государственного центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова. Театр дал 57 спектаклей и концертов, а сам Образцов выступил 25 раз в Варшаве, Кракове, Катовицах, Бельске, Хожуве, Лодзи, Вроцлаве (из них 17 концертов на фабриках, заводах, шахтах и учебных заведениях). На концертах присутствовали свыше 70 тыс. человек. Короткометражный фильм о гастролях театра посмотрели жители многих других районов [3, № 1, 1949, с. 13]. Выступления театра произвели большое впечатление на польского зрителя [3, № 12, 1949, с. 28—29; 2, д. 262, л. 127—133]. Представитель Краковского воеводского комитета ППР в беседе с Образцовым сказал, что театр «заставил не только нас, друзей Ваших, пережить чувство глубокого восхищения советским искусством, но, что более важно, Вы покорили своим искусством даже сердца наших врагов» [2, д. 257, л. 8]. С. В. Образцов, год спустя вспоминая о пребывании театра в Польше, говорил о той радости, которую советские артисты испытывали, видя большой интерес польских зрителей к произведениям советских драматургов и русских классиков, проявление чувств самой искренней дружбы и симпатии к Советскому Союзу и его людям [1, т. IX, с. 433].

В апреле 1949 г. Московский театр драмы (худ. рук. Н. П. Охлопков), выступивший в Варшаве, Лодзи, Кракове, Катовицах, Познани, показал пьесы «Великие дни» Н. Вирты, «Суд чести» А. Штейна, «Таня» А. Арбузова, «Весна в Москве» В. Гусева и инсценировку «Молодой гвардии» А. Фадеева [3, № 14, 1949, с. 13]. Спектакли театра оценивались театрами как сенсация, отмечалось также высокое мастерство советских актеров [3, № 15—16, 1949, с. 16; № 18, 1949, с. 14]. Их выступления выходили за рамки просто культурного события, сопровождаясь проявлениями дружеских чувств присутствующих к Советской стране. Стремясь к контактам с широким зрителем, московские артисты дали несколько концертов для рабочих текстильных фабрик в Лодзи [3, № 19, 1949, с. 10].

В июле-августе 1949 г. в Польше состоялись гастроли балетного ансамбля Большого театра СССР. На пресс-конференции, организованной

Обществом польско-советской дружбы, руководители коллектива М. Габович и А. Томский рассказали о путях развития советского хореографического искусства и познакомили представителей прессы с творческими биографиями приехавших артистов. Балетный коллектив дал 19 спектаклей (в Варшаве, Жирардове, Кракове, Катовицах, Вроцлаве, Познани, Сопоте и Гданьске), на которых присутствовали 85 тыс. зрителей. Некоторые спектакли (например, концерт на стадионе «Легия», собравший около 12 тыс. человек, концерт в ДК Жирардовского текстильного комбината, после которого советские артисты в торжественной обстановке возложили все полученные ими цветы на братскую могилу погибших во время войны) превращались в демонстрации польско-советской дружбы. Польские газеты и журналы поместили большое количество материалов, посвященных как балетным спектаклям, так и советскому искусству в целом. В журнальной статье, автор которой побывал на репетициях балетной группы и видел два ее спектакля в Варшаве, рассказывалось о русской хореографии, о высоком уровне советского хореографического искусства, говорилось, что «это бесспорно лучший балет, балет мировой славы» [3, № 31, 1949, с. 10]. Восторженно оценивалось мастерство Лепешинской, чей танец «легче воздуха, красноречивее слов, мелодичнее сопровождающей его музыки» и других ведущих солистов прославленного театра [3, № 32, 1949, с. 11]. В другой статье рассказывалось о выступлении артистов советского балета в ДК рабочих города Жирардова, когда зал на 2 тыс. зрителей не вместил всех желающих попасть на концерт, который стал «не только триумфом советской хореографии, но прежде всего крупной манифестацией дружбы и солидарности двух народов» и приводились слова руководителя группы, солиста балета ГАБТ А. Томского, сказанные им перед началом другого концерта для рабочих (в Катовицах): «С большим удовольствием и радостью мы выступим перед польским рабочим, трудом которого, вложенным в дело восстановления страны, восхищаемся» [3, № 32, 1949, с. 11].

Общее настроение гастролировавшей в Польше группы московского балета выразил А. Томский на приеме, устроенном в честь артистов балета в польском посольстве в Москве, сказав корреспонденту ПАП, что «пребывание в Польше и сердечный прием, оказанный польским народом, произвели на советских артистов незабываемое впечатление» [3, № 36, 1949, с. 8].

Гастроли советского балета явились значительным событием в советско-польских театральных контактах; в связи с ними в польской прессе говорилось о необходимости воссоздания польского национального балета.

Живой отклик в среде художественной общественности обеих стран находили мероприятия, посвященные творчеству выдающихся деятелей театра и знаменитых театральных коллективов.

В 1947 г. в Польше проходил фестиваль шекспировских пьес. По просьбе МКИИ Польши ему были посланы ВОКСом статьи об отдельных постановках великого драматурга в СССР, о шекспировском фестивале в Армении, около 70 фотографий сцен из спектаклей, поставленных по пьесам Шекспира в театрах Москвы, Сталинграда, Воронежа, Тбилиси, Еревана [2, д. 235, л. 83, 85]. Лауреатом шекспировского фестиваля в Польше стал известный актер М. Выжиковский (исполнение роли Гамлета), который в работе над образом исходил из трактовки, принятой в советском театре [3, № 11, 1948, с. 51].

Торжественно и широко отмечались в Польше юбилеи Московского художественного академического театра СССР им. М. Горького (1948) и Государственного академического Малого театра Союза ССР (1949).

В августе 1948 г. известный мастер польской сцены проф. Высшей театральной школы в Лодзи Г. Шлетыньский обратился к Вс. Пудовкину с просьбой прислать материалы о творчестве К. С. Станиславского и справку о юбилее МХАТ, которые необходимы были ему для работы над предисловием к переводу книги Станиславского «Работа актера над собой». Пудовкин направил Шлетыньскому статьи о МХАТе и «Ежегодники МХАТ» за 1944 и 1946 гг. [2, д. 249, л. 59, 69; д. 250, л. 87—88]. Кроме того,

ВОКС послало в Польшу книги о МХАТе (в частности, «Этику» Станиславского) и «Ежегодники», статьи о МХАТе (например, статью Вл. И. Немировича-Данченко, написанную в 1938 г. к 40-летию МХАТ), фотоподборку «МХАТ», грампластинки с записями сцен из спектаклей МХАТ (для Польского радио) [2, д. 249, л. 52, 79, 84].

В Польше была создана Комиссия по проведению юбилея МХАТ. МКИИ Польши, Главное правление ОПСД, театр в Катовицах, режиссер А. Зельверович, театры в Кракове, театр Войска Польского в Лодзи, театр «Выбжеже» в Гданьске, Союз актеров польских сцен направили приветственные телеграммы юбиляру. Были подготовлены статьи В. Сокорским, польскими театральными деятелями Л. Шиллером, А. Шифманом, А. Зельверовичем, В. Красновецким, драматургом Л. Кручковским [2, д. 248, л. 49]. В день юбилея (26 октября) во всех польских театрах были прочитаны доклады о 50-летию МХАТ, на Польском радио прошла большая передача, посвященная юбиляру; в клубе ОПСД состоялось торжественное заседание [1, т. IX, с. 361]. ОПСД разослало полученную от ВОКС выставку «МХАТ» (в 15 экз.) в театры Польши, а МКИИ подготавливало выставку о знаменитом театре, приурочивая ее также к фестивалю советских пьес [2, д. 254, л. 32].

В связи с юбилеем МХАТ журнал «Пшиязнь» поместил статью «Великий праздник советского театра» и фоторепортаж, отражающий историю и творческие достижения театра. В статье отмечалось, в частности, что под непосредственным влиянием Художественного театра в Польше возник ансамбль «Редута» (1919—1939) во главе с Ю. Остервой. Художественный уровень, достигнутый театром за 50 лет творческой деятельности, высоко оценивался в статье: «Театр завоевал славу ведущей драматической сцены не только в СССР, но и во всем мире» [3, № 11, 1948, с. 36—38].

В связи со 125-летием со дня основания Малого театра (26 октября 1949 г.) ВОКС послало в Польшу выставки, буклеты, статьи о театре [2, д. 259, л. 149, 150, 179 и об.], фотографии, плакаты, книги, портреты ведущих актеров театра [2, д. 254, л. 36], восемь комплектов выставки «125-летие Московского Малого театра» [2, д. 261, л. 65].

Из Польши в связи с юбилеем в адрес театра было послано 28 поздравительных телеграмм от театральных коллективов, режиссеров и артистов, министра культуры и искусства, ОПСД. 27 октября перед началом спектаклей в театрах прочитаны доклады о Малом театре. ОПСД устроило выставку «125-летие Московского Малого театра», разослало своим отделениям 20 выставок, которые экспонировались во всех крупных городах; был смонтирован альбом, содержащий вырезки статей и заметок из польских газет о Малом театре [2, л. 251, л. 4].

Пропаганде русского и советского театрального искусства в Польше способствовал журнал «Пшиязнь» (редколлегия журнала до августа 1948 г. возглавлял известный польский прозаик и драматург Л. Кручковский). В журнале публиковались разнообразные материалы об истории советского театра, о новых пьесах советских драматургов, о театральных премьерах в Москве и других событиях театральной жизни в СССР, гастролях советских театральных коллективов в Польше, о пьесах русских и советских драматургов, поставленных на польских сценах, а также информация о выходящих из печати в Польше переводах пьес советского театрального репертуара. В 1949 г. в журнале появилась новая рубрика «Посмотри, послушай, прочитай», объединявшая материал о новых спектаклях польских театров, обратившихся к творчеству советских драматургов, о передачах Польского радио, посвященных культуре братской Советской страны, о новых переводах произведений советских писателей и драматургов, опубликованных издательствами Польши. Под этой рубрикой за 1949 г. было опубликовано более 20 рецензий и коротких информаций о премьерах советских пьес в театрах Польши.

В свою очередь советская общественность проявляла большой интерес к произведениям польской драматургии, театральному искусству Польши.

В конце 1944 г. в Киеве был поставлен спектакль «Дьявол и корчмарка»

по пьесе С. Кшишовшевского [8, с. 224]. В 1946 г. в театрах Киева и Петрозаводска шла пьеса «Дамы и гусары» А. Фредро, в Харькове — «Мораль пани Дульской» Г. Запольской, в Таганроге ее пьеса «Панна Малишевская» [9, № 8—9, 1946, с. 35—36; 3, № 3—4, 1946, с. 12]. Московский театр драмы и комедии включил в свой репертуар 1947 г. пьесу «Маскарад» Я. Ивашкевича [3, № 8—9, 1946, с. 24]. По просьбе Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко в 1949 г. ему были направлены из Польши либретто, партитура и клавиры оперы «Страшный двор» С. Монюшко, которую театр предполагал включить в репертуар 1949/50 гг. [2, д. 247, л. 39, 70 об.; д. 257, л. 180]. Опера «Галька» С. Монюшко в 1948 г. была поставлена оперной студией Ленинградской консерватории [3, № 1, 1949, с. 6] и оперным театром во Львове [9, № 3, 1949, с. 63]. Премьерой «Гальки» открыл сезон 1949/50 гг. филиал Большого театра в Москве [3, № 39, 1949, с. 14; № 46, 1949, с. 23; 9, № 7, 1949, с. 64]; в том же сезоне она появилась в репертуаре узбекского театра оперы и балета им. А. Навои [3, № 41, 1949, с. 11; № 46, 1949, с. 23]; репетиции спектакля по этой опере начались в 1949 г. в оперном театре Киева [3, № 41, 1949, с. 11].

Гостями Советской страны были известные польские актеры и режиссеры. В мае 1946 г. в Москву приезжал А. Зельверович, установивший контакты с видными деятелями советского театрального искусства [2, д. 236, л. 85]. В связи с 50-летием творческой деятельности польского актера в марте 1947 г. Всероссийское театральное общество (ВТО) направило ему письмо, в котором он был назван «одним из самых передовых деятелей современного польского театра», «актером-патриотом, посвятившим себя строительству народного демократического польского театра, создавшим один из лучших своих последних образов в пьесе советского драматурга» [2, д. 238, л. 118, 121]. (Речь шла, очевидно, о роли профессора Полежаева в спектакле театра Войска Польского в Лодзи по пьесе Д. Рахманова «Беспокойная старость» — об игре Зельверовича в этом спектакле см. [3, № 10, 1948, с. 21].) В 1949 г. Зельверович написал отзыв (для очередного номера «Ежегодника МХАТ») о В. И. Качалове, игру которого видел несколько раз (впервые в 1908 г., а в последний раз — в 1947 г.) [2, д. 251, л. 5, 6; д. 257, л. 49].

В 1948 г. в Москве побывал Л. Шиллер; его приезд способствовал установлению связи советской театральной общественности с театром Войска Польского в Лодзи, руководимым им [2, д. 238, л. 117; д. 249, л. 34; д. 251, л. 78, 78а].

В начале 1949 г. в Москве и Ленинграде находился известный польский оперный певец, руководитель вокальной части Большого оперного театра в Познани Е. Гарда [2, д. 247, л. 245; д. 251, л. 50]. В Москве он дал три концерта в лучших концертных залах столицы [9, № 2, 1949, с. 63]. Возвратившись на родину, Гарда рассказал о достижениях советского театра на страницах журнала «Пшиязнь». Особое впечатление на него произвела постановка Большим театром «Бориса Годунова». Восхищаясь советским балетом, равного которому он не видел в Европе, Гарда выделил в успехе просмотренных им спектаклей «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева и «Шопениана» (в инструментовке А. Глазунова) большую заслугу Г. Улановой, чье мастерство определено им в словах: «не балерина, а явление». Особенно его покорила московская постановка «Шопенианы», известной ему по театрам Италии и Франции. Из спектаклей драматического театра Гарда отметил «Синюю птицу» по пьесе М. Метерлинка, поставленную во МХАТе, сказав, что эта постановка превосходит все другие, виденные им не раз за границей. Советскую театральную публику польский артист назвал одной «из наиболее музыкально и театрально образованных в мире». С радостью говорил Гарда о том, что в Советском Союзе польская музыка пользуется большим пониманием, и особенно любимы произведения С. Монюшко [3, № 10, 1949, с. 10].

В 1948 г. советская театральная общественность отметила 35-летие Театра Польского в Варшаве и 40-летие творческой деятельности директора этого театра, режиссера А. Шифмана [2, д. 244, л. 2а, 3].

Оживленная переписка велась деятелями советского театра с режиссером проф. Высшей театральной школы в Лодзи Г. Шлетыньским [2, д. 244, л. 18].

В заключение можно констатировать, что советско-польские театральные контакты в 1946—1949 гг. получили значительное развитие, способствовали взаимному ознакомлению польской и советской общественности с искусством театра братских стран и становлению новой театральной культуры в Народной Польше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. М., 1974; Т. IX. М., 1976; Т. X. М., 1980.
2. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17.
3. Przyjaźń.
4. Очерки истории русского советского драматического театра. 1945—1959. Т. III. М., 1961.
5. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.
6. Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1977. М., 1979.
7. *Olejniczak M.* Polsko-radzieckie kontakty kulturalne po II wojnie światowej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977.
8. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich.— *Studia i materiały*. Т. VIII. Warszawa, 1971.
9. Славяне.

БЕРНШТЕЙН С. Б.

ЕЩЕ РАЗ О СРЕЗНЕВСКОМ

В 1979 г. в журнале «Вестник Московского университета» (№ 4) я опубликовал статью «О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения». В ней обращено внимание на то, что в трудах историографического цикла прочно утвердились многие готовые штампы, резко снижающие научный уровень. Речь прежде всего идет о стремлении авторов изобразить научную и общественную деятельность ученых прошлого всегда в идиллических тонах. Сплошь и рядом ученые, воевавшие в прошлом друг с другом, отрицавшие научные заслуги друг друга, теперь в современных работах о них все получают полную индульгенцию: все они в равной степени были хорошими учеными, все внесли ценный вклад в науку. Порой кажется, что читаешь не серьезный историографический труд, а некролог, сам жанр которого требует известных преувеличений. Это я стремился показать на примере оценок научной, педагогической и общественной деятельности крупного русского филолога акад. И. И. Срезневского.

На мою статью откликнулся ленинградский филолог проф. Н. А. Мещерский, автор многих историографических очерков, в частности, статьи «И. И. Срезневский», опубликованной в книге «Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете» (Л., 1971). В рецензии на книгу «Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв.» (Л., 1980), помещенной в журнале «Филологические науки», проф. Н. А. Мещерский пишет: «Еще более отрицательная оценка мировоззрения Срезневского была высказана в статье С. Б. Бернштейна „О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения“... Автор названной статьи считает признаком „поправления“ и реакционности идейных взглядов И. И. Срезневского обращение к изучению истории русского языка и его древних памятников. С этим согласиться невозможно: идейные позиции ученого в главном всегда оставались прогрессивными для своей эпохи. И. И. Срезневский пришел к необходимости изучения древних памятников русского языка еще в 1840-х годах, когда начал читать в Харьковском университете курс истории русского языка. Уже тогда он понял, что изучение древнерусского языка немыслимо без источников — именно это вызвало обращение ученого к текстам памятников, в то время не известных науке, не учтенных и не исследованных. Поэтому громадную научную ценность представляют труды И. И. Срезневского, вышедшие в 1850—70-х годах, такие, как знаменитые „Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках древнерусского языка“ (СПб., 1864—1881), „Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв.“ (СПб., 1863; 2-е изд., СПб., 1882) и др.» [1, с. 86].

Итак, согласно Н. А. Мещерскому, я утверждаю, что признаком «поправления» Срезневского после его переезда из Харькова в Петербург является уход ученого от славистической тематики в область изучения церковнославянского и древнерусского языков и письменности, и что, стало

быть, уже сама славистическая проблематика гарантирует принадлежность ученого к прогрессивным кругам русской научной интеллигенции, тогда как запятая церковнославянским и древнерусским языками толкают его в объятия обскурантизма. Внимательный читатель моей статьи ничего подобного в ней не найдет. Мы все хорошо знаем славистов прошлого, принадлежавших к крайне правым кругам (например, А. С. Будилевич, Т. Д. Флоринский и многие другие), и русистов, которые в представлении носителей официальных политических взглядов России принадлежали к неблагонадежным элементам (например, А. А. Шахматов). В моей статье речь идет о другом.

В 1835 г. в четырех русских университетах (Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском) были открыты кафедры «истории и литературы славянских наречий». «Странное название», — писал в свое время акад. И. В. Ягич. В России в те годы работали очень крупные специалисты в области церковнославянского и древнерусского языков, письменности и палеографии. На высоком уровне была техника изданий древних текстов. Были сделаны крупные открытия в различных направлениях. Достаточно назвать имена акад. А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, Е. А. Болховитинова (митрополита Евгения), П. М. Строева, А. И. Ермолаева, В. М. Ундольского, П. И. Кеплена и др. Однако никто из них не мог занять новых кафедр, так как речь в то время шла о специалистах не по древней славянской письменности, а по языкам и литературам зарубежных славянских народов. Только для этой цели и были организованы кафедры истории и литературы славянских наречий. Изучение церковнославянского и древнерусского языков находилось в ведении других кафедр. Именно с тех пор в России утвердилось четкое разграничение между русистами и славистами. Этому разграничению мы следуем и в настоящее время, несмотря на то, что русский язык, конечно, принадлежит к группе славянских языков. В отличие от нашей традиции за рубежом всю русистику включают в славянскую филологию.

Хорошо подготовленных славистов в России в момент организации кафедр истории и литературы славянских наречий не было. Попытки привлечения специалистов из-за границы окончились неудачей. В связи с этим было принято решение послать способных молодых филологов за рубеж, где они могли бы под руководством известных ученых овладеть славянскими языками, изучить их историю, основательно познакомиться с литературой, народными обычаями, фольклором, историей славянских народов. Как известно, от Харьковского университета за границу был командирован Срезневский, который, будучи по своей прямой специальности юристом, проявил, однако, большой интерес к фольклору и этнографии. За рубежом молодой ученый провел три года (с 1839 по 1842 гг.). Командировка прошла весьма успешно. Срезневский близко познакомился с жизнью и бытом зарубежного славянства из различных слоев населения, хорошо овладел научно и практически многими славянскими языками (утверждение Н. А. Мещерского, что Срезневский теоретически и практически овладел всеми западными и южными славянскими языками и наречиями, является преувеличением), привез с собой много разнообразных материалов, записей, книг и пр. В Харькове началась педагогическая деятельность Срезневского, которая продолжалась здесь почти пять лет. До переезда в Петербург в самом конце 1846 г. ученый за короткий срок опубликовал ряд специальных исследований и популярных статей по различным вопросам славяноведения. Укажу некоторые из них: «Публичные чтения о славянах» (1843), «Жумборские усюки» (1843), «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» (1844), «Фриульские славяне» (1844), «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских» (1845), «Очерк книгопечатания в Болгарии» (1846), «Об обожании солнца у древних славян» (1845) и др. Разнообразие сюжетов отражало состояние славяноведения в России и не может вызвать упрека. В то время была велика потребность именно в таких публикациях. Русское славяноведение делало лишь первые шаги. Перед отъездом в Петербург Срезневский первым в России защитил докторскую диссертацию

по славянской филологии. В Харькове завершился собственно славяноведческий период в научной деятельности ученого. В архиве Срезневского хранится много ценных материалов, собранных им во время его трехлетнего пребывания у зарубежных славян, обработкой которых он в Петербурге уже не занимался.

Срезневский появился в Петербурге в «горячее» время. Начались жесткие репрессии правительства за малейшее проявление вольнодумства. Напомню, что только за публичное чтение письма Белинского к Гоголю молодой Достоевский был приговорен к расстрелу. В марте 1847 г. было разгромлено «Кирилло-Мефодиевское общество», во главе которого стоял историк Н. И. Костомаров, с которым Срезневский находился в дружеских отношениях и которого, кстати, он обучал украинскому языку. В. И. Срезневский (сын И. И. Срезневского) пишет об этом периоде: «Это было время страха перед идеей славянства и гонения как на славянофилов, так и на всех лиц, у которых мелькали общеславянские мечты и вне политики... Естественно подверглись гонению и кафедры славяноведения — науки, касающейся всей совокупности славян, как единого целого» [2, с. 24].

В Петербурге произошел быстрый и резкий поворот интересов Срезневского от славянского языкознания, от славянской этнографии и фольклора к истории русского языка. Толковать этот поворот можно по-разному, но отрицать его нельзя. Служебное положение обязывало профессора читать лекции из славянской филологии, но научная его деятельность теперь была полностью связана с изучением истории русского языка, с изданием древних церковнославянских и русских памятников. И в педагогической деятельности профессора обучение славянским языкам вскоре уступает место собственно русской тематике. «В ту пору, — пишет П. Н. Полевой, — когда началось мое знакомство с Измаилом Ивановичем, он, хотя и числился при университете профессором славянских наречий, но в сущности никаким из славянских языков, кроме древнерусского, не занимался» [3, с. 132].

Начался новый период в научной деятельности Срезневского в Петербурге очень ярко. Молодой профессор университета 8 февраля 1849 г. с большим успехом прочитал публичную лекцию «Мысли об истории русского языка». Лектор дал беглый обзор основных этапов истории русского языка, сообщило о связях русского языка с другими славянскими языками, об отношении русского языка к церковнославянскому и пр. Позже критика отметит ряд спорных и даже просто ошибочных утверждений в знаменитой лекции, но в середине XIX в. она могла вызвать лишь самую положительную оценку. Покоряла слушателей способность Срезневского к широким обобщениям, четкость формулировок, строгая логика.

Уход Срезневского от славистической тематики самым отрицательным образом сказался на судьбах петербургской славистики. Это хорошо сознавали современники Срезневского. Часто высказывались суждения, что при П. И. Прейсе славистика в столичном университете развивалась бы более успешно. В 1848 г. П. С. Билярский свой труд «О средне-болгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия» посвятил памяти скончавшегося Прейса. В 1858 г. вышло из печати второе издание труда. Здесь в предисловии «Памяти П. И. Прейса» Билярский пишет: «Через десять лет я повторяю посвящение с тем же чувством невознаградимости утраты, да — вдобавок — с сознанием тех последствий для филологии, которые я тогда предчувствовал». Билярский имел право так написать.

Однако очень скоро в Петербурге в деятельности Срезневского произошел еще один крутой поворот. От широких обобщений, характерных для «Мыслей об истории русского языка», ученый перешел к изучению частных и мелких вопросов, к публикации памятников письменности, обычно отрывков из них. Об этом повороте очень деликатно сказал А. А. Шахматов, открывая торжественное заседание Академии Наук, посвященное столетию со дня рождения Срезневского: «Высокий полет творческой мысли,

блестящее и вдохновенное исследование уступают место огромному труду по собиранию и обработке материалов» [2, с. VII]. Совершенно в ином стиле этот отход от вдохновенных исследований охарактеризовал современник Срезневского А. М. Скабичевский. Когда «на его же глазах воздвиглось гонение на славянофилов, то он подбил свои подошвы гвоздями безусловного отрицания каких бы то ни было теорий и обобщений. Он был слишком умен, чтобы полагать, что наука существует для одной переборки мелких фактов, подобно тому, как монах перебирает четки. Но он знал также, что такая наука не только безобидна и безвредна, но и споспешествует преуспеянию по службе» [4, с. 77].

Как известно, специальную подготовку у Срезневского в университете проходили Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев, в Главном педагогическом институте — Н. А. Добролюбов. Среди них наиболее близок к Срезневскому был Чернышевский, который не только слушал лекции профессора, но и по его указанию составлял словарь к Ипатьевской летописи, а кроме того выполнял самые разнообразные его поручения, в частности, вел подробную запись лекций профессора по истории русского языка в 1849/50 учебном году. «В „Дневнике“ Н. Г. Чернышевского за эти годы, — пишет Н. А. Мещерский, — сохранилось немало записей, в которых будущий великий ученый и критик сочувственными тонами запечатлел образ своего первого руководителя» [5, с. 19]. Действительно, таких записей много и среди них имеются весьма положительные. Ограничусь двумя цитатами. «И. И. Срезневский один из лучших людей, которых я знаю», — пишет студент Чернышевский Г. С. Сабулову [6, т. XIV, с. 148]. Запись в дневнике от 15 июля 1849 г.: «Весьма хороший человек этот Срезневский» [6, т. I, с. 301]. Однако проф. Мещерский умолчал, что среди многочисленных отзывов имеются и иные оценки. Вот, например, запись в дневнике от 8 октября 1848 г.: «... я теперь мало думаю о нем и почти не одушевляюсь им» [6, т. I, с. 143]. При чтении дневниковых записей Чернышевского нельзя отделаться от ощущения, что маститый профессор бесцеремонно эксплуатировал своего студента. Чернышевский безвозмездно выполнял огромный объем различных поручений. Примечательно, что профессор-славист не смог привить своему близкому ученику любви к славянским языкам. Вот еще одна выдержка из письма Чернышевского: «Может быть, придется держать экзамен по славянским наречиям, хоть этот предмет сам по себе меньше следующих привлекателен для меня» [6, т. XIV, с. 164]. Чернышевский проходил университетский курс с 1846 по 1850 гг. Уже к концу своего пребывания в университете у Чернышевского сформировались такие политические взгляды, которые резко оттолкнули его от консервативно настроенного профессора. Утверждение Мещерского, что «близкие связи Н. Г. Чернышевского с И. И. Срезневским продолжают до защиты магистерской диссертации в 1855 г.», не подтверждаются фактами.

После возвращения из Саратова в 1853 г. началась активная журналистская деятельность Чернышевского в «Отечественных записках», а затем в «Современнике». Еще до этого между учителем и его бывшим учеником были прерваны все отношения. Жизненные пути их разошлись. Осенью 1861 г. во время студенческих волнений в университете именно Срезневский был утвержден в должности ректора. На этом ответственном посту он сменил П. А. Плетнева, стоявшего на умеренно-либеральных позициях. Чернышевский же летом 1862 г. был заключен в Петропавловскую крепость, откуда через два года был выслан в Сибирь на каторжные работы, а затем на вечное поселение. Принадлежа к самому правому крылу петербургской профессуры, Срезневский, по словам проф. Мещерского, не высказывал своих политических симпатий Чернышевскому только из осторожности: «Следует еще иметь в виду известную осторожность И. И. Срезневского в высказывании своих политических симпатий, что абсолютно исключало выражения сочувствия к объявленному в 1863 г. „государственным преступником“ Чернышевскому» [7, с. 65]. Политические симпатии Срезневского хорошо известны и он никогда их не скрывал. Кстати, Чернышевский был объявлен государственным преступни-

ком не в 1863, а в 1864 г. Обряд гражданской казни на Мытнинской площади был совершен 19 мая 1864 г.

Обычно биографы Срезневского обходят полным молчанием известную работу Д. И. Писарева «Наша университетская наука», написанную им в крепости. Написанная в стиле литературного памфлета, она сыграла большую роль в развитии общественного самосознания, демократизации науки и высшего образования. Через двадцать лет после публикации работы на историко-филологический факультет Петербургского университета поступил будущий писатель В. В. Вересаев. В своих воспоминаниях он свидетельствует, что еще в середине 80-х годов работа Писарева не только читалась, но и активно участвовала в формировании взглядов молодежи на науку, на научную деятельность. Вересаев 7 ноября 1884 г. пишет в дневнике: «Сегодня прочел первую статью Писарева о нашей университетской науке, и она заставила меня прийти к тому выводу, что прежде чем читать Нестора и „Русскую правду“ нужно изучить Шекспира, Гете, Шиллера и т. д., с одной стороны, Гизо, Гервинуса, Ранке, Тьера, Маколея, с другой — нужно познакомиться с политической экономией, изучить новую русскую литературу, не читать, а изучать, начиная Белинским с его учениками, затем Писарева, Добролюбова, Чернышевского — Хомякова, Аксаковых, Самарина (Ю. Ф.); французскую, немецкую, английскую литературу и т. д., — тогда уже можно будет приняться за Нестора и „Русскую правду“ [8, с. 218].

Срезневский в «Нашей университетской науке» выведен под вымышленной фамилией профессора Сварожича. Заслужой проф. Мещерского является то, что он не побоялся нарушить «фигуру умолчания» и в отличие от большинства историков русского славяноведения смело подошел к памфлету Писарева. Однако он сделал лишь первый шаг, так как вопреки совершенно определенным и точным характеристикам Сварожича стремился доказать, что «в этом портрете, несомненно тенденциозно изображенном, со значительной долей гиперболизации и полемического заострения, все же бесспорно проступают симпатичные черты ученого, влюбленного в свою научную отрасль и умеющего сурово разоблачать полужнаство, какими бы красивыми словами и мечтаниями оно не прикрывалось. Ум и научная честность — вот главные черты, отмеченные в очерке Д. И. Писарева в отношении профессора Сварожича и его жизненного прототипа» [5, с. 20]. Мещерский особо подчеркивает, что Писарев выделял Сварожича среди Креозотова (М. И. Касторского), Кавыляева (Н. Д. Астафьева), Иронианского (М. М. Стасюлевича), Телицына (М. И. Сухомлинова). Действительно, Писарев считал Сварожича ярче и умнее других профессоров университета. Однако именно поэтому он отнесся к Сварожичу суровее и жестче. «Начиная писать эту главу о Сварожиче», — читаем у Писарева, — я хотел отнести к нему почти с сочувствием, но чем пристальнее я всматриваюсь в эту замечательную личность, тем ниже падает она в моих глазах, и я начинаю чувствовать против нее такое негодование, какого не могли возбудить во мне ни Креозотов, ни Телицын, ни даже Иронианский. Тут нет, впрочем ничего необъяснимого. И Креозотов, и Телицын, и Иронианский — смешные лилипуты в сравнении со Сварожичем» [9, с. 172].

Писарев дает блестящий и глубоко правдивый психологический портрет ученого. «Умственные страдания мои увеличивались каждый раз, когда я виделся и разговаривал с профессором Сварожичем, занимавшим в нашем университете кафедру славянских наречий... Не подлежит сомнению то обстоятельство, что он был умнее всех профессоров нашего факультета. Но ум этот, острый и пронизывательный, сухой и трезвый, был преимущественно разлагающего свойства; он мог преследовать ошибочную гипотезу в ее последнее убежище, он мог разбивать красивую мечту без всякого сострадания к ее красоте, он разрушал всякую теорию, показывал несостоятельность всякого рискованного предположения, — и затем, окончив дело истребления, воздерживался от всякой попытки собственного творчества... Историк, подобный Сварожичу, не ошибается никогда, потому что никогда не бывает историком. Его критика взвешивает каждый

факт отдельно, отбрасывает все, что неправдоподобно, подмечает каждое внутреннее противоречие и пользуется им с замечательным остроумием. Потом, когда весь механизм прошедшей жизни развинчен и разобран, когда все колеса, винты и гайки пересмотрены и вычищены, тогда вся эта груда очищенных частей оставляется в виде груды, и работник принимается за разборку другой машины. То, что делается в области истории, повторяется также в области филологии: язык так же развинчивается на звуки и части речи, а жизнь и дух языка, его особенности и красота, в которых выразились свойства народа, остаются нетронутыми и непонятыми» [9, с. 170—171].

Писарев не принадлежал к тем русским публицистам, которые, имея весьма слабое представление о внутренней жизни Петербургского университета, поливали его грязью (см., например, известный роман В. В. Крестовского «Панургово стадо».) Немало в этом направлении потрудились писатели Лесков и Писемский. «Наша университетская наука» принадлежит к другому виду литературы. Работа написана с глубоким знанием дела, написана горячо и взволнованно. Конечно, имеются в ней и ошибочные мысли и преувеличения. Она блестящий документ своей эпохи, в главном правдивый документ. Писареву была чужда та проблематика, которой должен был заниматься Срезневский. Однако он критикует ученого не за занятия славянской филологией. Острие его критики направлено против моральных принципов Сварожича, против его отношения к науке вообще.

Срезневский был отлично подготовлен, чтобы успешно строить здание университетской и академической славистики. Однако он ее оставил и перешел в ряды специалистов по церковнославянскому и древнерусскому языкам. Это было весьма неосмотрительно, так как в России, как уже я отмечал выше, работало много первоклассных специалистов, выдающихся знатоков древней славянской письменности, славянской палеографии, опытных издателей древних текстов. У Срезневского в этих областях филологии подготовки не было. В отличие от Прейса, Бодянского и Григоровича, Срезневский во время своего заграничного путешествия древней славянской письменностью специально не интересовался. Поэтому за короткий срок в Петербурге он должен был совершенно самостоятельно овладеть новым кругом знаний и навыков. Несмотря на упорный труд, Срезневский не смог освоить технику издания древних памятников так, как ей владели Востоков, Калайдович и другие члены «кружка Н. П. Румянцева». Он это отлично сознавал сам и поэтому ограничивался публикацией небольших отрывков. Все эти издания уже давно утратили всякое значение. И. В. Ягич имел все основания назвать Срезневского антикваром. «Из бывшего до тех пор (т. е. до переезда в Петербург. — С. Б.) этнографа, любителя народной поэзии с широким фоном бытовых особенностей, вышел мало-помалу литературный антиквар, любитель памятников древней письменности и русско-славянской старины вообще... Он из бывшего до тех пор слависта этнографа сделался, почти слишком удалившись в сторону, преимущественно собирателем, описателем и издателем русско-славянских древних памятников письменности. Описывая новооткрываемые памятники, он давал, конечно, также характеристику их языка, но она не отличалась ни глубиной, ни оригинальностью» [10, с. 467—468].

Завершая свою яркую и правдивую характеристику личности Срезневского, П. Н. Полевой пишет: «С полным убеждением я готов утверждать, что он (Срезневский. — С. Б.), при своих способностях и знаниях, мог бы быть одним из самых крупных русских ученых; но у него не хватило на это характера и той бодрости духа, которые так необходимы при самостоятельной разработке научных вопросов... И чем дальше, тем больше развивалась в нем та мнительность, та недоверчивость к себе самому, которые не давали ему возможности приняться за что-нибудь большое и крупное, и способствовали тому, что он разменялся на мелочи и в преподавании своем, и в научной деятельности» [3, с. 133].

Срезневский призван был стать основоположником петербургской школы славистов. Однако эту роль выполнил его ученик акад. В. И. Ла-

мацкий. Полевой убедительно объясняет это воззрениями Срезневского на науку, на научное творчество. «К сожалению, Измаил Иванович внушал свое воззрение на научное исследование и той молодежи, которая его постоянно окружала и, тем самым, многих запугал и отбил от науки, а других в течение известного времени заставлял идти таким путем, к которому они, собственно говоря, вовсе не были способны. В результате получалось разочарование, отвращение от научной карьеры, и очень часто — разрыв с Измаилом Ивановичем, который для многих, не успешных в него поближе взглядеться, из обожаемого наставника и руководителя обращался потом в лютого врага... И это были не единичные случаи» [3, с. 133]. И дело было не только в воинствующем эмпиризме учителя. Известный русский педагог В. П. Острогорский пишет: «Ни сравнительной грамматики, ни истории славянских литератур, ни даже определенных представлений о старом и современном славянстве и его задачах он почти не давал, а просто разбрасывал перед немногими слушателями, как бы невзначай, целую массу отрывочных и оригинальных мыслей о языке вообще и разных теориях его происхождения, о тех или других славистах, отдельных русских писателях, древних памятниках, не пренебрегая анекдотом, метко обрисовывающим личность или явление. Даже самых памятников он почти никогда не читал, предлагая желающим изучать славянские наречия и литературу самостоятельно, что, конечно, было слишком трудно, но в то же время относился крайне снисходительно к тем, кто почти не занимался вовсе» [11, с. 72].

Перед славистами Института славяноведения и балканистики АН СССР в настоящее время поставлена задача написания фундаментальной истории русского славяноведения. Этот труд требует не только привлечения новых материалов, но и объективного и непредвзятого анализа творческой деятельности славистов прошлого. На этом пути авторов ждут большие трудности, так как многие оценки требуют серьезного пересмотра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филологические науки. М., 1982, № 1.
2. Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. Пг., 1916.
3. Полевой П. Н. Три типа русских ученых (Куник, Срезневский и Григорович). — Исторический вестник. Т. 76. СПб., 1899.
4. Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М. — Л., б. г.
5. Мецкерский Н. А. И. И. Срезневский. — В кн.: Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете. Л., 1971.
6. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 16-и томах. М., 1939—1953.
7. Мецкерский Н. А. И. И. Срезневский — учитель русских революционных демократов. — Вестн. Ленинградского ун-та, 1980, № 1.
8. Вересаев В. В. Воспоминания, 3-е изд. М. — Л., 1946.
9. Писарев Д. И. Сочинения. Т. 2. М., 1955.
10. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
11. Острогорский В. П. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851—1864). СПб., 1895.

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

На Предварительном съезде русских филологов в 1903 г. лектор Варшавского университета А. В. Михайлов обратил внимание участников съезда на памятники «общеславянского значения», а именно: исторические — свидетельства о деятельности Кирилла и Мефодия, и лингвистические — собственные труды Кирилла и Мефодия [1]. Указав, что главное место среди трудов Кирилла и Мефодия занимают переводы библейских текстов, А. В. Михайлов определил следующие четыре задачи и цели изучения этих переводов: 1) изучение истории библейских текстов у славян, включающее в себя установление древнеславянского прототипа и греческого оригинала каждого текста, определение отношения к Вульгате, определение авторства переводов и их качества, установление истории каждого текста в отдельности; 2) сбор материалов по истории старославянского и церковнославянского языков; 3) накопление лексических материалов для словаря церковнославянского языка; 4) извлечение библейских цитат из памятников письменности, на основании которых можно в дальнейшем определить историю тех текстов, в состав которых включены эти цитаты. Как видно, только исполнение первой задачи обеспечит исполнение последующих.

Что касается исторических памятников, то выполненное А. В. Горским в 1843 г. комментированное издание житий Кирилла и Мефодия по тексту Великих четьих миней митроп. Макария снабдило славянскую филологию авторитетным свидетельством о том, что Кирилл перевел Евангелие-апракос (глава XIV его жития) и что Кирилл и Мефодий перевели Псалтырь, Евангелие, Апостол и избранные службы, а после смерти брата Мефодий с помощниками (скорее всего, в течение восьми месяцев и с тремя помощниками [2, с. 25; 3, с. 11—12]) перевел оставшиеся библейские книги, кроме Маккавейских, Номоканон и отеческие книги (глава XV жития Мефодия) [4]. Эти свидетельства оказались полнее и точнее, чем доступные прежде свидетельства итальянской легенды и Иоанна, экзарха Болгарского. Однако при историко-филологическом изучении Геннадиевской библии — 1499 г. к первоначальному переводу А. В. Горский отнес лишь Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, Притчей и Псалтырь, а также Евангелие и Апостол [5, с. 132, 289 и сл., 326 и сл.; 6, с. ССVIII—ССXIV, ССXVIII—ССXLIII; 7]. Это шло вразрез с историческим свидетельством жития Мефодия, так что И. В. Ягич [8; 6, с. ССXIII, СССXX] предпочел остаться при тех же взглядах, которые прежде высказывал И. Добровский, т. е. что к начальному переводу относятся лишь Евангелие, Апостол и Псалтырь (анализ взглядов И. Добровского см. [6, с. CLXVII—СХСV; 9, 10]).

Выход из создавшегося затруднения А. В. Горский увидел в том, чтобы предположить утерю первоначального перевода некоторых частей Биб-

лии вследствие вытеснения четых списков списками толковыми [5, с. 135]. Несмотря на суровую критику А. В. Михайлова [6, с. ССXL], это предположение получило в науке прочное место, из новейших авторов его повторили И. Вашица [11, с. 31], Т. А. Иванова [2, с. 27].

Между тем, обстоятельная книга И. Вашицы [11] позволяет судить о тех результатах, которые достигнуты современной славистикой в деле изучения «лингвистических» памятников. Автор подробно излагает результаты исследований о переводе Кириллом литургических текстов (Синайский евхологий, Хиландарская рукопись с литургией св. Петра, Киевские и Венские листки), о составленных им предисловиях к Евангелию и Херсонской легенде ¹, о Номоканоне, Законе судном людем, Заповеди святых отец и анонимной омилии из Клоцева сборника как законодательном корпусе текстов, составленном Мефодием ². Между тем краткий обзор работ о переводе Евангелия начинается словами: «Несмотря на большие усилия многих поколений со времени И. Добровского, который положил начало научному изучению этих вопросов, многие из них остаются нерешенными» [11, с. 22]. Говоря о переводе Апостола, И. Вашица ограничился указанием на исследование этого памятника И. В. Ягичем, для Псалтыри назвал издания Синайской, Болонской и Чудовской рукописей и статью И. Вайса о греческой основе славянского текста, наконец, по поводу перевода Мефодием Ветхого завета заметил что «не сохранилось ни одного списка этого перевода» [11, с. 31].

Конечно, внимание И. Вашицы направлено прежде всего на литургические и законодательные переводы Кирилла и Мефодия, которым он посвятил ряд своих превосходных исследований, однако его лаконизм при обзоре переводов св. Писания отражает не столько бедность научной литературы по этому вопросу, сколько отсутствие серьезных филологических результатов, существенно дополняющих или меняющих наши сведения из исторических источников [17, с. 183].

Действительно, литература, посвященная, скажем, древнеславянскому Евангелию почти необозрима, но при этом отсутствует сколько-нибудь основательная текстологическая теория этого памятника, сравнимая с теми, которые разработаны для соответствующего греческого текста. Путь развития текста от краткого апракоса к тетеру и вновь от краткого апракоса к полному апракосу, намеченный в общих чертах [18—20], не привязан ни к конкретному месту, ни к определенному времени. Не ясно, например, возник ли полный апракос у восточных славян, как первоначально считал Г. А. Воскресенский [21], а теперь как будто Л. П. Жуковская [22, с. 110—121], или же он сложился в Болгарии в более ранний период, как стал думать Г. А. Воскресенский под влиянием критики М. Н. Сперанского и И. Е. Евсеева [23]. Обнаруженный Л. П. Жуковской тип сверхкраткого (воскресного) апракоса вообще может внести существенные изменения в имеющиеся схемы [24, с. 73—84; 22, с. 241 и сл.].

Критическое издание древнеславянского текста по основной массе известных списков можно было бы считать значительным, но не заключительным этапом в изучении такого памятника, как Евангелие. Вместо этого славистика располагает лишь реконструкцией текста, предпринятой в 30-е годы И. Вайсом.

Используя в своем издании 13 древнейших списков, И. Вайс ³ решающую роль отвел свидетельствам двух из них — Ассеманиеву служеб-

¹ Принадлежность ее Кириллу не признается, например, Н. К. Никольским [12, с. 405—416], который, напротив, не сомневался в том, что Кирилл составил Написание о правой вере [12, с. 446—450], о котором не упомянул И. Вашица.

² Вопрос о переводе патерика также не вошел в книгу И. Вашицы. Вопрос этот нельзя считать решенным, хотя он имеет обширную научную литературу см. [13—16].

³ «Мы не реконструируем „исконный“ текст, но скорее реконструируем такое, чего никогда прежде не существовало», — заметил по сходному поводу М. М. Пэрвис, — «ведь главная цель текстологии состоит в открытии искомого текста» [97, р. 397—398]. Проект реконструкции славянского текста, только что предложенный К. И. Логачевым [98], имеет в виду не что иное, как перевод на церковнославянский язык усредненного текста греческого апракоса, великодушно освобождая славистику от утомительного исследования сотен рукописей и сотен тысяч разночтений в них.

ному евангелию и Никольскому четвероевангелию богомильско-боснийского происхождения. Между тем, Ассеманиево евангелие подвергалось дополнительным правкам по греческому оригиналу, так что отошло от славянского протографа [18, с. 284—290], тогда как текстологическое значение богомильской традиции, которое было отмечено М. Н. Сперанским [25, с. 88—97] и В. Воцдраком [26], остается все еще не вполне выясненным, более детальное ее обследование не принесло пока значительных результатов [27].

При наличии вариантов в славянском тексте И. Вайс отдавал предпочтение тому, который соответствовал «довизантийским», т. е. наиболее древним чтениям греческого текста. Это было связано с его стремлением обнаружить вневизантийский источник в деятельности Кирилла и Мефодия, т. е. источник римско-католический. Сам Г. фон Зоден, на текстологическую теорию которого опирался И. Вайс, не указал, в чем состоят типичные признаки семьи K^a [28, р. 343], которую И. Вайс рассматривал как искомую греческую основу. В качестве представителей этой семьи И. Вайс определил кодексы A K Π 265 489 1219 1346, 1500 [29], тогда как К. Лейк, анализируя теорию Г. фон Зодена, пришел к выводу, что такими могут являться кодексы 1200 1219 1220 1223 1313 1318 1346 [28, р. 344]. Несколько позже И. Вайс принял в качестве греческой основы славянского текста семью J^π (по текстологии Г. фон Зодена) [30], на которую было обращено внимание в одном из критических разборов его труда [31, р. 208]. Впрочем, еще позже критика предложила в качестве такой основы рассматривать семью J^o [32, р. 90—96], таким образом, вопрос этот еще далек от решения.

Нужно особенно отметить, что многозначительное подчеркивание И. Вайсом того, что в греческой основе славянского Евангелия присутствовало большое число «западных» и «александрийских» чтений, не имеет никакого значения для эпохи IX в., когда были изготовлены славянские переводы. Так называемый «сирийский» (Ф. Горт), «константинопольский», «общий» (Г. фон Зоден), «церковный» (К. Лейк) текст греческого Евангелия возник в Антиохии в IV в., включив в себя чтения из трех древних видов текста — «нейтрального», «александрийского» и «западного», со временем новый вид полностью вытеснил три древние вида как в областях Константинопольского патриархата, так и в сфере Римской церковной юрисдикции [33—35]⁴; именно он был впервые напечатан в Базеле Эразмом Роттердамским в 1516 г.

Открытие и исследование папирусов II—III в. приводит современную текстологию к полному отказу от западного типа текста [99].

Напротив, существенным является то обстоятельство, что апракос на греческой почве был вторичным, тогда как на славянской — первичным видом евангельского текста. В свое время М. Н. Сперанский отметил, что при дополнении апракоса до тетра были использованы греческие списки, имевшие отличия от тех, которые послужили при переводе апракоса [37]. Подобным образом обстоит дело при дополнении краткого апракоса до полного, как это видно из сравнения Евангелия от Марка по изданию Г. А. Воскресенского с полной коллацией, сделанной К. Лейком для XI гл. греческого текста этой книги [28, р. 349—357].

Так, в стихе 11 этой главы добавка оученикомъ в полных апракосах редакции Б отвечает греческим кодексам 1194 1202 1237 1315 1386 1901 и разделяется списком А 9 (полный апракос XIII—XVI в., ГИМ, собр. Хлудова 28); в ст. 17 редакции А и В дают чтение оучаше гла имз, что соответствует основной традиции греческого текста (чтение в Textus receptus), другой порядок слов оучаше имз гла в редакциях Б и Г соответствует кодексам 1204 1385; в ст. 18 редакции А, В и Г имеют книжници и дрхїєрен, редакция Б — кзшижа ници и фдрисен и ждраци, что соответству-

⁴ В отечественной традиции уже давно было указано на тщетность попыток связать греческую основу славянского Евангелия с каким-либо древним видом текста [36, с. 44—45].

ет кодексам 1186 1201 (в Б I, Юрьевском ев. XII в. опущено *φαρμακον*); в ст. 26 редакции А и В дают *ѡ поуѣтитъ*, тогда как редакции Б, Г и А I (Остромирово ев.) добавляют *камъ*, что соответствует кодексам 1163 1173 1175 1203 1247 1335 1348 1385; в ст. 27 редакции А, В и Г дают и *придоша пакы* (-*Textus receptus*), редакция Б — *приде ѿъ*, что соответствует кодексу 1966. Из индивидуальных чтений отдельных списков редакции полных апракосов Б можно отметить в ст. 9 опущение слова *осанна* в Б 5 (Галицко-волинское ев. XII—XIII в., ГИМ, Архангельск. собр. I), что соответствует кодексу 1194; опущение слова *жараци* в ст. 27 этим же списком (-кодексы 1195 1326). опущение слова *отакъцианте ми* в ст. 30 этого же списка (-кодексы 1189 1190 1234 1236 и др.), прибавку слова *едино* (*листкне*) в ст. 13 списком Б 54 (полный апракос XIII в., Ярославль, Музей-заповедник, № 15690), что соответствует кодексам 1216 1243 1317 1326. Встречающиеся иногда совпадения списков разных редакций заставляют думать, что в развитии славянского текста остается еще много неясного. Совпадения в чтениях полного апракоса и редакций А и Г можно, вероятно, понимать, в согласии с О. Неделькович, как влияние полного апракоса на «балканскую редакцию» тетра XIII в. [38, ср. также 39], хотя такое влияние могло иметь и противоположное направление или идти независимо из одного греческого источника. Наконец, нужно добавить, что все упоминавшиеся греческие кодексы представляют собой списки четвероевангелия X—XV в. из монастырей на Патмосе, Синае, в Иерусалиме [40].

Прочную и единственно надежную базу для дальнейшего исследования текста древнеславянского Евангелия заложили работы Л. П. Жуконской. Только теперь, когда приведены в известность и классифицированы 500 списков XI — начала XV в., появились возможности для солидной текстологической теории памятника. Характерно, что уделяя внимание греческим спискам Евангелия, Л. П. Жуконская не ставит вопрос о греческой основе славянского текста [22, с. 234—241], оставляя его до времени полного изучения славянского материала, что находится в духе рекомендаций А. В. Михайлова [6, с. ССLXXII].

Изучению древнеславянского Апостола уделялось гораздо меньше внимания. Издание части текста по 50 спискам, выполненное Г. А. Воскресенским [41], оказалось крайне неудачным по своей текстологии. История этой книги представляется обычно по аналогии с Евангелием и пока не идет дальше констатации того факта, что в древности существовали краткий и полный апракосы, а также четый текст [42]; впрочем, ряд интересных соображений о древнейших судьбах этой книги высказал И. Е. Евсеев в рецензии на труд Г. А. Воскресенского [43].

Что касается текстов Ветхого завета, то здесь речь должна идти прежде всего о древнеславянском Паримийнике. В круг кирилло-мефодиевских переводов Паримийник включил О. Новицкий в 1837 г. [44]. Эта атрибуция не вызывает сомнений, поскольку до XIII—XIV в. Паримийник был столь же необходим в церковном богослужении, как Евангелие-апракос. Филологические доказательства его древности представляют жития Кирилла и Мефодия, в которых ветхозаветные цитаты совпадают с чтением Паримийника [45], а также его лексика и словоупотребление, близкие к лексике и словоупотреблению Псалтыри и Евангелия [46; 47; 6, с. СССXIII]. Состав Паримийника несколько колебался в его месячном отделе. Судя по изданию этой книги, основанному на старопечатных триодях, минеях и требниках (когда Паримийник уже вышел из употребления) [48], он включал в себя книги Бытия, Притчей и Исая до трети их полного объема, целиком книгу Ионы, по несколько глав из книг Исход и Премудростей Соломоновых, а также отрывки из книг Числ, Левит, Второзакония, Иисуса Навина, Судей, 3 и 4 Царств, Иова, Даниила, Иезекиила, Иеремии, Захарии, Малахии, Софонии, Иоилы, Михея и Варуха. Это довольно обширное собрание кирилло-мефодиевских текстов сохранилось более чем в 50 списках XIII—XVI вв. [49, с. LI—LIX, XII—XVI], почти в половине своего объема оно было издано по 16 спискам Р. Ф. Брандтом [50].

Это издание при известных своих недостатках (неполнота охвата материала, сложная и неполная подача разночтений, введение в основной текст конъектур) дает ценный лингвистический материал, изученный до сих пор совершенно недостаточно⁵. Например, некоторые чтения Паримийника неоднократно повторяются в течение церковного года, как это обычно и для евангельских чтений, но в отличие от известной по Евангелию большой лексической вариантности в таких повторяющихся чтениях, этого почти не наблюдается в Паримийнике. Ср. отрывок из кн. Исайи VII 10—14, читаемый в навечерие Рождества Христова и в пятницу второй недели по Пасхе (в скобках приведены имеющиеся варианты): и приложи гѣ глти къ Ѳхазови гла проси (испроси) себѣ знамение оу гѣ бга своего къ глзбинѣ или къ высогѣ. И рече Ѳхазъ, не имамъ просити (къспросити), ниже имамъ искоузити гѣ. и рече Исала, слышите оубо (же оубо) доме дѣвѣз. Ѳда мало камъ трудъ дѣти члкомъ, тѣмъ (и) како гѣи даете трудъ. сего ради даега гѣ самъ камъ знамение [50, с. 15, 171]. Ср. также чтение некоторых стихов из кн. Притчей, дважды встречающихся в тексте Паримийника: I 20 прѣмѣдростѣ къ исходѣицѣхъ поетѣ са на пжтѣхъ же дрзновение кодигѣ [50, с. 83, 90]; III 34 гѣ грздымъ протикѣгѣ са. смѣренымъ же даега блгдѣга (блгодѣга) [50, с. 126, 134]; IV 20—22 снѣ, моихъ глз кзыми (кнѣми). к моимъ же словесемъ прилаган свое (твое) ухѣ. да не шкжѣатѣ источники живота твоего. храни га къ своему срци. живогѣ во сжга обрѣтацимъ а [50, с. 137, 143] (в Захарьинском паримийнике без вариантов); V 15 снѣ пи воды ѿ (источника своего (нет последних трех слов) и ѿ сѣжда (ѿ скихъ сѣжда) и ѿ своихъ студенѣзъ і источника [50, с. 147, 153 (в Захарьинском паримийнике без вариантов); VI 3 тѣори, снѣу, еже азъ запѣдаа ти (ти запѣдаа), и спѣши са [50, с. 155, 164] (по Лобковскому); VI 20 храни, снѣ, законъ шѣа твоего и не ѡбръзи наказание мѣре своѣа (твоеа) [50, с. 168, 174] (по Лобковскому). Единственный случай серьезного расхождения в тексте Исайи XIII 6—10, 17 [50; с. 53, 224] объясняется тем, что однажды он напечатан издателем по позднему болгарскому списку, содержащему, возможно, иной перевод. Как видно, расхождения в повторяющихся чтениях Паримийника крайне незначительны, они порождены неустойчивостью и спонтанной вариантностью, возникающей в любом тексте при его рукописном бытовании. А это значит, что значительная вариантность, наблюдаемая в аналогичных случаях в Евангелии-апракосе, не представляет собою безусловно необходимого явления, отражающего, как можно было бы думать, свойство литературного языка вообще [53, с. 60 и сл.]. Эта вариантность в Евангелии должна иметь конкретные причины, имманентные природе памятника, и прежде всего — на что до сих пор не обращалось внимания славистами — это свойство могло быть унаследовано славянским апракосом от греческого лекционария, где оно также отмечено [32, р. 80, прим. 2; 54; 100], кроме того, вариантность могла расти из-за справ, которым подвергались евангельские тексты. Напротив в истории Паримийника была лишь одна справа, которая могла не охватить всех дошедших до нас списков памятника [6, с. 400—401], чем в данном случае облегчается задача реконструкции славянского протографа.

Паримийный перевод ветхозаветных книг получил в дальнейшем распространение за пределами Паримийника. В частности, это видно из сопоставления двух паримийных чтений кн. Июля (II 12—26, 23—32) по изданию Р. Ф. Брандта [50] с изданием Толковых пророчеств в редакции попа Упыря 1047 г. [55], представленной, между прочим, и в Геннадиевской библии 1499 г. В указанном объеме между двумя текстами нет таких

⁵ На это уже указывал В. Киас [51], что, может быть, и побудило Б. Стиптевич предпринять лексикологическое исследование этого памятника [52].

различий, которые позволили бы предполагать другой перевод или хотя бы правку по другому греческому оригиналу. Различия заключаются только в лексике и выражаются преимущественно в том, что на месте того или иного слова Паримийника в Толковом тексте выступает слово, типичное для болгарских текстов X в., как об этом можно судить по лексикологическим материалам в известных работах И. В. Ягича, В. Вондрака, В. Облака, А. В. Михайлова, И. В. Евсеева, В. А. Погорелова и др. Ср. следующие пары (на первом месте лексема Паримийника): пощенице — дльба, алканине II 12, 15, копла — жема II 12, жрътка — трѣба II 14, иереи — жраци II 17, ѣзыци — страны II 17, олтаръ — трѣбаникъ II 17, олен — млеко II 19, 24, лоуна — мѣсца II 31 и т. п. Важно отметить, что не во всех списках Толковых пророчеств эта лексическая замена проведена в равной степени. Так, в западнорусском списке 1502—1507 гг. сохранился целый ряд паримийных вариантов, в частности, из приведенных выше слово лоуна [56, с. 63].

Между тем, уже упоминавшееся в начале статьи предположение А. В. Горского об утере первоначального четвего перевода библейских книг [5, с. 135], которое получило широкое хождение, не имеет под собой прочного основания: оно сделано при изучении Геннадиевской библии, в составе которой почти все тексты обладают чертами своего более позднего южнославянского бытования (если не происхождения) [57, с. 5]; оно сделано без филологического обследования всей рукописной традиции, насчитывающей только для ветхозаветных текстов 4 145 списков XI—XVII в. [58, с. 6], а результаты такого обследования невозможно предсказать. Утверждения противоположного содержания, принадлежащие исследователям отдельных текстов, не привлекают к себе достаточного внимания, почему будет нелишним напомнить здесь о них.

В своем исследовании древнеславянского текста кн. Даниила [49] И. Е. Евсеев назвал две рукописи, в которых сохранился Мефодиевский перевод книги, и опубликовал текст этого перевода рядом с паримийным и толковым (Симеоновским) переводами. В более ранних работах И. Е. Евсеев описал тексты книг Иеремии, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии, сохранившиеся в переводе Мефодия (Архивский сборник 903/1468) [59], и указал, что в житии Стефана Лазаревича, составленном Константином Костенецким в 1431 г. сохранился отрывок из книги Есфирь в переводе Мефодия [60, с. 343—344]. Позже он высказал мнение, что издатели Острожской библии 1580 г. пользовались не дошедшими до нас списками мефодиевского перевода книг Бытия и Иисуса Навина, следы которого, таким образом, и сохранились в этом издании [61, с. 82, 84]. В своих заключениях И. Е. Евсеев пользовался данными текстологии и языка изучаемых памятников, а также их отношением к греческим оригиналам.

На основе лексических моравизмов к переводу Мефодия отнес А. И. Соболевский книги 1 и 2 Царств по среднеболгарскому списку F I. 461 (ГПБ) [62]. Р. Нахтигаль обнаружил остатки мефодиевского перевода Малых пророков в хорватских глаголических бревиариях, а перевод книг Царств по этим же источникам отнес к Западной Македонии [63]. Наконец, ряд изданий хорватских глаголических текстов, предпринятых И. Вайсом, позволил как издателю, так и постоянному рецензенту этих изданий А. В. Михайлову прийти к выводу, что в непаримийных частях некоторых книг сохранился как раз четкий мефодиевский перевод. Речь идет о кн. Руфь [64—66; 6, с. CCCXXXV], Иова II 11—13, III 1—25, IV 1—9 [67; 68, 6, с. CCCXXXVI, Июля I 2—20, Осии I 2—11, II 1—23, III 1—5, IV 1—5, Аввакума I 2—17, II 1—8 [69; 70; 6, с. CCCXXXIX], Премудрости Иисуса, сына Сирахова I—VI [71; 6, с. CCCXLI]. Все изданные И. Вайсом с 1910 по 1915 г. глаголические тексты Малых пророков в качестве кирилло-мефодиевских источников включены в [72].

К наблюдениям А. В. Михайлова можно добавить некоторые материалы по сопоставлению текста Премудрости Иисуса, сына Сирахова с отрывками из этой книги в Изборнике 1076 г. (далее — Изб.) и Генна-

диевской библии 1499 г. (далее — ГБ). На тождество перевода в Изб. и ГБ в свое время уже указал М. Н. Сперанский [73, с. 486—501], этот же перевод находится в бревиарии, хотя в отдельных чтениях эти три источника существенно расходятся. Единство текста видно, например, на чтении ст. IV 7, тождественного во всех трех списках (в орфографии бревиария): и болариноу смѣран глакоу сѣю. Одно место из Изб. позволяет даже исправить чтение, принятое И. Вайсом в ст. I 9 и и чге, греч. καὶ ἐξήριδιμρευ, в ГБ, и чгеса, Изб. и иштгте, таким образом, в бревиарии надо читать и ичге. В наиболее существенных расхождениях ГБ чаще следует за бревиарием, реже за Изб. Ср. общие для бревиария и ГБ чтения (в орфографии бревиария, на втором месте чтения Изб.): I 24 разоум' — сзмыслез, II 4 вл измѣнение смѣрениѣ скогого длго трапи — сз смѣрениемь длго трапи, II 10 дрѣвние роди — паркына роды, II 11, III 15, VI 8 скр'ви — печали, II 12 стазѣ — поутти, III 2 оутѣрдиѣ на смѣхѣ — оутѣрдиѣз ѣста о чадѣхѣ, IV 27 не постгеи себе (сз ГБ) моужю коую — не покори себе моужю безумьноу, V 14 и зазор' зл' о дквезичнѣем' — зазорѣ ко злѣз инозвычнѣма, VI 4 стежакшаго ю — сзтворашадого и и др.

Случай совпадения ГБ и Изб. при расхождении с бревиарием касаются обычно лексических и чаще лексико-морфологических вариантов: I 12 длгогоу дни — длгоданные, I 13 кончаниѣ — сзкончаниѣ, I 16 прѣмоудрости — моудростѣ, IV 31 скр'вена — сзгъвена, V 11 провѣцакаи — отзѣштган и т. п. Как видно, текст Премудрости Иисуса, сына Сирахова в Геннадиевской библии восходит к русифицированному (или болгаризованному) списку, в котором, однако, первоначальные чтения сохранились лучше, чем в Изб., а также сохранились и некоторые кирилло-мефодиевские лексические варианты, представленные в бревиарии. Тождество текста в кириллической (православной) и глаголической (католической) традициях позволяет относить его перевод к эпохе сохранявшегося единства в отправлении богослужения на славянском языке, т. е. с наибольшей вероятностью ко времени деятельности Мефодия.

Цитаты из этой книги засвидетельствованы в Похвале пророку Захарии Климента Охридского, ученика Мефодия. Ср. XXV 8 кѣнца бо старости различѣ вѣдѣние и похвала его страх гѣна [96, с. 184 — кѣнец старцем многообразично. вѣдѣние и похвалени их страх гѣна ГБ, л. 467 — кѣнца старцемъ многое искъшение. и похвала имѣ страхѣ гѣна Пандекты Антиоха по сп. XI в. [77, с. 149]. Как видно, для того, чтобы определить, восходят ли эти цитаты к одному и тому же переводу, необходимо произвести реконструкцию протографов всех трех текстов на основе всей рукописной традиции. Другая цитата из этой книги в Похвале (XXIV 14—16) [96, с. 180] также имеет разночтения с ГБ, которые пока невозможно оценить. Зато ст. XXIV 21 и XXVIII 24 читаются вполне тождественно в ГБ, л. 466 об., 468 об. и Пандектах [77, с. 148].

Наконец, следует упомянуть еще об одной книге, которая хотя и входит в Новый завет, но имеет общую судьбу с непаримийными частями Ветхого завета — Апокалипсисе, перевод которого, по мнению исследовавшего его В. Облака [74], был выполнен в Западной Македонии: глаголические и кириллические списки этой книги содержат тождественный текст, а язык сохраняет следы древности.

Игнорирование в научной традиции этих данных, вероятно, связано с авторитетом И. В. Ягича, который по своему недоверию к свидетельству XV гл. жития Мефодия скептически оценил реконструкцию И. Е. Евсеева (см. его рецензии в AfsIPh, Bd. XXIV, XXVI). Недоверие это может быть признано законным, так же как несомненно наличие недостатков в исследованиях И. Е. Евсеева (при верной методике и широко взляде на проблемы поверхностный подход к языковым данным), но выводы последнего нуждаются в проверке и не заслуживают неблагоприятного забвения. Между прочим, выводы В. Облака И. В. Ягич принял с полным доверием и даже отнес Апокалипсис к переводам Кирилла

[8, § 54—55, S. 281], на что В. Облак даже и не претендовал. Что касается наблюдений И. Вайса и А. В. Михайлова, то они, как кажется, никем не ставились под сомнение. Таким образом, филологическая проверка свидетельства XV главы жития Мефодия выполнена еще в очень малом объеме, и призыв к ней по-прежнему звучит актуально.

Проведенное нами в связи с этим исследование Песни песней дало следующие результаты, которые полностью изложены в [75, 76].

Четый перевод Песни песней сохранился в 22 списках XIV—XVII в., сопоставление которых показало, что 1) они распадаются на две редакции — среднеболгарскую, 4 списка, и восточнославянскую, 18 списков, 2) различие в редакциях заключается в том, что среднеболгарская восходит к глаголическому списку не младше XIII в., а восточнославянская — к болгарскому не младше XII в., имевшему ряд неудовлетворительных чтений, 3) в остальном текст списков вполне тождествен и объясняется одним и тем же греческим оригиналом, дополнительной правки по греческим спискам не проводилось, 4) основным списком должен быть признан среднеболгарский список XIV—XV в. F.I. 461 (ГПБ), происходящий, вероятно, из Нямецкого монастыря в Румынии.

Древность заключенного в этих списках перевода Песни песней подтверждается следующими фактами.

1. Цитатами из него в Пандектах Антиоха по списку XI в. (I 1—3, 6, 15, II 3, 5, 7, 14, III 1, 4, VI 7, VIII 6—7), обладающими полной тождественностью с текстом по основному списку. — Текст Пандект использован в издании [77]; о том, что цитаты из Ветхого завета в Пандектах Антиоха сохраняют следы мефодиевского перевода см. [78, 79].

2. Чертами грамматической древности текста: дв. число (ржцѣ ѿго рѣстѣрѣмѣ златѣ, изыдѣѣѣ), сигматический аорист (рѣхъ, стѣврѣхъ), редкие формы имперфекта 1 л, ꙗхъ (εφαγον), 2 л. разоумѣше (см. о ней [80, с. 379—380; 81, с. 99—101]).

3. Преобладанием лексики, свойственной кирилло-мефодиевским переводам Евангелия, Апостола, Псалтыри, при незначительном количестве слов, характерных для толковых переводов Болгарии X в. Ср. следующие пары, где на первом месте реальное слово текста, на втором более поздний синоним: вѣкорити — вѣселити, вѣврѣти ѿ — обрѣти ѿ, вѣртоградъ — оградъ, вѣна — шина, градѣти — игти, женима — наложница (поллакида, мѣнашница), запечатѣлѣти — знаменати, искрѣнии — ближнии, кола — тако, лѣга — дѣврѣва, лоуна — мѣлаца, пико — питие, поглади — поуцити, рѣстѣжи — прозавѣжи, село — ниво, сице — тако, стѣпаъ — ѣнаъ, стѣудѣнаца — клѣдаъ, стѣвѣжѣти — стѣнавѣдѣти, стѣдати — стѣградити (стѣворити), тѣу — тамс, оужденѣти ѿ — чѣудити ѿ, оуничженѣе — похѣуленѣе, чѣрко — жѣрѣва, ѣда кѣгда — да не.

Нужно, однако, иметь в виду далекий от необходимой точности характер этих лексических противопоставлений, ср., например, свободное сосуществование в одной фразе Паримийника слов, относимых обычно к разным переводческим традициям: и тако земла рѣстѣжи цѣтѣи свѣа и тако вѣртоградъ проза баѣтъ стѣмена свѣа (Захарьинск. парим. 1271 г., ГПБ Q п I 13, л. 203 об.); стѣ оутрѣбы вѣва ма ищѣва мѣре монѣю (л. 138), ср. в Синайской псалтыри, псалом 70. 6, на чѣ оутѣрдѣхъ ѿ стѣ жѣрѣбы ищѣва матери мѣа [82]. Лексическую близость текста к Евангелию также нельзя рассматривать как достаточный сам по себе аргумент за единство происхождения, поскольку в списках Евангелия (в отличие от древнейших списков Псалтыри) наблюдается большая пестрота и неустойчивость словоупотребления, и пока не вполне ясно, какое значение нужно придавать тому или иному отдельному случаю. Кроме того, даже довольно поздний переводчик при сознательной, хотя бы и случайно возникшей ориентации на язык Евангелия и Псалтыри мог создать более или менее удачную стилизацию. Поэтому более показательными нужно считать совпадения в употреблении редких, изолиро-

ванных слов, где трудно подозревать стилизацию, по можно видеть тождество переводческих навыков. Ср. употребление таких слов в Песне песней: слово окъньце φρις в значении «дверца» по мнению А. И. Соболевского является моравизмом [62, с. 15, 21, 45, 57], А. В. Михайлов отмечает его в Паримийнике [6, с. СССII; слову пжпжк олудос в значении «почка» единственную параллель в форме пжпжк дает Апок. VI 13 [72]; редкий глагол употреблен в ст. II 13 смокжкца издѣ (ἐξήγευσεν) пжпжкы скоа, единственную параллель; дает Пс. 68 32 телца юна рогы издѣжшта (ἐξφρουσα) (инфинитив издѣти, а не издѣти, [как в [72], ср. кздѣти, надѣти); редкий предлог употреблен в ст. II 14 адѣ прѣдѣстѣниа (ἐκόμενα του προτε χειματος), ср. Пс. 93 15 адѣ е.а (ἐκόμενοι αὐτῆς) по Синайской псалтыри [82], Пс. 67 26 адѣ (ἐκόμενα) пожштгхъ по Болонской пс. (в Синайской лакуна) [83]. Характерно, что в болгарском переводе Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского в первом случае стоит близд, во втором запатъ [84, 85], слова Паримийника адѣчадина, адѣчадина в русских списках меняются на домочадаца, домочадица [6, с. 394]. Предлог адѣ в несколько искаженном виде дошел в составе мефодиевского перевода кн. Даниила X 4 [49, с. XVIII].

Ср., наконец, гречизмы текста, которые даны в сопровождении их обычных переводов в других текстах: кедръ, тисие — смрѣцъ, кринъ — цѣтѣтъ, миро — благоконанаѣ мастъ, порѣфуръ — багъраница; для названий благовоний и растений такие соответствия у славян находились не всегда, ср. ароматъ, алотъ, крокоцъ, кинамонъ, либанъ, нарѣъ, смърна, стактъ, финикъ.

4. Полным совпадением чтения отдельных стихов с текстом хорватских глаголических breviариев [86], ср.: II 14 яко гла(с) твои сладо(к) и лице твое красн(о) — гласъ убо твои сладак и лице твое красно, III 9 носило сътвори себѣ црѣ соломонъ о(т) дрѣва либанскаго — носило сотвори себѣ цесаръ солумн от дрѣк либанскихъ, III 11 имже кѣнчѣ юго мѣти скоа къ днѣ жененіа (в breviарии — женитгъ) его и къ днѣ ве(с)еміа ср(д)ца его, IV 10 и конѣ рѣзъ твои(х) паче кѣст(х) аромат (-бrevиарий), V 11 съг каплетъ (капде — breviарий) оустнѣ твои некѣсто (моѣ — добавлено в breviарии), медъ и млѣко под азыком ти (твоим — breviарий). Невозможно допустить, чтобы это сходство слововыражения возникло независимым путем, напротив, важно то, что оно наблюдается и после правки по латинским оригиналам, каковую прошел текст breviария.

Уместно также указать, что в списках среднеболгарской редакции обнаруживаются следы глаголического оригинала. В ст. VI 7 ѡ ѡ женимъ на месте союза и оказывается «омега», что можно объяснить лишь на основе смешения внешнесложных между собой букв «омега» и «иже» в хорватской квадратной глаголице XII—XIII в. [87, с. 190, 204].

Что касается отношения этого текста к греческому оригиналу, то пока представляется преждевременным на основе переводческих приемов делать какие-либо заключения о происхождении памятника, поскольку нет полной ясности, в какой степени буквальность и свобода характеризовали первоначальные и последующие славянские переводы. Преобладает, впрочем, мнение о том, что кирилло-мефодиевские переводы отличались относительной свободой, тогда как последующие переводы и справки все более усиливали буквализм при передаче греческих оригиналов [88, 89]. Высказываются даже соображения о причинах, приводивших к буквализму, это могло, например, быть опасение заподозренным в ереси в условиях распространения еретических вероучений [89; 90, с. 37—39]. Заметим, что усиление буквальности наблюдалось и в истории переводов св. Писания с древнееврейского на греческий язык [91, с. 3], так что за этим явлением можно признать известную универсальность.

В данном случае свобода при передаче грамматической структуры оригинала проявляется следующими чертами.

1. Родительный принадлежности передается дательным принадлеж-ности или, чаще, притяжательными и относительными прилагательными.

2. В необходимых случаях употребляется двойственное число.

3. Вводится связка настоящего времени, которую греческий текст часто опускает, следуя своему древнееврейскому оригиналу. Ср. особо перевод причастия VII 9 *ἐκαστοῦ* *ἀσκολοῦ* *βάββα*.

4. Греческий медиопассив заменяется активным оборотом: V 3 *ἐξεδόσαμην τὸν χιτῶνα μου* — *сзккѣкохъ ризѣ мѣш.* Ср. в ГБ, куда текст Песни песней попал в русском переводе XII в.: *сзккѣкохъ га сз ризы мѣста.*

5. Аорист 2 л. ед.ч. передается соответствующим перфектом, что типично и для перевода Евангелия и Псалтыри [92, с. 41 и сл.].

6. Греческий аорист передается славянским аористом с приставкой (префиксальная перфективация): *ἤγάπησεν* — *кззлѣби.* Ср. [93, с. 251].

7. Сочетание *ἐν* + дат.п. передается творительным беспредложным: II 7 *ἐν δυνάμει καὶ ἐν ἰσχύσει* — *силами и крѣпостями*; ср. в ГБ: *кз силахъ и крѣпостехъ.*

8. Применяются некоторые возможности славянского словообразования, ср. *αἰλιτζα* — *вѣрѣс елѣѡν* «детеныш оленей».

Из лексико-семантических особенностей такого рода приведем лишь два случая. Причастие *ἀτεχνόβσα*, относимое к овце (IV, 2, VI 5), переведено *алока* (*палока*), ср. в ГБ *бѣцлѣзна*, в Вульгате *sterilis*. Греческое выражение в ст. IV 9. *ἐκαρδίωσας ἡμᾶς* передается *сузѣзилѣ ѡи срдѣцѣ наше*, ср. буквализм ГБ *сусрдѣцѣ ма стѣсри*, в другом русском переводе, вероятно киевской эпохи, с древнееврейского оригинала также калька *осердѣчи* [94, с. 73], в переводе Константина Костенецкого начала XV в. 95 *кзсрдѣцнѣл ѡи насъ* (рукопись Народной библиотеки в Софии, № 314, л. 279), ср. также в Вульгате *vulnerasti cor*.

Даже если в обоих этих случаях выбор переводчика четвертого текста определялся чтением Вульгаты, утверждение о свободной передаче им греческого оригинала сохраняет полную силу.

Возможно, лингвистические данные вообще не могут представить безусловных доказательств того, что этот или какой-либо другой перевод был сделан самим Мефодием или «попами—скорописцами» под его руководством, но вполне несомненным кажется, во-первых, его древнее, не младше X в. происхождение и, во-вторых, отличие от переводов толковых книг, возникших в Болгарии в X в. Следовательно, в высшей степени вероятным представляется его создание именно Мефодием и его помощниками, в согласии со свидетельством XV главы жития Мефодия.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы.

1. Версия о полной утрате мефодиевского перевода библейских книг должна быть отвергнута в свете работ И. Вайса, И. Е. Евсеева, А. В. Михайлова, а также А. И. Соболевского, В. Облака, Р. Нахтигала. Вероятно, что даже в Геннадиевской библии содержится кое-что из переводов Мефодия, например, книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, возможно также, что Толковые пророчества в своей непаримийной части опираются на четый перевод Мефодия, на что уже надеялся И. Е. Евсеев [58, с. 16—17], тогда как в паримийной восходят к первоначальному переводу Паримийника, выполненного Кириллом (и Мефодием).

2. Необходимо продолжить изучение четых кириллических списков сопоставительного с текстами глаголического бревиария в целях выявления мефодиевских переводов; делать это, разумеется, нужно на основе полного охвата всей рукописной традиции. В этом смысле опыт изучения Песни песней можно рассматривать как обнадеживающий.

Разработка четых текстов ввиду относительной немногочисленности списков и отсутствия частых подновлений и исправлений по греческим образцам, как это было со списками Евангелия, оказывается гораздо проще, а результаты ее более достоверны и легче интерпретируются. Полученные результаты могут пролить новый свет на такие старые проблемы, как лексическая вариантность, преимущественное употребление

той или иной лексемы в той или иной группе текстов, переводческие приемы и их применение в разные периоды славянской письменности, а затем подготовить почву для изучения более сложных древнеславянских текстов, каковы Паримийник, Евангелие, Апостол и Псалтырь.

3. Наличие общего протографа кириллических и глаголических списков, объясняемого одним и тем же греческим оригиналом, достаточно раннее засвидетельствование текста цитатами из него, сохранность остатков древности в языке и близость его к языку Псалтыри, Паримийника, Евангелия, Апостола — вот те филологические критерии, которыми руководствуются исследователи при атрибуции текста Кириллу и Мефодию, и — нужно признать — критерии эти еще далеки от того, чтобы быть надежными. Действительно, текст в силу каких-нибудь случайных обстоятельств мог не сохраниться в глаголической традиции [6, с. СССXXXIV] или цитатах, напротив, глаголическая традиция могла сохранить переводы с греческих оригиналов, возникшие и в начале X в. (вплоть до 925 г., когда на Сплетском соборе была запрещена славянская литургия у хорват, вновь разрешенная лишь в 1248 г. [46, с. 5—21]); что касается недостатков лингвистических критериев, то о них уже было сказано. Нужно, однако, помнить, что надежность этих критериев — как раз то, чего необходимо достичь в ходе исследования отдельных книг и переводов, а на первых порах пусть оно пойдет при неверном свете догадок и вдохновенья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А. В. К вопросу об изданиях памятников славяно-русской письменности. — В кн.: Предварительный съезд русских филологов. Бюллетени. СПб., 1903.
2. Иванова Т. А. У истоков славянской письменности (к переводческой деятельности Мефодия). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Л., 1976.
3. Мецкерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978.
4. Горский А. В. О св. Кирилле и Мефодии. — Москвитянин, 1843, № 3.
5. Горский А. В., Невострев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел I. М., 1855.
6. Михайлов А. В. Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея. Ч. 1. Варшава, 1912.
7. Алексеев А. А. В. Горский. — Старобългаристика, 1979, № 4.
8. Jaglić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
9. Vajs J. Dobrovský a biblická kritika. — In: Josef Dobrovský. 1753—1829. Praha, 1929.
10. Ryba V. Josef Dobrovský jako textový kritik. — In: Josef Dobrovský. 1753—1953. Praha, 1953.
11. Vašica J. Literární památky epochy velkomoravske, 863—885. Praha, 1966.
12. Никольский Н. К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. — Изв. по РЯС, т. I, 1928, кн. 2.
13. Nachtigal R. Otočsky kňnigy. — In: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Razred za filološke in literarne vede, Razprave, 1. Ljubljana, 1950.
14. Veder W. R. Was ist Methods Väterbuch? — In: Dutch Contributions to the VII International Congress of Slavists. Amsterdam, 1973.
15. Slavia orientalis, 1976, № 4, s. 483—491.
16. Можалева И. Е. Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980.
17. Мецкерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX, 1964.
18. Horálek K. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954.
19. Vrana J. O tipovima, redakcijma i međusobnom odnosu staroslovjenskih evanđelja. — Slavia, r. XXVI. 1957; r. XXIX, 1960.
20. Moszyński L. Starocerkiewno-słowiański aprakos. — In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 2. Warszawa, 1957.
21. Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.
22. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
23. Воскресенский Г. А. К вопросу о научном издании славянского перевода Библии. — В кн.: В память столетия Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1915.
24. Жуковская Л. П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 7. М., 1963.

25. *Сперанский М. Н.* Рец. на кн.: *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.— В кн.: Отчет о 39-м присуждении премии гр. Уварова. Записки Академии наук. Т. 3, 1899, № 5.
26. *Vondrák V.* O kskl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopiseh.— In: Даничиев сборник. Београд — Лублана, 1925.
27. *Грицкат И.* Дивомшево јеванђеље.— Јужнославенски филолог, књ. XXV, 1961/62.
28. *Lake K., Blake R. P., New S.* The Caesarean Text of the Gospel of Mark.— Harvard Theological Review, v. 24, 1928.
29. *Vajs J.* Byzantská recenze a evangelijní kodexy staroslověnské.— Byzantinoslavi-са, г. I, 1929; г. IV, 1932.
30. *Vajs J.* La recensione bizantina e la versione paleoslava dei Santi Vangeli.— Studi bizantini e necellenici, t. V, 1939.
31. *Casey R. P., Lake S.* A New Edition of the Old Slavic Gospel.— Journal of Biblical Literature, v. I.V, 1936.
32. *Metzger B. M.* Chapters in the History of New Testament Textual Criticism. 1963.
33. *Westcott B. F., Hort F. J. A.* The New Testament in the Original Greek, v. 2. Introduction. Cambridge and London, 1881.
34. *Kenyon F. G.* Handbook to the Textual Criticism of the New Testament. London, 1912.
35. *Kenyon F. G.* Recent Developments in the Textual Criticism of the Greek Bible. London, 1933.
36. *Муретов М.* Древнеславянское евангелие от Марка. Поправки, дополнения и замечания к трудам проф. Г. А. Воскресенского. Сергиев Посад, 1897.
37. *Сперанский М. Н.* К истории славянского перевода Евангелия.— РФВ, т. 41, 1899.
38. *Неделькович О.* Редакције старословенског еванђеља и старословенска синонимика.— В кн.: Кирил Солунски. Симпозиум «1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски», кн. 2. Скопје, 1970.
39. *Добрев И.* Текстът на Добромировото Евангелие и втората редакция на стробилгарските богослужбени книги.— Български език, 1979, № 1.
40. *Gregory C. R.* Tekritik des Nouen Testament, Bd. 1—3. Lejpsig, 1900—1909.
41. *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла. Сергиев Посад, 1892—1908.
42. *Неделькович О.* Problem strukturnih redakcija staroslovenskog prijevoda Apostola.— Slovo, XXII, 1972.
43. *Евсеев И. Е.* Рец. на кн.: *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла. Сергиев Посад, 1892—1908.— В кн.: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук. Пг., 1915.
44. *Новицкий О.* О первоначальном переводе Св. Писания на славянский язык. Киев, 1837.
45. *Kyas V.* Starozákonní citáty v Životě Konstantinově a Metodějově ve srovnání se staroslověnským pramejníkem.— Slavia, 1963, № 3.
46. *Мизайлов А. В.* К вопросу о литературном наследии св. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Варшава, 1904.
47. *Мизайлов А. В.* Греческий и славянский Паримийник. Варшава, 1908.
48. Паримийник, сиесть собрание паримий на все лето. СПб., 1—2, 1890—1893.
49. *Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
50. *Брандт Р.* Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками. М., 1894—1901.
51. *Киас Вл.* Положение исследования в области византийско-старославянского паримийника.— Byzantinoslavica, 1955, № 2.
52. *Стилчевич Б.* О српском паримейницима.— В кн.: Кирил Солунски. Симпозиум «1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски». Књ. 2, Скопје, 1970.
53. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
54. *Metzger B. M.* The Saturday and Sunday Lessons from Luke in the Greek Gospel Lectionary. Chicago, 1944.
55. *Туницкий Н. Л.* Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе, вып. 1. Сергиев Посад, 1918.
56. *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г.— В кн.: Материалы и исследования по фондам рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР, Л., 1978.
57. *Евсеев И. Е.* Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914.
58. *Евсеев И. Е.* Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911.
59. *Евсеев И. Е.* Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык.— Изв. АН, т. X, 1899, № 4.
60. *Евсеев И. Е.* О книге Есфирь.— Изв. АН, т. VIII, 1898, № 5.
61. *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
62. *Соболевский А. И.* Церковнославянские тексты моравского происхождения.— РФВ, т. 43, 1900.
63. *Нахтигаль Р.* Несколько заметок о следах древнеславянского паримейника в хорватско-глаголической литературе.— В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 3. М., 1902.
64. *Vajs J.* Liber Ruth. Veglae, 1905.

65. *Vajs J.* Kniha Rut v preklade staroslovanskem. Praha, 1926.
66. *Михайлов А. В.* Рец. [65]. Изв. по РЯС, т. I, 1928, кн. 1.
67. *Vajs J.* Liber Yob ex breviaric Noviano II. Veglae, 1903.
68. *Михайлов А. В.* О новых изданиях хорватских глаголических текстов.— РФВ, 1905, № 4.
69. *Vajs J.* Propheta Ioel. Veglae, 1908.
70. *Vajs J.* Prorheta Oseas. Veglae, 1910.
71. *Vajs J.* Nejstarší Breviář chrvatsko-hlaholský. Prvý breviář Vrbnický. Praha, 1910.
72. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958.
73. *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М., 1904.
74. *Oblak V.* Die kirchenslavische Übersetzung der Apokalypse.— AfsIPh, Bd. XIII, 1980
75. *Алексеев А. А.* «Песнь песней» в древней славяно-русской письменности. Ч. 1—2. (Ин-т русского языка АН СССР. Предварительные публикации, вып. 133, 134). М., 1980.
76. *Алексеев А. А.* К определению литературного наследия Мефодия (четий перевод Песни песней).— ТОДРЛ, т. XXXVII, 1983, с. 229—255.
77. Амфилохий, архимандрит. Исследование о Пандекте Антиоха XI в. М., 1880.
78. *Раїкевић I.* Lexikální strahka Antiochových Pandektů z r. 1307.— Casopis pro moderní filologii, t. XXXI, 1948.
79. *Раїкевић I.* Malí Proroci v Antiochových Pandektech z r. 1307.— Slavia, r. XXV, 1956.
80. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
81. *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 1. М., 1954.
82. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов. Пг., 1922.
83. *Jagić V.* Psalterium bononiense. Vindobonae, 1907.
84. *Погорелов В. А.* Чудовская псалтырь XI в. СПб., 1910.
85. *Погорелов В. А.* Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь. Варшава, 1910.
86. *Berčić I.* Ulomci svetoga pisma obojega unjeta staroslovenskim iezikom, díl 2. Praha, 1864.
87. *Ягич И. В.* Глаголическое письмо.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. СПб., 1911.
88. *Griec F.* Osvobodnih prevodih v staroslovenskim evangelijih.— Slavia, r. XXV, 1956.
89. *Ногáлек К.* К překladatelské činnosti Metodějově.— Slavia, r. XXV, 1956.
90. *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характере болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века.— Старобългаристика, 1977, № 1.
91. *Lagarde P. de.* Anmerkungen zur griechischen Übersetzung der Proverbien. Leipzig, 1863.
92. *Бумина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959.
93. *Dostál A.* Studie o vidovém systému v Staroslověňštině. Praha, 1954.
94. *Алексеев А. А.* «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала.— Палестинский сборник. Т. 27. Л., 1981.
95. *Трифуновић Њ.* Тумачење «Песме над песмама» од Теодорита Кирског у преводу Константина Философа.— Сборник за славистику, 2, 1971.
96. *Климент Охридски.* Собрани съчинения. Т. I. София, 1970.
97. *Parvis M. M.* The Goals of New Testament Textual Studies.— In: Studia evangelica, v. VI. Berlin, 1973. p. 393—407.
98. *Логачев К. И.* Проблема критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции.— Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 66—73.
99. *Aland K.* The Significance of the Papyri for Progress in New Testament Research.— In: The Bible in Modern Scholarship. Paper read at the 100th Meeting of the Society of Biblical Literature. December 28—30. 1964. Nashville — New York, 1965, p. 325—346.
100. Prolegomena to the Study of the Sectionary Text of the Gospels Ed. by E. C. Colwell, D. W. Riddle. Chicago, 1933.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЈОВАН Р. БОЈОВИЋ, Осма а покрајинска конференција КПУ за Црну Гору, Боку, Санџак, Косово и Метохију. Титоград, 1980, 204 с.

ЈОВАН Р. БОЈОВИЧ, Восьмая краевая конференция организации КПЮ в Черногории, Боке, Санджаке, Косово и Метохии

Автор рецензируемой книги, изданной Марксистским центром Союза коммунистов Черногории, д-р Йован Р. Бойович — директор Института истории Социалистической Республики Черногории в Титограде, один из ведущих специалистов по истории коммунистического, рабочего и молодежного движения межвоенного периода Югославии.

В рецензируемой работе Й. Бойович обращается к одному из ответственных периодов истории Черногории — кануну народно-освободительной войны и революции. И это не случайно. 1940 г. был поворотным в развитии внутренних и внешнеполитических событий, занимая особое место в истории коммунистического движения всех народов Югославии. В этом году были приняты решения, имевшие важное значение в консолидации партийных рядов, полной ликвидации фракционной борьбы и разных оппортунистических тенденций в рабочем движении. В 1940 г. новое партийное руководство во главе с И. Б. Тито, руководствуясь решениями VII конгресса Коммунистического Интернационала, исходя из марксистско-ленинской оценки международного положения и расстановки классовых и политических сил внутри страны, разработало стратегию и тактику предстоящей борьбы за национальную независимость и победу социалистической революции. 1940 г. был переломным и для черногорского народа. Между тем этот насыщенный значительными событиями и фактами период истории республики до сих пор был недостаточно изучен.

Работа посвящена Восьмой краевой конференции коммунистов Черногории, Боки, Санджака, Косово и Метохии, состоявшейся в августе 1940 г. Обращаясь к этому событию, Й. Бойович предваряет

его кратким, но содержательным очерком развития политической истории региона между двумя мировыми войнами. В первой части книги, состоящей из введения и двух глав, автор хронологически последовательно раскрывает деятельность организаций Коммунистической партии и Союза коммунистической молодежи в Черногории в тяжелых условиях террора и гонений. При этом подчеркивается, что работа коммунистов и молодежных организаций велась в тесной связи с массовым рабочим и профсоюзным движением. Автор убедительно показал, что несмотря на то, что Черногория была наиболее отсталой частью югославского королевства со слаборазвитой промышленностью и малочисленным рабочим классом (в промышленности и ремесле в 1931 г. работало только 2992 рабочих, 1014 поденщиков и 597 учеников — всего 4603 человека) (с. 10), рабочее движение здесь получило весьма широкое развитие. В высокой революционной и политической активности рабочего класса, молодежи, женщин, сельского населения, их многочисленных политических и экономических акциях исследователь справедливо видит результат практической деятельности коммунистов в легальных организациях. Работая в профсоюзах, рабочих клубах, в национальных и культурных организациях, участвуя в общественных мероприятиях, коммунисты Черногории смогли завоевать политический авторитет в широких народных массах, что были вынуждены признать и правящие круги, в частности глава правительства Цветкович и министр внутренних дел Корощец. Аргументирован вывод ученого о том, что накануне войны Коммунистическая партия стала самой влиятельной партией в Черногории (с. 48). Численность Коммунистической

организации в Черногории составляла около 900 человек (с. 157).

Анализу деятельности Коммунистической партии в условиях начавшейся второй мировой войны посвящена вторая глава книги. Большой политический резонанс получили организованные коммунистами в апреле — июне 1940 г. массовые демонстрации против открытия концентрационных лагерей и решения ЦК «желтых» профсоюзов о роспуске областного комитета профсоюзов Черногории. Автор характеризует демонстрации протеста в Подгорице, Цетинье, Колашине, Вирпазаре, специально останавливается на работе коммунистов на селе через организации сельской самопомощи. Особое место в главе уделено подготовке и проведению Восьмой краевой конференции.

Й. Бойович раскрывает кропотливую работу краевого руководства партии, которое в условиях строжайшей конспирации не только тщательно подготовило, но и успешно провело работу конференции. Форуму черногорских коммунистов предшествовали Шестой пленум краевого комитета, заседания местных, окружных и двух областных (Санджак, Косово и Метохия) комитетов.

Живо и интересно Й. Бойович описывает факты и события, связанные с участием в работе конференции генерального секретаря КПЮ И. Б. Тито под именем инженера Славко Бабича. Участие И. Б. Тито, Ивана Милутиновича и других руководителей КПЮ в работе конференции имело большое значение при обсуждении вопросов, в разработке и принятии важных партийных документов.

Исследователю удалось подробно рассмотреть работу конференции, выявить не только поименный список делегатов, но также их социальный состав, определить, какую местную партийную организацию представлял тот или иной делегат, уточнить повестку дня конференции и принятые решения. Выполнить эту работу было трудно — ведь протокол конференции был утерян, тексты докладов в целях предосторожности не писались, тезисы выступлений не сохранились. Многие годы, с завидным упорством и страстью, шаг за шагом по крупницам собирал Й. Бойович документы и материалы конференции. Он составил специальный вопросник из 25 пунктов и разослал всем оставшимся в живых

участникам конференции. Прошло более десяти лет упорного труда, прежде чем ученый смог документально и последовательно изложить это важное событие в истории республики и страны.

Во второй части книги — приложениях — опубликованы документы и материалы краевой конференции: полный текст принятой резолюции, телеграмма участников конференции ЦК КПЮ, список всех 34 делегатов конференции, речь И. Б. Тито на митинге в Жабляке 7 августа 1970 г. в связи с 30-летием краевой конференции, воспоминания и ответы бывших делегатов на вопросник.

Между тем, интересное исследование югославского ученого не свободно от некоторых пробелов. Известно, что в 1940 г. подобные конференции и совещания были проведены практически во всех краях. Всего с начала года до исторической Пятой конференции КПЮ (Загреб, 19—23 октября 1940 г.) в Югославии проведено 14 совещаний и конференций. На всех присутствовали члены или представители ЦК КПЮ, а в работе 8 форумов принял личное участие генеральный секретарь КПЮ И. Б. Тито. Именно на этих совещаниях и конференциях коллективными усилиями разрабатывалась стратегия единства рабочего класса, стратегия народного фронта, стратегия борьбы против фашизма и войны. Краевая конференция коммунистов Черногории была практически завершающей, что, безусловно, автору известно. Тем не менее Восьмая краевая конференция и принятые ею решения рассматриваются им в отрыве от предшествовавших, что, на наш взгляд, несколько обедняет исследование.

В заключение можно с полным основанием сказать, что подготовлен и издан хороший, полезный труд, содержащий много нового. Работа насыщена фактами и основанными на них выводами. В югославской исторической науке впервые осуществлено целостное рассмотрение деятельности Коммунистической партии в Черногории накануне войны и социалистической революции. Несомненно, она вызовет большой интерес у специалистов-историков, преподавателей и студентов вузов, партийных и комсомольских работников и пропагандистов.

Касаткин Н. И.

ЭЛЕОНОРА СЫЗДЭК. В одной жизни так много...Рассказ о Ванде Василевской

Книга Э. Сыздек — итог многолетнего изучения автором жизни и деятельности Ванды Василевской, попытка показать читателю целостный образ жизненного пути одной из самых примечательных личностей в новейшей истории Польши.

В. Василевская, родившаяся в 1905 г., в семье подданных Российской империи — политических эмигрантов — в отроческие годы стала свидетельницей мировой войны, победы пролетариата в России и возвращения Польше независимости в 1918 г. В межвоенное двадцатилетие она активно участвует в политической деятельности левых сил, а затем, в период гитлеровской агрессии, играет важную роль в борьбе за свободу и демократию в Польше.

«Исторические процессы, — пишет Э. Сыздек, — формировали героиню... а она, в свою очередь, воздействовала на их ход и содержание... Читая эту книгу, мы попытаемся ответить себе на вопрос: каким образом люди творят историю, как верный или неверный выбор жизненной позиции решает, сможет или не сможет личность оказать свое влияние на историю в переломные ее моменты» (с. 7).

Действительно, умение сделать исторически верный выбор жизненной линии можно назвать определяющим во всей биографии Василевской — с ранней молодости, когда начинающая поэтесса и общественная деятельница решительно примкнула к борьбе рабочего класса, вплоть до трудных лет второй мировой войны, когда Василевская возглавила прогрессивную польскую эмиграцию в СССР. В этой яркой личности, как в фокусе, сконцентрировалась идея изначального братства славянских народов.

Заглавием книги послужил парафраз одного из писем В. Василевской к матери: «Если я когда-нибудь решусь писать воспоминания, то будет одна трудность — как в одну жизнь вместить все то, что в ней было. Может быть, только такая жизнь чего-нибудь стоит» (с. 8). Начиная описание жизни Ванды Василевской, Э. Сыздек уделяет пристальное внимание формированию характера будущей революционерки под влиянием отношений с родителями, видными деятелями

Польской социалистической партии, первых контактов с миром. Стремясь убедительно раскрыть эволюцию душевных движений юной Ванды, автор обильно цитирует ее первые литературные опыты — лирические стихотворения, мало известные широкому читателю.

Описаны учеба В. Василевской в Краковском университете, попытки найти после получения диплома учительницы работу по специальности, работа в Союзе независимой социалистической молодежи, Лиге защиты прав человека и граждан, в польском отделении МОПра, участие в забастовках строителей и учителей, сотрудничество в левых изданиях.

В начале 1930-х годов появляются первые репортажи Василевской. Повести молодой писательницы — «Обличье дня» (1934) и «Родина» (1935), а затем — «Земля в ярме» (1937) и «Пламя на болотах» (1939) — вобрали в себя многие мотивы и приемы репортажных материалов о жизни рабочих и крестьян. Это было непосредственно обусловлено особенностями стиля, господствовавшего в те годы в пролетарской прозе Польши (чему, возможно, следовало бы уделить более пристальное внимание в книге — если революционная борьба Василевской показывается на широком общественно-политическом фоне, то ее писательская деятельность рассмотрена в некоторой изоляции от общего литературного процесса).

Актуален широко документированный раздел книги, повествующий о борьбе редакции журнала для детей и юношества «Пломык» («Огонек») за воспитание школьной молодежи в духе симпатии к первой в мире стране социализма. Требования реакционеров, призывавших «выбросить из польской школы любителей большевизма» (с. 151) послужили одной из причин преследования Василевской в буржуазно-помещичьей Польше.

Начало второй мировой войны обозначило новый, исключительно важный и плодотворный этап деятельности В. Василевской. Встретившись в сентябре 1939 г. в Хелме с отрядами Красной Армии, она последовала за ними на воссоединенные земли и поселилась в советском Львове. Агитатор и пропагандист

в среде поляков — жителей Львова и эмигрантов, участница Народного Собрания Западной Украины, затем член КПСС, депутат Верховного Совета СССР, активный член Союза советских писателей и редколлегий польских периодических изданий в СССР, а с началом Великой Отечественной войны — полковой комиссар Красной Армии — таковы важнейшие вехи ее пути на советской земле, ставшей для нее второй родиной.

В 1942—1943 гг. Василевская играла ведущую роль в сплочении деятелей польских левых сил в СССР под лозунгом борьбы против фашизма плечом к плечу с Советской Армией, всем советским народом. Именно в это время, параллельно формированию партии коммунистов в оккупированной Польше, в городах Поволжья начинает складываться организационный костяк будущего Союза польских патриотов (СПП) в СССР. Широко известны вдохновенные публицистические выступления писательницы на страницах изданий польской эмиграции в Советском Союзе — журнала «Нове виднокрениги» («Новые горизонты») и газеты «Вольна Польшка» («Свободная Польша»). В наши дни трудно переоценить значение памяти об этих нелегких годах, когда создавалось братство по оружию Польши и СССР, формировался политический союз наших стран в борьбе за свободу, независимость и демократию. По свидетельству современников, именно энергичные действия Василевской во многом предопределили положительное решение вопроса о создании СПП и польских вооруженных сил в СССР.

С момента создания 1 дивизии им. Тадеуша Костюшко деятельность Василевской была неразрывно связана с организацией польских вооруженных сил в Советском Союзе. В. Василевская приняла активное участие в работе Крайовой Рады Народовой и Польского комитета национального освобождения. Правительство народной Польши высоко оценило заслуги Василевской, наградив ее Крестом Грюнвальда I степени.

Читателя может несколько смутить то, что в книге, подробно описывающей общественно-политическую деятельность В. Василевской, отводится так мало места ее литературной работе в период

Великой Отечественной войны — а между тем, именно в эти годы были созданы такие значительные произведения, как роман «Радуга» и повесть «Просто любовь» (оба удостоены Государственной премии СССР, а фильм, снятый по роману «Радуга», получил в США премию «Оскар»). Заслуживают внимания и многочисленные военные очерки Василевской, представляющие сложный синтез художественного и публицистического начал. К недостаткам этого раздела биографии Василевской, по сравнению с предыдущими, следует отнести также не всегда точное знание автором реалий советской жизни (см., например, тавтологию на с. 181), а также искажение имен ряда советских писателей — А. Фадеева, К. Федина (с. 203); В. Вересаева и Л. Леонова (с. 204).

После войны, до самой своей смерти в июле 1964 г., Василевская жила в Киеве. Это были годы напряженного литературного труда, завершения трилогии «Песнь над водами», выхода в свет ряда других книг, годы борьбы за мир и дружбу между народами. В. Василевская не утратила связи со своей первой родиной и часто посещала Польскую Народную Республику, где ее встречали с неизменной любовью и уважением.

Задуманная как популярный биографический очерк, книга Э. Сыздэк благодаря обилию в ней интересных подробностей, почерпнутых из семейного архива В. Василевской и личного общения с Э. А. Возьницкой (младшей сестрой Ванды), не может оставить равнодушными читателей. В связи с этим остается выразить сожаление, что она полностью лишена справочного аппарата в какой бы то ни было форме. Отсутствие именно того указателя и библиографического списка хотя бы важнейших публикаций Ванды Василевской снижает ценность издания и затрудняет пользование им.

Работы советских и польских историков и литературоведов освещают всё новые грани многосторонней деятельности Ванды Василевской — общественной деятельницы, политического борца, революционной писательницы. Монография Э. Сыздэк вносит свой вклад в изучение проблем, особенно актуальных в наши дни.

Глобачев М. О.

Используя богатый фактический материал, часть которого впервые вводится в научный оборот, автор рецензируемой работы анализирует сущность и формы советско-польских интернациональных связей в конце 20-х — начале 30-х годов.

В первой главе, посвященной революционному движению пролетариата в Польше в 1929—1933 гг., большое внимание — и это вполне оправданно — уделяется характеристике советско-польских отношений. Наступление господствующих классов Польши в годы экономического кризиса на завоевания трудящихся (снижение заработной платы и платы за сверхурочную работу, ухудшение социального обеспечения, упразднение так называемой английской субботы, массовая безработица) вызвало решительный отпор со стороны народных масс. В забастовочном движении и движении безработных ярко проявилась интернациональная солидарность трудящихся различных национальностей. В книге освещаются и недостаточно изученные вопросы революционного движения, в частности деятельность польской секции Международной организации помощи борцам революции — «Красной помощи»: ее структура, значение мопровской печати для оказания помощи политзаключенным и др. Важной стороной деятельности польской секции МОПР было создание легальных антивоенных комитетов, выступавших в защиту СССР.

Вторая глава книги посвящена классово-солидарности трудящихся Советской Украины с революционными борцами Польши. Значительное место в ней отводится характеристике успехов Совет-

ского Союза в социалистическом строительстве. Укрепление СССР как несокрушимого оплота мировой пролетарской революции вдохновляло трудящихся Польши и других капиталистических стран в их борьбе с эксплуататорами.

Важную роль в развитии и упрочении интернациональных связей играли общественные организации УССР. Они знакомили трудящихся Польши с успехами социалистического строительства в СССР, оказывали моральную и материальную помощь польскому пролетариату в его борьбе с «санационным» режимом. Шефство над политзаключенными польских тюрем, переписка с ними, помощь политэмигрантам и членам их семей, детям погибших революционеров — вот далеко не полный перечень форм помощи, свидетельствующих о весомом вкладе МОПР УССР в движение пролетарской солидарности.

В третьей главе рассказывается о поддержке СССР трудящимися Польши, антивоенном движении в защиту Советского Союза, пропаганде достижений социалистического строительства. обстоятельно показано участие польских политэмигрантов в трудовой, общественно-политической и культурной жизни УССР. В заключении книги автор делает вывод о важности опыта пролетарской солидарности в упрочении советско-польских отношений в наше время.

Книга В. А. Нерода — довольно удачная попытка освещения интернациональных связей трудящихся Украинской ССР и Польши в указанный период.

Прокопова И. И.

JOZEF HROZIENČIK. *Turčianski olejkári a šafraníci*. Bratislava, 1981, 170 s. + 68 s. obrazovej prílohy.

ИОЗЕФ ГРОЗИЕНЧИК. Турчанские олейкары и шафранники.

Выпущенная в свет издательством «Татран» новая книга известного словацкого ученого, доктора исторических наук, проф. Й. Грозиенчика посвящена интереснейшему явлению в истории словацкой народной культуры — бродячим торговцам из бывшего Турчанского комитета (в настоящее время Мартинский рай-

он центральной Словакии). В горных областях Словакии почти в каждой деревне были издавна развиты различные формы отходничества, что объяснялось крайним недостатком земли и избытком рабочей силы. Далеко за пределы родного края шли на заработки словацкие «дротари» (ремесленники, чинившие гли-

няную и фаянсовую посуду при помощи проволоки, жестянки), бондари, торговцы домотканым полотном и др. Среди турчанского крестьянства особенно широкое распространение получил своеобразный вид отходничества, которым занималась основная масса местного населения. Это были так называемые олейкары и шафранники (olejkár от слова olej 'масло', šafraník от слова šafran 'шафран'). Они собирали лечебные травы и растения, изготавливали лечебные масла, главным образом кедровое, можжевельное, тминное, скипидарное, розмариновое. Этот товар, а также пряности они разносили по городам и деревням, часто при этом отправляясь за границу — в западноевропейские страны, в Турцию, а позднее преимущественно через Польшу в Россию.

Интерес Й. Грозиенчика к этой теме легко объясним: он родился в д. Приекопа (в окрестностях г. Мартин), его отец много лет был коробейником — шафранником. С детских лет он рос в атмосфере глубоко укоренившихся в среде турчанского крестьянства традиций народного русофильства, в распространении которых большую роль сыграли словацкие олейкары и шафранники. Постепенно интерес к этому специфическому этнокультурному явлению родного края, к истокам народных словацко-русских контактов углублялся и приобретал научный характер. Данная тема стала органическим звеном исследований Й. Грозиенчика по широкому кругу проблем исторических и культурных связей славянских народов в прошлом и настоящем.

Рецензируемая книга — результат многолетней исследовательской работы автора¹. Автор собрал огромный материал, используя литературу, архивы, а также непосредственные полевые наблюдения в окрестностях г. Мартин. Его главными информаторами были многочисленные старики-шафранники (в книге приведены, в частности, записи 40—50-х годов).

Книга состоит из семи глав, в которых дается комплексное всестороннее освещение рассматриваемого вопроса.

Первая глава посвящена проблеме происхождения словацкого олейкарства и шафранництва, к которой автор уже об-

ращался ранее [3]. По этому вопросу существует несколько теорий. Некоторые ученые (например, Я. Чаплович) считали, что лечебные свойства трав местные крестьяне узнали от немцев-колонистов из области Спиша, другие (в частности, В. Паулини-Тот) полагали, что распространителем этих знаний был иезуитский орден, существовавший в окрестностях Мартина более 20 лет и имевший собственную лечебницу. Й. Грозиенчик — решительный сторонник местного происхождения олейкарства, имевшего по его данным древние корни и возникшего задолго до появления в Турчанском комитате иезуитов, т. е. до XVI в. Собранные им материалы свидетельствуют о том, что олейкары наряду с торговлей лечебными травами занимались и врачеванием, которое сопровождалось в ряде случаев магическими формулами и заклинаниями, свидетельствующими о местных знахарских традициях народной медицины. Автор выделяет несколько этапов в развитии олейкарства, с марксистских позиций показывая его социально-экономическую обусловленность. Он связывает это явление не только с экономикой края, с развитием других видов ремесленничества и домашнего производства, но и с более общими процессами, происходящими в габсбургской монархии — отменой личной крепостной зависимости и появлением денежной ренты во второй половине XVIII в.

Середина XVIII в. была периодом расцвета олейкарства в Словакии. Однако с ростом медицинских знаний и развитием здравоохранения народные лекари постепенно теряют свое значение. Олейкарство претерпевает определенную эволюцию. В конце XVIII в. турчанские разносчики стали именоваться шафранниками. Й. Грозиенчик четко различает термины «олейкар» и «шафранник», хотя в литературе они часто смешиваются и отождествляются. Необходимость такого терминологического разграничения диктуется объективным различием социальных функций олейкаров и шафранников. И дело не только в том, что в торговом инвентаре последних наряду с лечебными травами, маслами появляются пряности, а также мелкие галантерейные товары и текстиль. Шафранники постепенно превращались в предпринимателей. Свои товары они нередко получали в кредит у крупных австрийских торговцев, которым выплачивали большой процент от выручки. Многие богатые шафранники для распродажи товара нани-

¹ Первые шаги в этом направлении были сделаны Й. Грозиенчиком еще в конце 30-х — середине 40-х годов, когда были опубликованы его работы «Турчанские олейкары и их судьбы» [1] и «Из истории словацких шафранников» [2].

мали помощников. В их среде постепенно развивалась классовая дифференциация. Приводя статистические данные, Й. Грозненчик показывает, что в XIX в. тысячи словацких шафранников торговали за границей.

Большой интерес представляет третья глава, в которой рассказывается о деятельности словацких бродячих торговцев в России. На основе архивных материалов автор дает яркие зарисовки «путешествий» шафранников по России. Они бывали не только в Харькове (где находился их своеобразный торговый центр), Петербурге, Москве, Одессе, но и в Сибири и на Дальнем Востоке. В конце XIX в. во многих городах они открыли торговые дома — «славянские магазины» (Варшава, Харьков, Одесса, Смоленск, Москва, Минск, Бадайбо, Иркутск, Чита, Бухара и др.). Это оказывало определенное влияние на развитие торговли и экономики тех областей, в которых развертывалась наиболее активная деятельность словацких олейкаров и шафранников. Автор не затушевывает и некоторые сложные, противоречивые моменты их деятельности, связанные с их обуржуазиванием, с их классовыми интересами.

Особое внимание Й. Грозненчик обращает на раскрытие прогрессивных черт олейкарства и шафранничества, которые наиболее ярко проявлялись на начальном этапе. Он справедливо подчеркивает их важную роль в развитии словацко-русских связей. Автор неоднократно отмечает доброжелательность простых русских людей по отношению к словацким олейкарам и шафранникам, показывает, что их деятельность способствовала распространению в русском обществе первых сведений о Словакии и словаках (в официальных документах того времени они назывались «австрийскими подданными» или «венгерцами»). С другой стороны, олейкары и шафранники приносили на родину известия о жизни в России, через их посредство местное словацкое население знакомилось с русским языком и русской культурой. Поскольку данная форма непосредственных словацко-русских контактов носила массовый характер (в России побывало несколько тысяч словаков), она привела к заметному росту русофильства среди словацкого крестьянства. В книге приводятся интересные факты, свидетельствующие о том, что многие крестьяне Турчанского комитата умели достаточно хорошо говорить по-русски (в этом имел возможность убедиться во время своего путеше-

ствия по Словакии в середине XIX в. известный русский славист И. И. Срезневский), освоили некоторые русские обычаи, были знакомы с русскими народными песнями, в их домах сохранялись предметы русского быта, русские книги (как отмечает автор, у одного бывшего шафранника в д. Бенице имелась богатая библиотека русской классической литературы). Интерес и симпатии к русскому народу, к его культуре передавались из поколения в поколение. Это способствовало осознанию языковой и культурной близости словаков и русских, распространению идей славянской взаимности в широких слоях словацкого крестьянства. Традиции народного русофильства, укоренившиеся в среде местного словацкого населения, в свою очередь служили благоприятной почвой для распространения идей научного русофильства, представителями которого были видные деятели Матицы Словацкой (г. Мартин) конца XIX — начала XX в. (С. Гурбан-Ваянский, Й. Шкультети и др.).

Как уже отмечалось, автор дает комплексное освещение проблемы словацкого олейкарства и шафранничества. Он привлекает данные истории, этнографии, фольклора, языкознания и т. п. Конкретные сведения о народной медицине, сохранившиеся в старых записках — травниках олейкаров, имеют значение и для современной фармакологии (гл. 2, ч. 2).

Большой интерес не только в историко-этнографическом, но и в лингвистическом плане представляет пятая глава, посвященная тайному языку турчанских шафранников. Тайные, условные «языки» представляют собой разновидность социальных диалектов, которым в новейшей лингвистической литературе уделяется серьезное внимание [4—5]. Подчеркнув социальную обусловленность тайного языка бродячих словацких торговцев-шафранников, автор отмечает основной признак этого языка, связанный с его назначением: утаить содержание информации, которой они обмениваются, от тех, кто не принадлежит к их социальной группе. Таким образом, правильно является конспиративная функция этого социального диалекта. Й. Грозненчик делает интересные наблюдения лингвистического характера, раскрывая различные способы и приемы зашифровки информации, которые использовали шафранники: намеренное нарушение правил родного языка, в частности, искажение морфологических форм слова; упот-

ребление общеизвестных словацких слов с новым значением; образование слов путем комбинирования иноязычных элементов (корней слова, приставок, суффиксов, окончаний) с элементами словацкого языка; широкое использование заимствованных слов (главным образом из латыни, венгерского и русского языков), которые при этом нередко подвергались семантическому переосмыслению. Специально следует отметить и такое тонкое наблюдение: арго бродячих торговцев с течением времени приобретает черты сленга, т. е. в нем создаются и используются слова, выполняющие не конспиративную, а профессионально-экспрессивную функцию. В главе приводится выборка слов описываемого тайного языка. Автор хорошо ориентируется в лингвистических вопросах, что впрочем не удивительно, если вспомнить его давний интерес к этой области знания [6].

С точки зрения фольклористики важна шестая глава — «Турчанские шафранники и их потомки вспоминают», содержащая мемораты, которые как особый прозаический жанр только в последнее время стали интенсивно изучаться специалистами. Й. Грозиенчик с полным правом обращается к меморатам как к источнику.

Приложения к книге содержат примеры из фольклора олейкаров и шафранников, а также принесенного ими в Словакию русского, украинского и польского фольклора. Среди этих записей есть и редко встречающиеся сюжеты. Материал собран автором непосредственно от информаторов. Фольклорные приложения свидетельствуют о живых межэтнических контактах словацких шафранников с другими народами. Об этом говорит и последнее приложение к книге — записи словацких песен, сделанные И. И. Срезневским в Харькове от турчанских шафранников. Как известно, эти тексты в русской транскрипции были изданы в Харькове в 1832 г. в качестве учебного пособия для студентов университета. Й. Грозиенчик нашел их словацкие оригиналы.

К сожалению, в рецензируемой книге недостаточно конкретного этнографического материала о традиционно-бытовой культуре шафранников, усвоивших, по словам автора, многие обычаи

русских. Между тем русское влияние еще и сейчас можно заметить, например, в архитектурном облике сельских домов в окрестностях г. Мартина (особенно в пос. Блатница).

Книга Й. Грозиенчика обобщает и систематизирует все то, что было известно в литературе по данной проблематике. Автор вводит в научный оборот значительный новый материал, почерпнутый, в частности, из многих советских архивов, библиотек и музеев. По своему жанру книга относится к литературе факта, она носит научно-популярный характер и предназначена не только для специалистов, но и для широкого читателя. Это, видимо, определило и форму издания. Думается, однако, что и для научно-популярного издания был бы нелишним научный аппарат, указывающий хотя бы основную литературу и важнейшие источники по столь интересной проблеме.

Наши замечания вовсе не умаляют достоинств рецензируемой книги, посвященной важной странице в истории Словакии, словацкой культуры, в истории словацко-русских культурных связей. Она несомненно привлечет внимание специалистов целого ряда научных дисциплин (историков, этнографов, лингвистов, фольклористов и др.). Нельзя не отметить и прекрасное издание книги, снабженной большим количеством интересных и разнообразных иллюстраций.

Грацианская Н., Смирнов Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hrozičnik J.* Turčianski olejkári a ich osudy.—Sborník Matice slovenskej, XXXII/XXXIII. Turč. sb., Martin, 1938—1939.
2. *Hrozičnik J.* Z dejín slovenských šefraníkov.—Národopisný sborník, t. VI—VII. Turč. sv. Martin, 1945—1946.
3. *Hrozičnik J.* K otázke vzniku turčianského olejkárstva.—Národopisný časopis, 1959.
4. *Бондалетов В. Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Рязань, 1974.
5. *Ондрус П.* К вопросу о характеристике и классификации социальных диалектов.—Вопросы языкознания, 1975, № 5.
6. *Hrozičnik J.* Lexikálne zvláštnosti dolného Turca.—Jazykovedný sborník, I/II. Turč. sv. Martin, 1946—1947.

Р. Петрович, профессор Высшей педагогической академии в Белграде, посвятил свою монографию драматическому периоду в истории черногорского народа, времени от начала Морейской войны (1684—1699), оживившей надежды на избавление от османского ига, до победы над турками 1796 г., когда эти надежды начали осуществляться. Однако предметом своего изучения он избрал не все черногорские земли, а лишь одну из них, известную под названием «племя Кучи». Эта область расположена на юго-востоке современной Черногории, на границе с Албанией, и черногорской она стала считаться только в новое время, до начала же XX в. и Кучи и прилегающие края относились к так называемой области Брда, а их жителей именовали брчанами.

Термин «племя» еще в XIX в. был исполнен реального смысла — в Черногории и прилегающих к ней частях Герцеговины исключительно долго сохранялась архаическая организация общества, помимо широко распространенной на Балканах семейной общины, здесь существовали и «братства» родичей, а «племена» играли ту роль, которую в более позднее время выполняло государство, — они держали в своих руках суд, администрацию, созыв войска и обеспечивали людям социальную защиту. Неудивительно, что Черногория, как Герцеговина и Албания, всегда представляла большой интерес для этнографов и фольклористов, здесь долго сохранялись отживающие у других народов формы быта и общественного сознания [1].

Обращаясь к прошлому этого края, Р. Петрович не мог игнорировать этого обстоятельства — внутриплеменные и межплеменные связи, да и сам общественный тип человека, выросшего в этой среде, составят особую тему его исследования. Этого человека автор показывает в тесной связи с природой, а природа эта была весьма сурова — скот погибал от бескормицы, хлеба постоянно не хватало, достаточно было перерезать дороги, ведущие к городским базарам, и в горных селах воцарялся голод. Для характеристики того, что постоянно ожидало здесь местного жителя, Р. Петрович находит самые выразительные средства. «...Самые тяжелые муки голода наступали зимой, когда не было никакой зеленой травы.... Хлеб пекли из наростов на деревьях и коры... Воин шел в бой, взяв с собой несколько зерен и, когда наступали муки голода у него самого или товарища, делился двумя-тремя зернами... Несколько лет не могли достать соли и ели несоленую траву» (с. 191, 256). Авторская речь вообще полна выразительности, в ряде мест книги взлохотнение приобретает характер красочного и даже приподнятого повествования.

Однако в основном внимание автора приковано к иной теме — к той сложной борьбе, которую десятилетиями вели Кучи. Достаточно взглянуть на карту,

чтобы понять, чем это было вызвано. Территория, занимаемая племенем, находится на стыке самых различных природных, этнических и конфессиональных зон. Часть племени жила близ долин Зеты и Морачи, с их мягким средиземноморским климатом, часть обитала в труднодоступных горных местах, где снег не всегда успевает растаять в течение лета. С востока и запада с Кучами граничили брдские (собственно черногорские) племена — Пипери, Братоножичи, Васоевичи, с юго-востока они соседствовали с албанскими племенами Хоты, Кастрати, Груде и Клименти. Остры были и религиозные противоречия, особенно между христианами (православными черногорцами и брчанами и католиками албанцами) и мусульманами. Свообразным было и политическое положение племени Кучи, расположенного между Черногорией, с конца XVII в. оказавшейся под властью Венеции, и Северной Албанией, признававшей власть скадарского санджакбега. Нескольким тысячам человек, объединенным именем Кучи, в этой обстановке было непросто отстаивать свои права.

Имя Кучи в первый раз упоминается в земельной описи 1416—1417 гг., турки его знают с 1485 г. (с. 15). В это время численность племени невелика — восемь сел и около 400 домов, в 1614 г. племя могло выставить до полутора тысяч воинов (в начале XX в. в Кучи насчитывали около 9 тыс. человек, в основном православных). Племя делилось на братства — Затрепчане, Кочи, Фундиняне, им управлял «збор», т. е. общая сходка, существовал народный суд (с. 25, 35—36).

В 1684 г. венецианские политики решили вступить в войну, которую уже несколько месяцев вели австрийцы и поляки [2]. К этому времени реальной властью Османской империи в этих краях являлся скадарский санджакбег Сулейман-паша Бушатли. В мае 1685 г. он напал на черногорцев, победил их под Цетинье и опустошил весь край. Кучи в это время еще сохраняли верность султану, воевали под турецкими знаменами. Однако это их последняя совместная с турками акция, вскоре они восстанут и перейдут под власть Венеции, увлекая за собой соседние племена Пипери и Белопавличей (с. 64—71); начинается время славных побед. После 1687 г., когда венецианцы отнимают у империи важную крепость Герцен-Нови, запирающую вход в Бокототорский залив, Кучи присоединяются к ним и наносят поражение Сулейман-паше. В 1688 г. они одержат новую победу «на Малом Орлеву», захватив крепость Медун. Затем следует и третья победа.

Однако общий итог всех этих сражений неутешителен. Кучи остаются отрезанными от всего остального мира. Венеция не спешит им на помощь, ее вполне устраивает переход под ее власть Черногории (с 1688 г.), в горах начи-

нается голод. Турки то применяют открытый военный нажим, захватывая и разрушая Цетинье, то маневрируют, отзывая Сулейман-пашу и назначая вместо него черногорца-потурченца Махмудбеговича. В XVIII в., особенно после поражения австрийцев в войне 1737—1739 гг., для племени наступают тяжелые времена — страшный голод 1773—1774 гг.; Кучи заперты в горах, укрываются в пещерах и спасаются только благодаря помощи братства Ровчан (с. 253—263). Возникает даже мысль о переселении в другие страны, например, в Италию, но с появлением на Адриатике русской эскадры племя входит в сношения с ее командующим графом А. Г. Орловым, получает от него деньги на переселение на этот раз в Россию, но не в состоянии осуществить это намерение. Последние десятилетия XVIII в. Кучи проводят в подчинении у турок, и не они, а Пипери, Белопавлчи и другие племена принимают участие в том решающем сражении, которое состоялось 22 сентября (3 октября) 1796 г. у с. Крусы и закончилось поражением турок и фактическим освобождением черногорских земель (с. 281—297). Таков второй план книги — история упорной вооруженной борьбы Кучи с Османской империей.

В книге успешно раскрывается еще одна тема — о выдающихся личностях, выдвинутых племенем из своей среды. Так, в конце XVII в. ведущую роль в племени играет воевода Иван Иликович. С начала XVIII в., когда в черногорских пределах появляются русские эмиссары, эта роль переходит к его брату, Петру, а затем к сыну последнего, Радоне Петровичу, из рода Дрекаловичей, оставившему глубокий след в народном сознании. «Ни одной личностью из своего племени Кучи не гордятся так, как воеводой Радоней Петровичем» (с. 149). Именно под его водительством Кучи во главе целой группы племен (Пипери, Клименти, Хотин и др.) встали против турок в 1737 г. (глава «Восстание...» — с. 147—165). Не менее значительна роль его сына, воеводы Илиа Петровича, который был также губернатором всей области Брда, сотрудничал с известным сторонником сближения с Россией митрополитом Василием и сам содействовал этому сближению. В последующих событиях, когда в черногорских землях развернулась деятельность самозванца Степана Малого, присвоившего имя русского императора Петра III¹, значительную роль сыграл еще один представитель правящего в Кучах рода, архимандрит Григорий Дрекалович. Он был направлен «царем» в Вену для связи с русским посланником, по возвращении схвачен венецианцами, выдан ими туркам, неудачно пытавшимся его подкупить, отпущен и позднее послан с

¹ Этой теме автор посвятил обширную популярную работу [3].

дипломатической миссией в Киев. Его деятельность автор характеризует особенно подробно (с. 215, 249 и сл.).

Монография Р. Петровича построена на использовании весьма любопытных источников. Они могут показаться несколько однообразными — это преимущественно письма, которые от имени Кучи пишут соседям священники и воеводы. Однако это известное однообразие использованных памятников компенсируется необычно ярким, «народным» характером их изложения и тем, что многие из них впервые становятся достоянием научной общественности. Бесспорно, автор провел огромные архивные разыскания. Р. Петрович не только приводит изученные им тексты в обширных выдержках (или даже целиком как, например, письмо императрице Елизавете Петровне от 6 августа 1756 г.) но и сопровождает книгу многочисленными и хорошо читаемыми факсимиле. Однако здесь мы должны пожелать книге большей источниковедческой определенности — в ней нет не только источниковедческого введения или критического анализа использованных текстов, но и их простейшей характеристики. А, сопоставляя фольклорные данные с письменными текстами, Р. Петрович не всегда оговаривает, какими аналитическими принципами он руководствуется. Не сказать об этом, оценивая работу, нельзя.

Помимо югославских хранилищ в Белграде, Задаре, Дубровнике и Которе, автор изучал и ватиканские архивы (архив Конгрегации пропаганды веры) и несколько венецианских. Р. Петрович заново использовал также рукопись дневника миссии князя Ю. В. Долгорукова в Черногории, который вел майор Розенберг (она хранится в рукописном отделе Всесоюзной Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина) — отличный источник по истории отношений Черногории с Россией при Степане Малом. Тема русско-черногорских отношений занимает важное место в книге, что не может не привлечь внимания советского читателя.

Автор сумел отразить локальную историю небольшого горного племени в потоке крупных исторических событий.

Фрейденберг М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krstić ĩ.* Правни običaji kod Kucha. Анализа реликата — методологија — прилози за теорију običajnog права. Београд, 1979.
2. *Zlatar Z.* Stvaranje Svete Lige i Dubrovačka Republika (1683—1684). — Jugoslovenski istorijski časopis. Београд, 1975, № 1—2, с. 29—59.
3. *Петровић Р. В.* Које био лажни цар Шћепан Мали. — Дуга, јули — септембар 1978.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УНИВЕРСИТЕТЫ И СТУДЕНТЫ»

16—18 сентября 1983 г. под патронажем министра образования и научных исследований Австрии доцента д-ра Г. Фишера в помещении Венского университета состоялась международная научная конференция «Университеты и студенты. Значение студенческих миграций для научного и общественного обновления с XVIII до XX в.». Она была организована Австрийским институтом по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы и Международной комиссией по славяноведению (МКС). В ней приняли участие около 70 ученых из 17 стран Европы и Америки.

Конференцию открыл ректор Венского университета проф. Р. Г. Плашка, отметивший в своем выступлении важность изучения данной проблемы и сотрудничества ученых различных стран для глубокого и всестороннего ее исследования. Затем профессор Университета в Граце С. Гафнер прочел доклад «К типологии межнациональной культурной коммуникации».

На первой секции конференции с докладами выступили: Г. Коген (США) — «Студенты Венского университета в 1860—1900 гг.: социальный и географический профиль»; В. Гайндль (Австрия) — «Иностранные студентки в Венском университете перед первой мировой войной»; В. Геффлер (Австрия) — «Иностранные студенты Университета в Граце, 1918—1938»; Ю. Бардах (ПНР) — «Польские студенты в университетах Российской империи в XIX — начале XX в.»; Э. Таден (США) — «Немецкие университеты и аграрные и социальные реформы в прибалтийских провинциях Российской империи, 1804—1866»; В. Матула (ЧССР) — «Значение политических кружков славянских студентов в Вене для идейно-политического формирования молодых идеологов словацкого национально-освободительного движения в 30-е годы XIX в.»; В. Цим-

мерманн (Швейцария) — «Сербские и болгарские студенты в Цюрихе до первой мировой войны, их роль в политике и науке на родине»; В. Мелик, П. Водошвец (СФРЮ) — «Словенская интеллигенция и австрийские высшие школы в 1848—1918 гг.»; Д. Бериндей (СРР) — «Румынские студенты за границей и конституирование современной Румынии в XIX в.»; Д. Гельвени (ВНР) — «Студенты из Венгрии в различных университетах Европы в XVIII в.»; С. Мальфер (Австрия) — «Итальянские студенты в Вене, Граце и Инсбруке (1848—1918)».

На второй секции были заслушаны доклады: Э. Доннерта (ГДР) о русских студентах в иностранных университетах в XVIII в.; И. И. Костюшко, В. Г. Карасёва, Л. И. Уткиной (СССР) об обучении студентов из зарубежных славянских стран в Московском университете во второй половине XIX — начале XX в.; В. Паскалевой (НРБ) о миграциях болгарских студентов в Центральной Европе во время болгарского возрождения; Ц. Тодоровой (НРБ) об обучении болгарских студентов в европейских университетах после освобождения в 1878 г. до первой мировой войны; П. Бахмайера (Австрия) о болгарских студентах в Вене в 1878—1918 гг.; Г. Батовского (ПНР) о студенческих организациях интернациональной дружбы между двумя мировыми войнами (в особенности в Польше и Чехословакии); Й. Кочи (ВНР) о сотрудничестве пражских и венских студентов во время революции 1848 г.; Э. Босак (Канада) о словацких студенческих организациях в Вене, Праге и Будапеште; Я. Шолты (ГДР) — о студентах сербах-лужичанах в университетах Лейпцига, Праги и Вроцлава (1750—1850); Я. Гавранека (ЧССР) по рассматриваемой проблематике.

В ходе весьма оживленной дискуссии по докладам отмечались существенные

достижения в исследовании этой проблемы, новые выводы и наблюдения, а также обращалось внимание на некоторые неизученные вопросы.

Во время работы конференции состоялись заседание Президиума и собрание членов МКС, на которых была заслушана информация генерального секретаря МКС проф. Б. Мишеля о работе комиссии,

определена проблема научного заседания в Штутгарте в 1985 г. («Экономические и социальные связи славянского мира с германским с XVI в. до первой мировой войны»), образована комиссия по подготовке проекта устава МКС и рассмотрены другие вопросы деятельности комиссии.

И. К.

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА

26—27 января 1983 г. в Ленинграде состоялось заседание секции славянских языков и литератур Научно-методического совета по высшему филологическому образованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР, в котором участвовало около 50 специалистов — преподаватели зарубежных славянских языков и литератур из разных вузов страны, а также ученые-слависты из Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Научно-методическому совету и его славянской секции, возглавляемой проф. П. А. Дмитриевым, принадлежит большая роль в организации вузовского преподавания славистических дисциплин и координации работы вузовских филологов-славистов, в объединении усилий университетской и академической науки. За первое десятилетие своего существования Совет организовал два межвузовских научно-методических семинара преподавателей зарубежных славянских языков и литератур, которые способствовали налаживанию постоянного обмена педагогическим опытом, разработке единых методических принципов, углублению научного потенциала вузовского преподавания. С введением по инициативе Совета в 1973 г. нового типового учебного плана зарубежных славянских языки и литературы вошли в число обязательных предметов на отделениях русской, белорусской и украинской филологии университетов и стали постепенно входить в программы педагогических институтов страны, что, безусловно, расширило рамки изучения славистики. Из доклада заместителя председателя президиума Научно-методического совета проф. Г. И. Сафронова стало очевидно, что ежегодно более 250 педагогов преподают зарубежные славянские языки 10 тыс. студентов в более чем 80 университетах и пединститутах страны (в 1971 г. преподавание зарубежных славянских языков велось в 50 вузах). Задача будущего — обеспечить все наши вузы высококвалифицированными преподавательскими кадрами, что вполне под силу базовым университетам Москвы, Ленинграда и Львова, ежегодно выпускающим более 100 специалистов по всем славянским языкам.

О возрастающей роли славяноведения как комплекса учебных дисциплин и о

совершенствовании методов преподавания свидетельствует и рост научной активности студентов, изучающих славянскую филологию. Отражением этого стала межреспубликанская студенческая научная конференция «Сравнительно-сопоставительное изучение славянских языков и литератур» (см. Советское славяноведение, 1983, № 5).

На заседании секции был рассмотрен вопрос о подготовке к 150-летию открытия кафедр «Истории и литературы славянских наречий» в ведущих университетах России (1985). Д-р филол. наук Л. Н. Смирнов (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) рассказал о новых работах сектора славянского языкознания, охарактеризовал готовящиеся сотрудниками сектора издания — «Славянская морфология», «Словарь языка старославянских памятников X—XI вв.», «Абстрактная лексика в славянских языках в эпоху формирования наций» и др.

С работой литературоведческих секторов Института познакомил д-р филол. наук С. В. Никольский. За последние годы был подготовлен ряд коллективных трудов по проблемам славянского барокко, по литературам Просвещения и эпохи формирования наций, романтизма и реализма, а также издания, посвященные двусторонним связям русской литературы и культуры славянских стран. В настоящее время готовится труд «Литературные связи и литературный процесс», в котором будут рассмотрены некоторые новые аспекты проблематики литературных связей и взаимодействий. В секторе современных литератур социалистических стран широко развернуты исследования современного литературного процесса в социалистических странах. Особое методологическое значение в этом отношении имеют работы Д. Ф. Маркова по проблемам социалистического реализма. В сотрудничестве с литературоведческими институтами Чехословакии выпущен коллективный труд «Современная литература Чехословакии в контексте литератур европейских социалистических стран» (М., 1981). Совместно с учеными ГДР издается книга «Проблемы развития литературы европейских социалистических стран. 1945—1980», в которой анализируются важные вопросы развития лите-

ратуры в европейских социалистических странах, начиная с 1945 г. и до современности. Планируется большая работа над историей литератур европейских социалистических стран, в связи с чем в настоящее время разрабатываются вопросы методологии и периодизации.

Большое место на заседании Секции заняло обсуждение опыта преподавания

славянистических дисциплин в ряде вузов страны. Участники заседания обменялись информацией о подготовке учебников и учебных пособий по языкам и литературам зарубежных славянских народов в различных университетах страны.

Жакова Н. К.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Л. А. БУЛАХОВСКОГО

12—13 апреля 1983 г. в Киеве в Институте языковедения им. А. А. Потемби АН УССР состоялись II Научные чтения, посвященные памяти акад. АН УССР Л. А. Булаховского в связи с 95-летием со дня его рождения. Чтения открыл директор Института акад. АН УССР В. М. Русановский. Он подчеркнул огромный вклад Л. А. Булаховского в развитие советского языкознания и отметил, что труды ученого не утратили своей актуальности, а его идеи продолжают плодотворно развивать современные исследователи.

Все доклады, представленные на конференцию, были тематически объединены в два цикла. В первый день были прочитаны доклады, в которых рассматривались отдельные аспекты научной деятельности Л. А. Булаховского в связи с концепциями современной лингвистики. Во второй день были заслушаны доклады, посвященные отдельным проблемам славянского и общего языкознания.

В докладе В. Г. Чургановой (Москва) «Л. А. Булаховский и русистика» были отмечены такие характерные черты исследовательской манеры Л. А. Булаховского, как точность и тщательность обработки деталей и стремление к исчерпывающей полноте материала. Русистическое наследие ученого свидетельствует о его огромном вкладе в изучение истории русского литературного языка, в теорию художественной речи, в описание морфологической и фонологической систем русского языка. Особенно велико значение работ ученого по акцентологии, в частности о восточнославянском и русском ударении. Труды Л. А. Булаховского имеют непреходящее значение для русистов.

Г. П. Пивторак (Киев) в докладе «Л. А. Булаховский об украинско-белорусской языковой общности» подчеркнул значительный научный вклад ученого в разработку этой проблемы. Анализ на-

дежного фактического материала позволил Л. А. Булаховскому сделать вывод о том, что общие украинско-белорусские фонетические и грамматические черты — это, в основном, архаичные особенности, сформировавшиеся еще в период распада древнерусской языковой общности или ранее в ходе продолжительных и тесных контактов южной и западной восточно-русских диалектных групп — предков украинского и белорусского языков. Возникновение же общей лексики относится к более позднему периоду и является результатом тесных взаимосвязей в условиях общего государства — Литовского княжества. Концепция Л. А. Булаховского выдержала испытание временем, его идеи в этой области остаются перспективными для современных исследователей.

Выступая с докладом «Становление литературных языков лужицких сербов в концепции Л. А. Булаховского», К. К. Трофимович (Львов) проанализировал работу Л. А. Булаховского «Возникновение и развитие литературных языков», один из разделов которой посвящен языку лужицких сербов. В этом коротком очерке дана правильная картина формирования верхне- и нижелужицкого литературных языков. И сегодня актуальной остается, например, концепция об отсутствии почвы для объединения двух языков и создания единого литературного языка для всех лужицких сербов. Однако современные исследования в этой области позволяют дополнить некоторые положения Л. А. Булаховского, в частности докладчик полагает, что в становлении литературных языков лужицких сербов действовали не только национально-культурные, но и социально-экономические факторы. В заключение был отмечен большой вклад Л. А. Булаховского в теорию литературных языков.

И. А. Стоянов (Киев) в докладе

«Проблемы болгаристики в трудах Л. А. Булаховского» отметил, что Л. А. Булаховский в течение полувековой научной деятельности неоднократно обращался к фактам болгарского языка при решении проблем славянского языкознания. Специфические черты в грамматике, акцентуации, исторические изменения в фонетике и морфологии болгарского языка были для ученого ценным материалом в сравнительно-историческом изучении славянских языков. Подробная характеристика работ, специально посвященных проблемам болгарского языкознания, позволила докладчику сделать вывод о том, что Л. А. Булаховский был первым в Советской Украине языковедом-болгаристом, продолжившим традиции русских и украинских ученых, заложивших основы славистики и болгаристики на Украине.

Доклад О. Б. Ткаченко (Киев) был посвящен теме «Исторический комментарий к современному литературному языку у Л. А. Булаховского как новое направление лингвистических исследований». На примере русского языка показана перспективность разработанного ученым метода исторического комментирования. Л. А. Булаховский исходил из факта сосуществования в каждом из периодов истории языка (в том числе наиболее доступном, современном) нескольких стилистико-хронологических вертикальных слоев. В связи с этим наиболее адекватным описанием современного языкового состояния является его историческое описание (построенное не в двух, как практиковалось до сих пор, а в трех измерениях). Перенесение принципа этого описания на другие, более отдаленные периоды развития языка позволило бы создать и наиболее полную и точную (системную) историческую грамматику. Применение нового подхода к исследованию славянских языков, основы которого заложил Л. А. Булаховский, было бы важно как в теоретическом, так и в практическом плане.

В докладе С. Ф. Бевзенко (Киев) «Исторический синтаксис украинского языка в концепции Л. А. Булаховского» был высоко оценен вклад ученого в развитие теории членов предложения, классификацию типов предложения, выяснение истории отдельных типов предложений. Докладчик подчеркнул полноту освещения в трудах Л. А. Булаховского этой проблематики и намечал дальнейшие перспективы разработки его идей на современном уровне развития науки о языке.

«Язык художественной литературы и вопросы культуры речи в творческом наследии Л. А. Булаховского» стали предметом доклада Н. П. Романовой (Киев). В нем была сделана попытка определить основную направленность работ ученого в этой области, а также их методологические особенности. В трудах Л. А. Булаховского нашли теоретическое обоснование и практическую разработку многие понятия из сферы лингвостилистики, которые в последние годы активно разрабатываются и частично по-новому осмысливаются (понятие нормы и ее исторического характера, культуры речи в широком понимании и т. д.). Отмечено, что наблюдения и выводы Л. А. Булаховского остаются актуальными и сегодня и представляют современному исследователю не только богатый фактический и теоретический материал, но и блестящие образцы его исследовательской обработки.

Завершенному недавно в Киеве изданию «Избранных трудов Л. А. Булаховского» в пяти томах были посвящены выступления М. А. Жовтобрюха и Т. Б. Лукиной (Киев). М. А. Жовтобрюх в докладе «Пятитомное издание Избранных трудов Л. А. Булаховского» подчеркнул, что выход пятитомника в свет — выдающееся событие в научной жизни. В издании нашли отражение широчайшие научные интересы Л. А. Булаховского (грамматика, фонетика, акцентная система, стилистика, история литературных языков, лексикология и лексикография, вопросы преподавания языка в средней и высшей школе и др.). Редколлегией была проделана большая подготовительная работа. Докладчик представил подробную характеристику каждого тома.

Т. Б. Лукинова в докладе «Первый этап издания научного наследия Л. А. Булаховского» отметила, что издание осуществлялось совместными усилиями Академии наук СССР и Академии наук УССР. Отведенный постановлением Президиума АН УССР объем издания — 200 печ. л. — полностью исчерпан. Во все тома входят ранее не публиковавшиеся архивные материалы (всего около 40 л.). Из печатных работ Л. А. Булаховского около 130 переиздано, причем некоторые собранные вместе серии тематически связанных статей образовали монографии («Возникновение и развитие литературных языков», «Исторический комментарий к украинскому литературному языку», «Славянские названия птиц», «Деэти-

мологизация в русском языке» и др.).
Пять статей включено в переводах с других языков (немецкого, французского, белорусского). В издании опубликованы многие фотодокументы. В то же время Т. Б. Лукинова, как и М. А. Жовтобрюх, отметила, что часть работ, не утративших своего научного значения, не смогла войти в пятитомник. В архиве хранятся неопубликованные материалы. Поэтому планируется дальнейшая работа над изданием научного наследия выдающегося ученого как в Киеве, так и в Москве.

Первый день работы конференции завершило выступление Ю. Л. Булаховской (Киев) «Л. А. Булаховский и украинские писатели» с воспоминаниями о Л. А. Булаховском, его дружбе и совместной творческой работе с такими деятелями украинской культуры, как М. Т. Рыльский и П. Г. Тычина. Выступление отразило живой облик ученого и общественного деятеля, широту его филологических интересов. Ю. Л. Булаховская подчеркнула, что ученого и украинских писателей объединял живой интерес к славянским народам и их культуре, их языкам и литературам, идеи советского патриотизма, что было характерно и для многих других украинских литераторов и ученых, с которыми тесно общался Л. А. Булаховский (А. И. Белецкий, Н. К. Гудзий, С. И. Маслов).

Второй день работы чтений открылся докладом А. А. Белецкого (Киев) «Независимые аналогические изменения грамматического строя родственных языков», посвященным характеристике сходных изменений, происходивших в индоевропейских языках в процессе их развития на разных уровнях языковой структуры. Из фонетических явлений были рассмотрены ритмомелодические изменения, процессы монофтонгизации дифтонгов и вторичной дифтонгизации, фонетическое падение окончаний, ведущее к изменениям в морфологической структуре. Среди морфологических изменений были отмечены также возникновение некоторых аффиксов из бывших местоимений, два направления в развитии артиклей (препозитивные и постпозитивные артикли) и грамматикализация глаголов. На уровне синтаксиса рассматривалось вытеснение инфинитивных оборотов аналитическими конструкциями, возвращение от гипотаксиса к паратаксису под влиянием устной речи, избегание деепричастных оборотов. Изменения эти могут быть объяснены как генетической общностью рассматриваемых языков, так и внутри-

структурными моментами. В заключение были приведены примеры параллельных явлений в неиндоевропейских языках.

В докладе Н. С. Зарицкого (Киев) «Частичная видовая соотносительность в глаголах русского языка» приведены результаты исследования этого явления на материале сплошного обследования глагольной лексики русского языка. На основе предварительного вычленения глаголов-корнетипов, объединенных в четыре группы, создана типология частичной видовой соотносительности, определены механизмы формирования и функционирования этого явления.

Вопрос о лексико-грамматическом калькировании славянских языковых моделей в венгерском языке рассмотрел В. В. Нимчук (Киев) в докладе «К проблеме славяно-венгерских языковых контактов». Докладчик считает, что аналитический способ образования повелительного наклонения с частицей *hadd*, аналитические формы будущего времени с глаголом *fogni* и образование числительных второго и третьего десятка в венгерском языке представляют собой лексико-грамматические кальки соответствующих славянских образований.

И. Г. Матвиас (Киев) в докладе «Среднеприднепровский, волынский и подольский говоры и их отношение к новому украинскому литературному языку» на материале Атласа украинского языка показал генетическую связь юго-западных и северных украинских говоров со среднеприднепровским (юго-восточным) и пришел к выводу, что в формировании норм современного украинского литературного языка приняла участие все украинские говоры, хотя роль разных говоров в этом была различной. Наиболее близкими к среднеприднепровскому говору оказались волынский и подольский.

Важной проблеме изучения акцентной системы древнерусского языка был посвящен доклад В. Г. Скляренко (Киев) «Подударные редуцированные гласные начального слога в древнерусском языке». В результате выполненного исследования автор приходит к выводу, что в древнерусском языке сильная позиция редуцированного гласного начального слога не зависела от его подударности за исключением тех случаев, когда редуцированный гласный входил в сочетания *trъt*, *tlъt*, *trъt*, *tlъt*, а также находился перед *j* (был напряженным редуцированным).

В докладе И. М. Железняк (Киев)

«Роль экстралингвистических факторов в этимологическом исследовании гидронимов» подчеркивается, что каждый гидроним требует отдельного монографического изучения, поскольку обладает своей неповторимой историей, для выяснения которой необходимо привлечение экстралингвистического материала. Это положение было проиллюстрировано подробным анализом гидронима *Скоморох* (река, протекавшая по территории Киева).

Первым для молодой славистики выступлением на научном заседании был доклад внучки Л. А. Булаховского В. И. Ярмач (Киев) «Некоторые вопросы перевода с сербскохорватского и польского языка». Проанализировав перевод на русский и украинский языки некоторых сатирических произведений сербских и польских авторов конца XIX — начала

XX вв., докладчица остановилась на наиболее сложных моментах (перевод пословиц и поговорок, экспрессивной лексики в речи персонажей, передача проны в авторской речи с памеренным переплетением «высокой» и «низкой» лексики и т. п.).

Подводя итоги II Научных чтений, посвященных памяти Л. А. Булаховского, акад. АН УССР В. М. Русановский отметил высокий научный уровень представленных докладов, осветивших разные стороны многогранной научной деятельности выдающегося ученого, развитие его идей и концепций в современном языковедении. В. М. Русановский подчеркнул необходимость продолжить работу по изданию научного наследия Л. А. Булаховского.

Яворская Г. М.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЛАВИСТОВ В КОТБУСЕ (ГДР)

Проблемы истории и культуры славянских и балканских народов в период перехода от феодализма к капитализму активно разрабатываются советскими учеными и их коллегами в ряде зарубежных социалистических стран, в том числе в ГДР.

Организованная Комиссией по истории славянских народов Общества историков ГДР совместно с Секцией славистики берлинского Университета им. А. Гумбольдта (г. Котбус, 20—22 апреля 1983 г.) научная конференция была посвящена славянским народам в эпоху национального возрождения и их связям с соседними народами. В работе конференции участвовали около 50 человек, в том числе представители Советского Союза (В. А. Дьяков и А. С. Мыльников) и Чехословакии (Р. Пражак и Ф. Хейл). Было заслушано 24 доклада и сообщения, по которым развернулись оживленные дискуссии.

В центре внимания стояли вопросы содержания, характера и хронологических границ эпохи национального возрождения как социального и культурного феномена и возможности его типологического сопоставления с аналогичными этапами развития у других народов. Проблематика эта теснейшим образом сопряжена с изучением исторических закономерностей перехода от феодализма к капитализму и

ряда общетеоретических проблем этнической истории. Об этом говорил во вступительном докладе вице-президент Общества истории ГДР проф. Х. Блайберг. Указав, что этнические факторы не исчерпывают исторической жизни этносов, имеющих на различных этапах развития свою социальную организацию, докладчик подробно остановился на основных положениях марксистской теории этноса применительно к истории немецкого народа. Он отметил, в том числе, что в процессе формирования немецкая феодальная народность, а позднее — немецкая буржуазная нация включали в свой состав, наряду с собственно германскими, также кельтские и славянские элементы. Поэтому изучение славяно-германских контактов в прошлом приобретает существенное значение. В то же время сложность и недостаточная разработанность многих аспектов этой темы, по словам докладчика, усугубляется ее сознательным искажением в реакционной историографии ФРГ. Это делает указанную проблематику чрезвычайно актуальной и важной в идеологической борьбе, которая ведется в условиях существования двух германских государств, из которых ГДР наследует все лучшие, прогрессивные традиции истории немецкого народа.

Доклад д-ра ист. наук В. А. Дьякова (СССР) «Проблемы национального воз-

рождения славянских народов: идеология, задачи и формы общественно-политического движения» носил обобщающий характер и стал, по существу, основой для последующего обмена мнениями. Проф. Ф. Хейл (ЧССР) посвятил свое выступление сопоставительному анализу чешского и словацкого национального возрождения с аналогичными процессами в истории украинского народа в XIX в. У. Леман (ГДР) коснулся общественной роли романтизма в славянских литературах первой половины XIX в. О ряде интересных наблюдений социолингвистического характера сообщил К. Гутшмидт (ГДР), осветивший в основном языковую ситуацию на начальной стадии национального возрождения у различных славянских народов.

По методологическим вопросам изучения межславянских и славяно-германских контактов выступили слависты из ГДР проф. Г. Цигенгайт, д-р П. Хофман и проф. К. Грау. В докладе «Германо-славянские научные связи в контексте общеевропейской культурной коммуникации» Г. Цигангейст подверг, в частности, критике «западоцентризм», которым страдает современная историография ФРГ, и указал, что эпоху европейского Просвещения невозможно правильно понять без учета восприятия, адаптации и критической переработки просветительских идей в славянской среде. Об этом же, на примере изучения исторических связей славянских и германских народов в XVIII и начале XIX в. говорил П. Хофман. Комплексную характеристику социально-экономических, политических и культурных факторов национально-освободительных движений дал К. Грау в докладе «Организационные центры поддержки национальных языков, литератур и исторических исследований у славянских народов в первой половине XIX в.».

Ряд выступлений были посвящены общим проблемам формирования наций, национального самосознания и межэтнических контактов на материале истории отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а также России. В докладе проф. А. С. Мыльникова «Проблемы традиций и преемственности в культуре чешского национального возрождения» были рассмотрены пути изучения особенностей этносоциального развития Чешских земель в период перехода от феодализма к капитализму. Близкими по тематике были доклады доц. Р. Пражка «Типологическая характеристика чешского и словацкого языко-

вого неологического движения в сравнении с аналогичным развитием в Венгрии и Румынии» и д-ра А. Гладров (ГДР) «К вопросу о специфике генезиса словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения».

Не остались без внимания болгарская и венгерская проблематики. Доц. Е. Байер проанализировал становление материалистической эстетики эпохи болгарского возрождения, проф. Д. Фрайданк рассмотрел особенности формирования болгарского литературного языка в XIX в. Выступление д-ра З. Хепнера было посвящено формированию венгерской нации. На вопросах сорабистики, имеющей давние традиции в немецком славяноведении, остановились научные сотрудники Института серболужицкого народоведения в Будишине (Баутцене). Д-р ист. наук Я. Шолта охарактеризовал социально-экономическую проблематику в деятельности Верхнедужицкого общества наук в Герлице в 1779—1809 гг. Д-р Я. Рауп рассмотрел роль культуры, в частности — музыки, в развитии серболужицкого мелкобуржуазного национального движения XIX в. Давно и плодотворно исследуется историками и литературоведами ГДР история русско-немецких культурных связей XVIII—XIX вв. В докладе д-ра А. Грасхоф «Нация и национальная литература в немецких известиях о России XVIII в.» был поставлен важный вопрос об адекватности трактовки этих понятий в немецкой и русской просветительской среде. Большой интерес вызвал доклад проф. Х. Грасхофа «Значение „Истории“ Н. М. Карамзина в развитии русского национального самосознания». Учитывая новейшие исследования советских ученых, Х. Грасхоф (скоропостижно скончавшийся в июне 1983 г.) значительное внимание уделил рассмотрению идейной позиции Н. М. Карамзина, труд которого, как известно, А. С. Пушкин назвал «подвигом честного человека». Другие выступления осветили общественное значение исторической беллетристики А. Бестужева-Марлинского (доц. У. Кунке), трактовку капитализма в русской марксистской, радикальной и либерально-буржуазной литературе конца XIX в. (доц. Д. Иена), общественно-политические воззрения народников (д-р С. Вегенер). Доклад историка прав О. Шнайдерайта «Проблема крепостного права в Германии и в Прибалтике» содержал важные наблюдения над историей немецкой феодальной колонизации в Прибалтике, а также относительно

крепостнической политики прусского короля Фридриха II. Отметив жестокость, которую проявляли немецкие духовные и светские феодалы в Прибалтике, ученый подчеркнул, что не менее тяжелым было положение в XVIII в. немецких крестьян в Пруссии, о которых современники говорили, что они «живут не лучше собак». Наконец, следует упомянуть ценные для истории славистики выступления д-ра Х. Порта «Влияние „славянского возрождения“ на развитие славистики в Германии» и д-ра Р. Ранфт «Э. Орфелин и его европейские связи».

Нельзя не отметить хорошей организации конференции, в ходе которой происходил плодотворный обмен мнениями по докладам и сообщениям. Этому способствовала деловая, товарищеская атмосфера, установившаяся на конференции. Участники конференции имели возможность познакомиться с памятниками истории, народной культуры сербо-лужичан и современного быта этого небольшого славянского народа, проживающего в ГДР и пользующегося всеми возможностями для свободного развития своего языка и культуры.

В ходе работы конференции выявился большой интерес ее участников к общим вопросам рассматривавшегося периода, прежде всего к оценке самого понятия «эпоха национального возрождения». Обобщая итоги дискуссии, председатель Комиссии по истории славянских народов Общества историков ГДР Я. Шолта отметил, что традиционный и во многом условный термин «национальное возрождение» наполняется в марксистской науке новым содержанием и поэтому с полным основанием трактуется большей частью исследователей как специфическая форма перехода от феодализма к капитализму в восточноевропейском ареале. С таким выводом, пожалуй, были согласны все участники конференции, хотя, как пока-

зали итоги дискуссии, некоторые конкретные аспекты проблемы еще требуют дальнейшего изучения и обсуждения. Так, Ф. Хейл и А. С. Мыльников отмечали, что в истории некоторых народов эпоха национального возрождения не охватывала всего периода перехода от феодализма к капитализму, будучи временем наиболее интенсивного протекания процессов формирования наций и подъема национально-освободительных движений. Эту точку зрения поддержали во время дискуссии также К. Грау и некоторые другие коллеги. При этом говорилось о необходимости международной унификации терминологии, в частности, для точной передачи смысла русских понятий «нация» и «народность». Г. Цигенгайт указал на необходимость изучения генезиса просветительской идеологии в славянских странах с точки зрения отношения к этому процессу немецких просветителей. Заслуживает дальнейшей разработки, как отметил в своем заключительном слове Я. Шолта, проблема межславянских культурных связей во всей ее полноте и многообразии и в контексте изучения взаимоотношений между всеми народами ареала.

Конференция носила междисциплинарный характер: наряду с историками и литературоведами, в ней приняли участие философы, этнографы, музыковеды, историки права и представители ряда смежных специальностей. При этом со всей очевидностью выяснилось, что по ключевым вопросам методологического и конкретно-исторического порядка позиции участников конференции совпадали. И в этом, пожалуй, заключался главный итог встречи в Котбусе — она способствовала дальнейшему упрочению научного сотрудничества между учеными ГДР, СССР и других социалистических стран.

Мыльников А. С.

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ МЕДИЕВИСТОВ В БЕЛОРУССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

10—12 марта 1983 г. в Минске состоялся научный коллоквиум «Международные связи в средневековой Европе», организованный кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского ордена Трудового Красного знамени государственного уни-

верситета им. В. И. Ленина. В этой конференции приняли участие преподаватели и сотрудники десяти высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов разных городов нашей страны (Белорусского, Волгоградского, Ленинградского, Московского и Уральского

Университетов, Ин-та славяноведения и балканистики, Ин-та всеобщей истории АН СССР, Московского историко-архивного ин-та и др.). Впервые советскими медиевистами были специально обсуждены сложные и во многом еще недостаточно изученные вопросы международных отношений в Европе начиная с эпохи «варварских» вторжений и кончая событиями XVII в., причем не только рассмотрен целый ряд конкретных проблем внешнеполитических, экономических и культурных связей эпохи средневековья, но и поставлены в качестве предстоящих задач важные методологические вопросы (в частности, о критериях для оценки международных связей в масштабах всего континента и в рамках отдельных его регионов, о взаимосвязи с этническими процессами той поры и т. д.). Примечательной особенностью конференции было стремление ее организаторов и участников исследовать эту многоплановую проблематику на материале не только Западной Европы, но и стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, далее — привлечение нового историковедческого материала, тщательный анализ историографии и пристальное внимание к негативным тенденциям, заметным в буржуазной исторической литературе, наконец, — активное участие молодых медиевистов нашей страны. Во время коллоквиума было заслушано 18 докладов и сообщений, многие из которых были посвящены различным проблемам международных связей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе в эпоху развитого и позднего феодализма.

Вполне закономерно, что в выступлениях белорусских историков особое место занимала проблема межславянских связей, в частности, исторических связей белорусских земель с другими славянскими, а также неславянскими странами. Так, в докладе Н. А. Гусаковой (БГУ) «Политические и экономические связи Великого княжества Литовского с Чехией (XV—XVI вв.)» особенно подробно были рассмотрены культурные взаимосвязи литовско-белорусских земель с Карловым университетом в Праге, проблемы обучения студентов «из Литвы» в Праге и создание для этой цели специальной коллегии, которой одно время ведал Ян Гус. В докладе Л. П. Сушкевич (БГУ) «Влияние западноевропейской общественной мысли на мировоззрение Анджея Фрыча Моджевского» была прослежена эволюция взглядов этого видного польского публициста XVI в., влияние

его связей с Эразмом Роттердамским, Меланхтоном и другими писателями той поры на его концепции и проекты реформ польского государственного строя. Доклад Я. Г. Риера (Могилевский ГПИ) «К вопросу о международных связях Восточной Белоруссии в XI—XIII вв.» содержал обстоятельный анализ многочисленных археологических материалов, свидетельствующих об оживленных экономических взаимосвязях данных областей Белоруссии с соседними и дальними странами Европы и Азии. Сообщение М. А. Хотевич (БГУ) «Белорусско-балканские культурные связи в XVI—XVII вв.» было основано на изучении исторических свидетельств о распространении книг белорусских типографий той поры на Балканах, в частности в Болгарии, Валахии.

Вторая группа докладов была посвящена весьма напряженной и сложной эпохе накануне кардинального изменения всей системы международных связей в Европе и Малой Азии, связанного с османскими завоеваниями и созданием могущественной державы османов на трех материках. Так, в докладе С. П. Карпова (МГУ) «Итальянская торговля в южном Черноморье» наглядно раскрыты историковедческие возможности для конкретного исследования этого немаловажного аспекта экономических взаимоотношений той эпохи (на материале неопубликованных генуэзских документов, относящихся к XIV—XV вв.). В докладе Е. П. Наумова «Древняя Русь, Болгария и Византия в конце XIV в.» обращено внимание на перспективность сопоставления известного «Списка русских городов» с «Похвалой Витовту», которое дает основания для вывода о прибытии в конце XIV в. во владения Витовта послов болгарского деспота (а также, возможно, и византийского императора Иоанна VII) для создания антитурецкого союза. В докладе «Болгария, Русь и Чехия в церковно-политических взаимоотношениях с Византией в XIV—XV вв.» В. А. Сметанин (Уральский ГУ) проанализировал сохранившиеся эпистографические свидетельства — переписку византийских патриархов, говорящую о немаловажных контактах той поры и отражении в этих письмах политических и религиозных концепций, которые приобретали особое значение в ту бурную эпоху. О переписке византийского патриарха Афанасия I доложил Н. Д. Барабанов (Волгоградский ГУ) в сообщении «Влияние церкви на внешнюю политику Византии на рубеже XIII и XIV вв.».

Вопросы международных связей позднего средневековья были рассмотрены в докладе Ю. Е. Ивонина (БГУ) «Современная буржуазная историография о международных отношениях позднего средневековья», отметившем заметную тенденциозность работ некоторых западноевропейских и американских историков (например, стремление идеализировать политику Османской империи, Габсбургов и т. д.), и в сообщении Т. П. Гусаровой (МГУ) «Международный фактор в Крестьянской войне 1514 г. в Венгрии», осветившей немаловажные внешнеполитические аспекты предыстории данного восстания, связанные с подготовкой антиосманского крестового похода и отношением к этим планам разных держав Европы.

Участники конференции осмотрели Музей Великой Отечественной войны и Музей I съезда РСДРП, познакомились с

главными районами и наиболее важными памятниками города. Весьма полезной и интересной была также беседа с деканом исторического факультета БГУ проф. И. О. Царюк, которая рассказала об учебном процессе на факультете и представила возможность подробно осмотреть весьма содержательную экспозицию музея истории БГУ, начавшего функционировать в октябре 1921 г. под руководством известного советского историка-слависта проф. В. И. Пичеты, его первого ректора. Следует особо отметить, что ценные экспонаты музея (напр. археологического и нумизматического отделов) послужили наглядным дополнением к докладам о международных связях белорусских земель в средние века. Тезисы и резюме докладов и сообщений предполагается опубликовать.

Наузов Е.

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ПО СЛАВЯНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ И ДИПЛОМАТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УКРАШЕНИЕ БАЛКАНСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ ДО XVIII ВЕКА»

С 15 по 30 августа 1983 г. в Софии проходил II Международный семинар по славянской палеографии и дипломатике, организованный Международным информационным центром изучения источников по истории Балкан и Средиземноморья (СИБАЛ) совместно с Болгарской Академией наук и Национальной библиотекой им. Кирилла и Мефодия. Проведение семинара является частью широкой программы научных семинаров по византийской, славянской и турецкой палеографии, организуемых СИБАЛ.

На семинаре, собравшем молодых специалистов палеографов из 10 стран, был прочитан цикл лекций по основным проблемам славянской палеографии и ряду смежных вопросов.

Семинар был открыт лекцией К. Станчева (НРБ) «Принципы и методика описания и каталогизации кириллических рукописей», в которой подробно освещались принципы комплексного научного описания рукописей и их датировки. Археологические и текстологические проблемы описания сборников рассмотрела К. Иванова (НРБ), подробно остановившись на трудностях, связанных с многочисленностью и разнообразием этого типа

рукописных произведений. В лекции «Археологические и текстологические проблемы изучения гимнографических сборников» С. Кожухаров (НРБ) дал исчерпывающую характеристику каждого вида этих памятников. С современными методами исследования рукописных книг (макрофотография, метрические методы; применение ЭВМ) ознакомил участников семинара А. А. Амосов (СССР), отметивший особую важность и необходимость комплексного подхода к исследованию каждой рукописи и в связи с этим разработки проблем кодикологии, филигранологии, текстологии и т. п.

Ряд лекций был посвящен лингвистическим аспектам изучения славянских кириллических рукописей. Болгарская исследовательница А. Мипчева («Значение языковых данных для хронологизации и локализации славянских кириллических рукописей X—XV вв.») изложила методику датировки и локализации рукописей на основе их языковых особенностей: фонетических, морфологических, синтаксических и лексических. Е. Дограмджиева (НРБ) в лекции «Синтаксические проблемы описания славянских кириллических рукописей X—XV вв.» под-

робно остановились на вопросах синтаксиса простого и сложного предложения, а также на особенностях пунктуации в рукописях этого периода. Директор семинара Б. Велчева (НРБ) прочла лекцию «Локализация балканских кириллических рукописей до XV в.», в которой изложила основные принципы изучения употребления в рукописи графических знаков, а также отражения в системе правописания диалектных черт той или иной территории, что в ряде случаев дает надежные критерии для правильной локализации памятника. В. Федер (Нидерланды) сделал доклад «О преславских протографах древнерусских рукописей», где привел ряд доказательств в пользу того, что некоторые древнерусские рукописи — например, Изборник 1076 г. — имели в своей основе преславские оригиналы.

Темой серии лекций было развитие славянского кириллического письма в отдельных славянских и неславянских странах. Б. Райков (НРБ) рассказал о развитии кириллицы в Болгарии до XIV в.; период с XIV по XVII в. был рассмотрен Е. Коцевой (НРБ). А. Амосов осветил историю развития кириллического письма в России, Д. Богданович (СФРЮ) — в Сербии, О. Гуцу (Румыния) посвятила одну из своих лекций кириллическому письму богослужебных книг на территории Румынии, другую — письменности деловых документов.

II Международный семинар по славянской палеографии и дипломатике явился хорошей школой повышения квалификации: молодых ученых, специализирующихся в этой области, дав им возможность глубже ознакомиться с ее фундаментальными проблемами и новейшими достижениями, а также произвести широкий обмен мнениями. Следует отметить высокий научный и методический уровень лекций, прочитанных на семинаре, а также их не только теоретический, но и практический характер.

К работе семинара была приурочена

Международная научная конференция «Украшение балканской рукописной книги до XVIII в.», состоявшаяся 27—28 августа 1983 г. Конференция открылась докладом болгарской исследовательницы А. Джуровой «Развитие жанровых типов украшения и орнаментальных стилей в балканских рукописях X—XVIII вв.», где было обращено внимание на необходимость целостного исследования рукописи, учета единства ее оформления и содержания, а также на проблеме соотношения византийского влияния и своеобразных черт в искусстве украшения рукописной книги на Балканах. Миниатюре и орнаментации четвероевангелия XIV—XV вв. был посвящен доклад О. Гуцу. В докладе Д. Богдановича «Проблема параллелизма в развитии письма и орнаментики» была поставлена проблема взаимосвязи текста и оформления рукописи, книги и писца, архаизации и инновации. Вопросам взаимовлияния искусства оформления рукописной книги и других прикладных жанров (мозаика, керамика, фреска, декоративная скульптура) был посвящен доклад болгарского искусствоведа Л. Мавродиновой «Об образцах древнеболгарских рукописных украшений и их параллелях в других видах искусства». Х. Пасху (Греция) сделала доклад на тему «Балканский стиль в украшении некоторых рукописей из Национальной библиотеки в Афинах». Геометрическим инициалам середины XIII в.—30-х годов XIV в. и их значению для датировки сербских рукописей был посвящен доклад Л. Василевой (СФРЮ). Влияние рукописной традиции на оформление старопечатной книги в XV—XVIII вв. рассмотрела Е. Коцева. Завершил конференцию доклад Д. Караджовой (НРБ), в котором были рассмотрены вопросы, связанные с написанием инициалов в некоторых рукописях из Котленского книжного центра.

Гуняева Е., Калужская И.

To the participants of the IX International Congress of Slavists. Declaration of the participants of the IX International Congress of Slavists to the scientists of the world. *Kostyushko I. I.* The IX International Congress of Slavists. *Zhelitski B. Y.*, *Kopasheva M. I.* Class relations in the socialist countries of Europe (social and economical aspects of the development). *Birman M. A.* Relations between social-democrats of Russia and of the Balkans in the beginning of the XX century. *Gracheva L. E.* Problems of the Russian revolutionary movement in G. Bakalov's works. *Dyakov V. A.*, *Freydon V. I.* Basic stages of the development and typology of the social and political thought of the Slavic peoples in the XIX century. *Miller A. J.* On the origins of the political movement of «stańczyks» (An argument between J. Szujski and P. Poppel in 1864—1867). *Bolshakova K. V.* Theatrical contacts between the USSR and Poland in 1946—1949 (according to the data of VOKS and OPSD). *Bernstein S. B.* Once more on Sreznevski. *Alekseyev A. A.* Principles of the historico-philological study of Cyril's and Methodius' works . . . 3

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Kasatkina N. I. J. Бојовић. Осма покрајинска конференција КПЈ за Црну Гору, Боку, Санџак, Косово и Метохију. *Globachev M. O.* Eleonora Syzdek. W jednym życiu tak wiele... Opowieść o Wandzie Wasilewskiej. *Prokopova I. I.* В. А. Нерод. Интернациональные связи трудящихся Украинской ССР и Польши. 1929—1933. *Gratsianskaya N.*, *Smirnov L.* Jozef Hroziencik. Turčianski olejkári a šafranici. *Freidenberg M. M.* P. В. Петровић. Племо Кучи 1684—1796. . . . 107

SCIENTIFIC LIFE

I. K. Conference «Universities and students». *Zhakova N. K.* Session of the scientific and methodical council section. *Yavorskaya G. M.* Readings in memory of L. A. Bulakhovski. *Mylnikov A. S.* International conference of slavists in Kotbus (GDR). *Naumov E.* Conference of Soviet mediaevists in the Byelorussian University. *Gunyayeva E.*, *Kaluzhskaya I.* 2nd International seminar on Slavic palaeography and diplomatics and International conference «Decoration of Balkanic manuscripts before XVIII century» 117

Технический редактор *Е. В. Синуцына*

Сдано в набор 12.12.83 Подшано к печати 02.03.84 Т-02343 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Усл. кр.-отт. 13,5 тыс. Уч.-изд. л. 12,9 Бум. л. 4,0
 Тираж 1170 экз. Зак. 3463

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.

: Индекс 70891

№ - 17

В ОРДИНА 34/38-40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

III